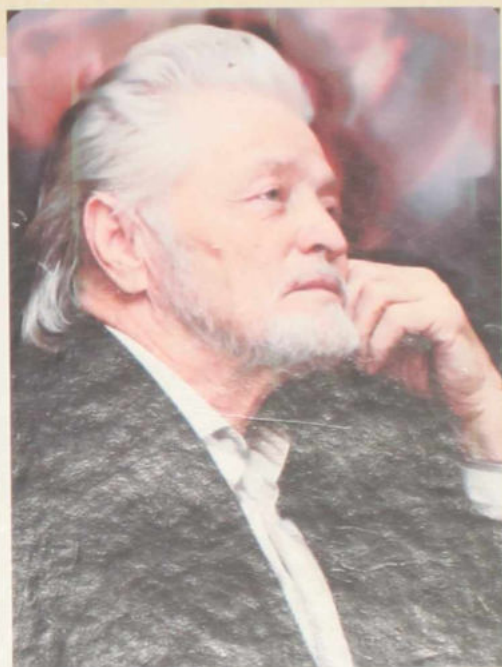

Серия
Изумрудный Алтай

Борис Щербаков

**ДОКТОР ФИЛИПП
И ЕГО ДРУЗЬЯ**

или

*Криминальные истории
в природе*

Усть-Каменогорск
2014

типография
Восход
ПЕЧАТЬ
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

ББК-К84
Щ-21

«Книга подготовлена к печати
общественным фондом Почётных граждан
Усть-Каменогорска «Мой город»

Редактор – Г.Н. Пуссеп

Рисунки Б. Щербакова

Щ-21 Борис Щербаков. «Доктор Филипп и его друзья или криминальные истории в природе». Усть-Каменогорск. Изд. «Восток-Печать», 2014 г. – 210 стр.

Живым, эмоциональным языком в своих рассказах автор книги «Криминальные истории в природе» вскрывает неожиданные с первого взгляда взаимосвязи в окружающем нас мире, тем самым пробуждая в каждом читателе внимательность и наблюдательность, учит добру и ответственности за всё живое, прекрасное, что есть вокруг нас.

Материал изложен в детективно-приключенческом жанре и читается не только с особым интересом, но и несёт большую познавательную нагрузку в области регионального природоведения. Поэтому книга принята будет самым широким кругом читателей, которым автор и адресует её.

ISBN 978-601-74-77-000

ББК – 67412
Щ-21

© – Б.В. Щербаков
© – Изд. «Восток-Печать»

Борис Щербаков

**Доктор
Филипп и его
друзья**

или

Криминальные истории в природе

Усть-Каменогорск

2014 г.

«...Теперь наши сыщики знали... с тайнами в нашей жизни расставаться немного грустно. А не будь их, жить станет на земле не так интересно. Но, оказывается, победители умеют тоже грустить. А победители – они – наши знаменитые сыщики и следопыты...»

«Сколько впереди ещё неизведанного и таинственного!»

Доктор Филипп и его друзья

Новая книга Б.В. Щербакова представляет совершенно необычный жанр – как в детской, так и в приключенческой литературе. Аналогов его рассказам до сего времени в отечественной и зарубежной литературе не отмечено, а к избранной теме, связанной с расследованиями самых разных событий криминального характера в природе, автор подошёл по-своему: эмоциональным, живым языком путём дедукции решаются сложные, порой таинственные, причинно-следственные связи в природе, которая по сути носит яркий «криминальный» характер – в ней есть добытчики и обидчики, и, естественно, их жертвы, пострадавшие...

Автором найден новый типаж в лице доктора Филиппа – учёного, лингвиста, профессора, который открывает в своем образе кровные связи со всеми народами мира. Он – гражданин мира! Узнав об этом, он учит языки всех народов планеты. Ему это удаётся. Но в последний момент доктор приходит в ужас – он всё путает, но к своей радости убеждается, что знает язык животных, как результат того, что в лексике разных народов многое заимствовано от животных – их голосов и телодвижений. Таким образом, наш доктор есть некто между полюбившимися юным читателям знаменитым доктором Айболитом и не менее известным и любимым – Шерлоком Холмсом. Доктор при определённых обстоятельствах находит себе четвероного друга – Романа Романовича и сороку – Сюзанну. С целью использования естественных возможностей своих друзей, – острый нюх собаки, скорость и зоркость птицы, доктор создаёт «Бюро криминальных расследований в природе».

По едва заметным следам, запаху, царапинам и мелким погрызам, иногда по капелькам смолы, паутинке, оброненному пёрышку, команда сыщиков-следопытов, вооружившись вещественными доказательствами и методом дедукции, владеет которым доктор Филипп, способна распутать самые невероятные криминальные истории, тайны исторических событий, а распутывая всевозможные хитросплетения, происходящие в природе между животными и человеком, его команда успешно находит источник случившихся несчастий, заложенных изначально в действиях и поступках человека, которые стали первопричиной многих трагических событий в природе.

Но не только вскрываются ими негативные явления, есть и положительные события, играющие важную роль в окружающем нас мире.

Особая ценность книги заключается в том ещё, что автор, незаметно, в занимательно-познавательной форме, проводит связующую нить, логические заключения о причинно-следственных связях, наблюдаемых в природе, и делает это живым, эмоциональным языком, вскрывая неожиданные с первого взгляда взаимосвязи в подлунном мире, тем

самым пробуждая в каждом читателе внимательность и наблюдательность, учит добру и ответственности за всё живое, прекрасное, что есть вокруг нас.

Материал изложен в детективно-приключенческом жанре и читается не только с особым интересом, но несёт также большую познавательную нагрузку в области регионального природоведения. Поэтому книга принята будет самым широким кругом читателей, которым автор адресует её. Иллюстрации, выполненные автором, частично заимствованные из ряда книг о природе, несомненно, умножают достоинства книги, которая станет хорошим подарком для юных читателей не только Казахстана, но и многих евразийских стран.

Редколлегия

I. Доктор Филипп

Однажды, очень славный и очень известный профессор, крупный специалист в изучении языков мира – лингвистики, совершенно случайно остановился в доме своём перед зеркалом. И, не смотря на то, что очень многие годы он не видел своего зеркального отражения, себя он все-таки узнал и, вглядываясь в свой светлый образ, всегда и во всем сомневающийся, теперь несколько не колебался: «Да, это действительно я – профессор, доктор Филипп», – думал он, разглядывая себя. Но доктор на этот раз не просто взглянул на себя, он стал внимательно изучать своё забытое отражение. Конечно, у каждого читателя возникнет вопрос: почему же доктор Филипп остановился у зеркала? Да потому, что он всегда был очень и очень занятым. Личного времени у него никогда на такие пустяки, как зеркало, не оставалось. Он был настолько увлечён своими исследованиями, что постоянно забывал о времени обеда или ужина. Или просто забывшись, думая только о новых открытиях, он мог пойти в другую сторону, только не туда, куда нужно. Однажды с ним произошёл случай: после прогулки он подошёл к двери собственного дома и, прочитав оставленную им же записку: «Доктора дома нет», с сожалением покачав головой, ушёл. А в другой раз, во время прогулки, он почувствовал, что вдруг сильно стал хромать. Конечно, доктор немало удивился – что же случилось? Однако, взглянув под ноги, рассмеялся: одной ногой он ступал по бордюру, другой по аллее. Поэтому каждый раз, оказавшись дома после работы или прогулки, он приятно удивлялся, как человек, тесно связанный с понятиями разных философских категорий глубокой логикой, ещё одной счастливой случайности, когда успешно находил дом. Такой же случайностью стало и то, что он остановился перед зеркалом. К своему большому изумлению он вдруг обнаружил в лице человека, смотрящего за стеклом зеркала, – много чего свойственного обличию самых разных народов и национальностей.

– Как прежде я не заметил у него, то есть у меня, – удивлялся он, – этих особенностей? Взгляд-то какой – цепкий и гордый прямо-таки, как у дикого горца; нос с горбинкой римского легионера, с нервными ноздрями английского чиновника. Доктору вдруг стало понятно – из-за горбинки на носу у него всегда ловко и прочно сидели очки с толстыми, как апельсиновые корки, стеклами.

– Эврика! – воскликнул доктор, разглядывая себя, – всё это прямое доказательство – в жилах моих кровь древних римлян, горцев... А ну-ка ещё, может ещё!

Ну, а так как, он хорошо знал историю разных народов, их традиции и внешние, отличительные признаки, разрез глаз подсказал – в крови его

и даже характере много азиатского. Конечно, доктор был безмерно удивлен своим открытиям за последние пятьдесят лет и решил – будь что будет, но он еще потеряет время и займется изучением собственного лица, которое, как оказалось, он знал гораздо хуже, чем географический глобус. Обратив внимание на губы, которые были непривычно полноватыми, на особый их красноватый оттенок, видимый сквозь седые усы, он, отбросив всяческие сомнения, пришел к выводу – что является прямым потомком африканских бушменов. И тут вспомнил, что мать его походила на французскую королеву времен Людовика XVI, а отец – копия здорового, рыжего кельта – деда его.

– Несомненно, – сказал себе доктор, – во мне их кровь: борода, – он потрогал, почесал её, – борода типичная – шотландская.

Теперь он вспомнил даже и то, что его бабушка рассказывала о каких-то иноверцах – далеких предках из степей между Каспием и Алтаем. Глядя на себя, он убедился ещё раз, что собран весь образ его будто из лоскутов плоти разных народов и национальностей.

Поначалу доктор пришел в ужас, – столько в нём всего оказалось намешано: китайцы и ненцы, калмыки и уругвайцы, татары и малайцы. В осанке своей узрел он следы, родственные с аборигенами холодной Патагонии на Огненной Земле. Теперь только понял он, что всю свою жизнь руководствовался характером испанского конквистадора, и авантюризмом бизнесмена южных штатов Америки. Вспомнил однажды, как в годы юности лихо отплясывал русские гопаки, пел цыганские и тирольские песни, участвовал в казахской байге. А ещё заметил он и в лице своём страсть охотника за тюленями суровой страны полуночного солнца – Лапландии.

Доктор крепко задумался – кто же он? Но, как каждый умный философ, после глубоких, а точнее тяжких размышлений, ноги его почему-то вновь привели к зеркалу, чтобы он открыл больше в себе родственного с самыми отдаленными народами, каких он только знал.

И вот однажды, после железной, но гибкой, как виноградная лоза логики, вдруг наступило прозрение. Доктор радостно воскликнул:

– Эврика! Это очень хорошо! Я самый-самый человечный на всей земле. Я гражданин мира! Это же прекрасно – люди планеты – мои родственники: братья и сестры, деды и прадеды, бабушки и пра-прабабушки...

И так, как он был великий ученый и в совершенстве знал в какую эпоху на земле появился человек, то без особого труда просчитал сколько было на земле поколений. Посчитав же, вовсе не огорчился, напротив даже – уверился и сказал себе: «Не так уж много было поколений за один миллион лет, с тех пор, как появились люди. И с философской, и с геологической точки зрения – это пустяк. В будущем появится ещё больше поколений, но люди навсегда останутся братьями.

Так что, – рассуждал он, – народы земли – все мои родственники и друзья». Доктор Филипп был уверен, что если бы он ещё подумал крепко о животных земли, то обязательно обосновал бы связи родственности всех животных и с человечеством тоже.

Тогда он обязательно пришёл бы к выводу, – к ним давно пора изменить отношение и только в лучшую сторону.

Пока же учёный поглощён был всецело открытием личности своей, отражающей черты и эмоциональное выражение, практически, всего проживающего на земле человечества, и сказал себе сам:

– Доктор Филипп, ты самый интернациональный на планете человек! Это же так здорово! Так красиво! Доктор Экобаев, ты счастлив!

Надо сказать, что с этого дня он нравился себе больше чем в молодости и решил тогда, что просто обязан изучить языки всех народов мира:

– Я должен знать языки моих предков. Иначе, быть таким, как я и не знать языков, не только не красиво, это кощунственно! Я выучу их и начну изучать сейчас, немедленно...

С этого дня и часа даже, а точнее с этого момента, не откладывая ни минуты, доктор приступил к изучению языков всех народов.

Дело, конечно, не лёгкое, но доктор уверен был в своих способностях и трудолюбии, поэтому приступил к изучению языков с уверенностью и вдохновением. И вообще любые дела он делал с большим вдохновением и пристрастием, на какие способен только великие ученые, уверенные в успехе. Днями и ночами, со словарями, тетрадями он читал, переводил, записывал, заучивал незнакомые слова. Иногда доктор брал увеличительное стекло и пристально разглядывал самые трудные из них. Так одолевал он барьеры словесного багажа народов.

С этих пор время в его насыщенной жизни пошло ещё быстрее, оно пролетало. Доктор торопился, – не упустить бы птицу времени, и год прошёл как день. Вскоре, как человек, как профессор и способный исследователь, он свободно уже говорил на японском, китайском, аварском и даже на языках полудиких племен Африки, в совершенстве овладев непростым языком – суахили. Говорил свободно он на языках племен с примитивной культурой Амазонии в Южной Америке, Центральной Африки. И только что закончил изучение языков северных народов. Наконец, собравшись с духом, приступил к изучению нелюбимого им со школьной скамьи – немецкого. В школе получал он по этому языку не лучшие отметки, за что иногда ему крепко попадало. Беда в том была – доктор частенько путал между собой некоторые языки, как, например, аварский с баварским. Он с трудом отличал китайские иероглифы и арабскую письменную «вязь». Ещё так и осталась непонятной разница: в каких случаях в казахском языке

следует употреблять слова – мэдэниет, а когда эдебиет? Также путал иногда слова «культура» и «литература». Конечно же, не в этом главное в конце-концов, как говорятся: «Кто ничего не делает, тот и не ошибается». Поэтому доктору ошибки такого рода всегда можно было простить. И он прощал себе.

И вот наступил самый долгожданный день – когда он изучил все языки мира. И сказал сам себе: «Всё! Наконец-то!» И тогда он решил проверить собственные лингвистические познания. Но неожиданно, вдруг, к великому огорчению убедился, что в голове у него настоящая «каша» из каких-то самых разных слов, обрывков фраз, выражений, междометий... Он не понял – почему всё перемешалось, перепуталось?

Доктор, конечно, очень огорчился и решил, что в таких случаях нужно прогуляться, охладить перегревшийся мозг, и всё станет на свои места.

На прогулке

Как каждый увлечённый человек доктор Филипп мало с кем дружил, всё свободное время он уделял любимой профессии. И поэтому жил один. Почувствовав предельную усталость, он тут же бросил все дела и, решив прогуляться, быстро собрался, вышел на улицу со своим постоянным спутником – посохом. Оказывается, у него всё последнее время ближе никого и не было, с кем бы он мог пойти на прогулку, только его старый, сучковатый посох.

В воздухе стоял уже запах первого снега. Доктор огляделся: вершины далеких гор стояли белые, деревья совершенно оголились, аллея была густо усыпана жёлтыми листьями. Только сейчас он отметил про себя, что на дворе уже глубокая осень, и ещё заметил, что шёл мелкий, холодный дождь.

Доктор не замечал прохожих. Голова его была занята мыслями. Он думал: «В чём же дело?» Почему мысли его вдруг стали путаться и вообще с ним за последнее время происходили какие-то непонятные вещи. Иногда он забывал позавтракать или искал очки свои, потеряв много времени, а они были в это время на его собственном носу и...

А сейчас доктор шёл, опустив голову, слушая как капли стучат по полям его шляпы. Перед глазами его появился вдруг щенок. Он сидел на обочине аллеи и печально очень смотрел на прохожих. Но все они шли и шли, словно его вовсе и не было на аллее. Словно он и не смотрел на них печальными глазами. Потому, видимо, идущие мимо люди и называются прохожими. Мелькнули и ушли навсегда, в вечность. Прохожие как один куда-то спешили, думали о чём-то своём. И им

никакого дела до маленького, беспризорного щенка. А он ждал: ждал, может, кто его заметит и возьмёт домой. Ведь он замёрз и очень хотел есть.

Беленький с чёрным носом и такими же чёрными ушками, прикрывающими чуть его печальные, умные глазки.

Доктор Филипп прошёл также мимо никому не нужного щенка. Но почему-то мысли его, после того, как он заметил жалкое животное, пошли вразнобой: образ щенка стоял перед ним. И доктор понял, что в глазах его прочитал, сам не зная как, – боль и скорбь. Ещё он вдруг ощутил на себе, как ему холодно от сырости и студеного воздуха. Конечно, как всякому нормальному человеку, ему стало очень жалко маленького с чёрным носиком беспризорника. А главное – никак не мог позабыть его очень грустных глаз. И тогда доктор, нисколько не раздумывая, повернул назад. Он подошел к щенку и совершенно неожиданно для себя прочитал в его глазах: «Возьми меня к себе. Я замёрз и очень хочу есть. Ну что тебе стоит, возьми!? Стану тебе самым лучшим и самым преданным другом. Неужели все люди такие безжалостные, недобрые?»

– Нет почему же, – вслух произнес доктор Филипп. – Я совсем не такой. Обязательно возьму, если ты этого очень хочешь.

– Очень хочу, – проскулил щенок.

И тут, совершенно неожиданно для себя, доктор вдруг сделал ещё одно величайшее открытие – оказывается, он прекрасно понимает язык телодвижений маленького щенка. Неожиданно в стороне прокаркала хриплым осенним голосом пролетающая ворона. И доктор понял: ворона сообщала другим, что скоро выпадет снег и нужно улетать, где потеплее. Вдали послышался лай, и доктору стало ясно – собака предупреждает кого-то: «Уходи, если не уйдешь, пожалеешь! Вот только цепь меня не пускает...»

Доктор сначала не верил ушам своим: что так хорошо понимает язык животных. Поначалу он растерялся: «Как так?» И вообще раньше он думал, что животные не умеют говорить, рассуждать... И вот тебе, пожалуй!

Доктор на мгновение задумался, и вдруг в душе его взорвалась будто великая радость: он понял что произошло и воскликнул:

– О! Эврика! Я как царь Соломон! Я зоолингвист! – такого слова «зоолингвист», он не встречал в литературе, но сказал именно так о себе, как об учёном, понимающем язык животных. «Как это прекрасно! Что же такого произошло?» – спросил он себя. Он любил задавать себе трудные вопросы, но ещё больше любил находить на них ответы. Иначе он не был бы таким знаменитым профессором. Да ещё с таким красивым именем, как Филипп!

– Дело вот в чём, оказывается, – пришел он к логически завершённой мысли, – в языках народов мира много слов и прочего, взятого от животных. Человек веками, тысячелетиями учился у них, подражал им. А у кого ему было б учиться, если сам он был когда-то животным, – так примерно, рассуждал доктор, – зная языки народов планеты, я стал понимать язык зверей и птиц.

Доктор склонился к щенку и сказал ему на простом щенячьём языке:

– Приглашаю Вас, почтенный Роман Романович, в свой дом.

Щенок радостно вильнул коротеньким хвостиком и облизнулся.

– Обязательно покормлю, как же без пищи. Признаюсь Вам, почтенный, и сам я изрядно уж проголодался. Прошу ко мне, Роман Романович.

Доктор Филипп не знал, почему именно – Роман Романович? Но опять-таки сам себе и объяснил: «Если так назвал, значит, так нужно было».

Он верил, что в жизни всегда есть место озарению.

– Прошу Вас, Роман Романович, – и он пригласил щенка следовать за ним. Теперь, все трое: доктор Филипп, его сучковатый посох и ещё с ними Роман Романович, шли, не спеша, домой.

Помогите, спасите!

Итак, в доме доктора жил теперь верный и преданный ему Роман Романович. Ничего, что он был маленький, – у него было на редкость большое, доброе сердце и очень умные глаза. А так, как он очень любил доктора, то всегда с нетерпением ждал у порога его возвращения домой. Доктора это очень волновало: прежде ведь никогда и никто не ждал его в собственном доме... Ему было очень приятно, что всегда его ждёт Роман Романович, и доктор с радостью спешил с работы домой. И ещё нравилось ему, что у Романа Романовича прекрасный аппетит, и он быстро, на глазах, подрастал. С этого времени можно было часто видеть, как доктор со своим посохом и в сопровождении юного друга прогуливался, по любимой аллее.

Однажды во время такой прогулки, Роман Романович, глядя в глаза доктору, вильнул хвостом, и ласково проорчал, это значило:

– Позвольте мне, хозяин, ещё побегать по саду, одному?

Доктор Филипп присел около Романа Романовича, погладил его и тихо сказал:

– Уважаемый Роман Романович, мы живём в век демократии, это значит, – Вы, сударь, вольны делать всё, что Вам заблагорассудится. При этом всегда помня, – ничего дурного и никаких отвратительных проступков. И ещё скажу, я не хозяин Вам, я Ваш друг, а Вы мой! А это значит...

Роман Романович был очень смышленным, он, конечно, всё понял и сразу же добавил:

– Это значит – мы друзья!

– Вот именно, уважаемый, а теперь идите гулять, только будьте осторожны...

Роман Романович, оставшись один, побежал по большому лесопарку. Он внюхивался в запахи поздней осени, прислушивался к шорохам и голосам. Очень ему нравилось открывать для себя этот большой и чудесный мир, в который он пришёл из неизвестности, такой прекрасный – полный разных запахов и звуков. И вдруг услышал он крик о помощи: «Помогите! Помогите! Он меня съест! Спасите!»

Роман Романович, не раздумывая, что есть силы помчался к дому и сообщил доктору о том, что он услышал. Вскоре они вместе спешили в лесопарк. И снова крик...

– Что Вы слышите Роман Романович? – спросил доктор.

– Я слышу «спасите» и ещё что-то о кошке...

Роман Романович, поглядел в глаза доктора и тихо визгнул.

– Прекрасно! У Вас, друг мой, отменный слух, и мы немедленно должны поспешить на помощь.

Они тут же свернули и напрямик начали продираться через густой кустарник: одолели канаву, перебрались через лесной завал, оказались перед ветхим забором, за которым в тенистом саду, около старинного замка, звали на помощь:

– Помогите, хоть кто-нибудь, он съест меня!

Роман Романович в тот же миг перескочил через забор и оказался около могучего дуба. Забившись в густые заросли под ним, взывала о помощи сорока.

Роман Романович бросился выручать птицу: послышался

лай и злобное урчание. Подоспел и доктор. Из кустов выскочил рыжий, весь от хвоста до усов, взъерошенный кот.

– Прошу тебя, оставь её и уйди по-хорошему! – прорычал на него Роман Романович.

– Как Вам не стыдно, уважаемый!? Вы такой красивый и вдруг на беззащитную птицу! – пристыдил его доктор.

Но кот презрительно фыркнул: выгнул дугой спину, надул бока, отчего рыжая шерсть его стала включенной ещё больше, злобно шипя и фырка.

– Ещё ты меня будешь учить, очкарик, идите своей дорогой со своим шелудивым коротышкой!

Роман Романович хотел, было, как следует задать ему, но доктор остановил: «Уважаемый Роман Романович, нужно проявлять сдержанность. В жизни так много всего, чтобы тратить нервы и здоровье. Будьте благоразумны».

Кот же, страшно обозленный, что охота его на сороку была сорвана, взъерошенный, с горящими глазами в одно мгновение скрылся в зарослях.

– Я покажу ему, – горячился Роман Романович, – сначала за очкарика, а потом за шелудивого пса, хвост откушу!

Они подошли к сороке, которая от страха закрыла глаза. У нее были изрядно уже потрепаны перья, а хвоста и вовсе – как будто никогда и не было. Доктор обратил внимание и на то, что крыло её чуть-чуть обвисло...

– Вывих! – поставил он диагноз. – Будем лечить эту даму из рода сорок.

– Доктор, у неё хвоста нет. Это не сорока, – сказал по-своему Роман Романович.

Сорока открыла глаза и увидела склонившегося над ней человека в толстых очках, с усами и бородой. Около сидел белый пёс, у которого нос и уши были чёрными. Она очень испугалась, но, услышав, что она не сорока и ещё без хвоста, рассердилась очень. Хвост был её гордостью, а теперь он остался в зубах рыжего кота, она, конечно, была не только расстроена, но и предельно возмущена. А наглое заявление собаки, возмутило её до крайней обиды. Она, позабыв, что только что была на волоске от гибели, громко и гневно прострекотала:

– Кжюк-так-так-жа-ка-гэ!

Доктор понимал состояние птицы. Понимал, что она глубоко оскорбилась и начисто отрицает заявление Романа Романовича.

– Это наглость! – Прострекотала она. – Тот, кто сказал – невоспитанный балбес и отменный нахал!

Она вновь закрыла глаза, решив – будь, что будет: кот ли съест её или ещё кто, но она твёрдо убеждена была, как всякая особа женского пола, что она самая красивая и достойна всяческого восхищения, а тут...

– Сударыня, пожалуйста, откройте Ваши прелестные глаза! – сказал спокойно доктор.

– Нет! – воспротивилась она, – видеть не желаю вашего беспардонного пса. Оказывается он ещё нахальнее и противнее того кота. Она много ещё чего в гневе нататорила, выплескивая свою обиду.

– Успокойтесь, сударыня, мы – Ваши друзья. Пришли помочь Вам, такая беда случилась с вами! – Сострадавая, говорил доктор птице, которая всё ещё дрожала от страха. – Если мы не поможем, то кто? – уговаривал её доктор, – Вот и пришли с Романом Романовичем.

– Вы абсолютно правы, хвост у Вас самый прекрасный. Только вот беда, что у нашего Романа Романовича неважное зрение. Он не разглядел почему-то его.

Разговор вскоре был окончен. Сорока дала согласие на дружбу, и её, изрядно потрепанную, бесхвостую, с вывихнутым крылом, доктор сунул за пазуху, и теперь уже вчетвером они отправились домой.

Забот по дому прибавилось у доктора: он подлечил сороке крыло. Жалкая и замученная птица превратилась в настоящую красавицу – элегантную птицу с великолепным сине-зелёным хвостом. К этому времени позабылись все обиды её на Романа Романовича, и семья их стала весёлой и дружной.

– Вот беда! – хлопнул однажды себя по боку доктор, – столько времени прошло, как вы живете у нас, сударыня, а мы с Романом Романовичем не потрудились узнать имя Ваше. Просим извинения. У каждого должно быть собственное имя. Иначе нельзя. Вы такая красивая, такая изящная. С таким прелестным хвостом и чудными глазами! А без имени?!

Как и всякая дама, она была польщена словами доктора Филиппа. Сорока открыла клюв и чисто, на человеческом, произнесла: «Сюзанна! Сюзанна, зовите меня!»

– Как-как? – переспросил доктор и приставил ладонь к уху. Он и поверить не мог, что птица может говорить, как мы с вами. И когда сорока повторила снова свое имя. – Ах, да, конечно, – Сюзанна! Что ж, Сюзанна так Сюзанна! Вполне красивое и звучное имя. Надо признать, оно очень подходит Вам, сударыня. И отныне мы с Романом Романовичем станем звать вас только по имени.

Доктор, как человек светский, почти пропел её имя с особым французским прононсом: «Сюзанна! Нас теперь трое! Мне с Вами веселее, Вам со мной надежнее!»

Важное решение

– Жизнь подчинена законам общественных отношений, и как только собирается больше двух, – это уже команда, – рассуждал доктор, – и ей под силу выполнять любые социальные задачи.

Поэтому однажды он обратился к своим друзьям с предложением:

– Друзья мои! Уважаемый Роман Романович, почтенная Сюзанна, я должен сказать, что наступило время заняться нам с вами полезными и интересными делами. Не можем же мы – такие талантливые жители замечательной планеты, на которой масса всевозможных, нерешенных проблем, – вот так просто убивать время. Команда наша прекрасная и, естественно, должно быть у нас приличное занятие, как у каждого уважающего себя гражданина земли. Вы только посмотрите – сколько вокруг возможностей: над нами светит золотое солнце, обогревая и лаская наши тела и взоры. Ночью – дороги освещает живительный свет серебряной луны. Россыпи звёзд указывают пути тем, кто в дальних странствиях, ветры наполняют паруса их. Для всех землян в небе рождаются облака, с которых проливаются благодатные дожди, и всё, что есть на земле, омолаживается. Всюду леса и реки, озёра и степи, пустыни, наконец, несущие жизнь, красоту и радость, и разочарование...

Бесконечная красота замечательных растений, благоухающих ароматами и радующих глаз. Голоса, шумы, шорохи, страх, поражения и победы и ещё бесконечные числа, указывающие на удивительное многообразие оборотности нашей жизни. И есть человек и многое, связанное с ним – доброе и требующее разрешений... И эта всё лишь малая часть брэнной и бурной жизни полной самых невероятных, таинственных и загадочных явлений. зла и несправедливости, обид и счастливых мгновений.

А всё это называется одним, простым словом – Жизнь, в которой постоянно борьба каждого за своё место на этой земле. На этом стоят законы природы, социальный уклад общества. И уже поэтому жизнь волнующе прекрасна в неисчерпаемом своём разнообразии. И так всюду. Там же, где она замедляется, тут же приходит серая, губительная скука... Угасают краски и звуки... Это страшно, друзья мои!

Так, примерно, начал свой разговор со своими друзьями доктор Филипп.

– Если отстранится от всего, что дано жизнью, нет смысла и продолжать её. Поэтому, предлагаю найти, используя наши возможности, начать какое-нибудь интересное и полезное дело.

Заложив руки за спину, Филипп широкими шагами стал ходить по комнате, выставив вперед бороду. Доктор думал, а в такие минуты он

часто поправлял очки, и всегда вел себя так, когда решал какие-то важные проблемы.

Роман Романович, как обычно, сидел у порога. Он очень любил это место: здесь всегда прохладнее и дверь под боком, если что – так он всегда впереди. А вот Сюзанна отдыхала на своей любимой двери, напротив окна. Отсюда хорошо был виден двор и улица, и даже соседний лесок.

– Итак! – продолжал доктор Филипп. – Что по этому поводу думает наш уважаемый Роман Романович?

Роман Романович почесал за ухом и «наострил» уши. Он был весь во внимании. Но уши его даже в такие моменты чёрными лоскутами свисали по бокам головы. Доктор видел, что он тоже сосредоточенно думал.

– Я жду ответа, уважаемый! – поторопил доктор.

Роман Романович теперь прижал уши и громко фыркнул, а потом пробурчал что-то и вильнул хвостом.

– Хорошо, я понял: значит, Роман Романович считает, что мы должны лучше караулить наш дом и отгонять подальше кошек. – А Вы, сударыня, что скажете по этому поводу?

Сюзанна шумно встряхнулась, прострекотала три раза и крепко долбанула по двери клювом.

– Так-так, Сюзанна считает, чтобы не скучать, нужно летать по чужим дворам и подбирать там всякие блестящие вещицы. Словом, всё, что плохо лежит! Да ещё изгнать бы со всех дворов кошек, но, друзья мои! – руки доктора снова заняли свое место на спине, борода ещё сильнее выпятилась, а ноги сами пошли по комнате.

– Я думаю, наш опыт и талант, если хотите, можно использовать с пользой для других, не забывая о собственных интересах. Ну, что вы, на самом-то деле, не кошек же по дворам нам с вами гонять, не воровать, извините, чужие побрякушки. Вы же добрые и умные. Посмотрите, что делается вокруг: страдают леса, гибнут реки и плохо совсем живется в соседнем пруду лягушкам. Пруд высыхает и надо постараться углубить его. Разве Вы не хотите помочь им?

– Дааа! – в один голос сказали друзья доктора Филиппа. – Мы очень хотим помочь тем, кто попал в беду.

– Даже лягушкам? – несмело проговорил Роман Романович. Теперь самое время сказать по секрету, решил он, – я с самого детства, почему-то, боялся лягушек и жаб.

– Уважаемый Роман Романович, Вы, в чём я неоднократно убедился, смелый и толковый. Из Вас получился бы лучший сыщик. По следу, я видел уже, вы можете кого угодно выследить, даже на мокром болоте. У вас идеальный нос и считайте, что у всех нас есть свой, прекрасный инструмент, – к примеру, Ваш отменный нюх, а это важно очень для следопытов. Я думаю, – доктор снова заходил, заложив за спину руки, и ходил теперь большими шагами, – из Вас вышел бы настоящий Шерлок Холмс!

Доктор подошёл к четвероногому «Холмсу» и потрепал его за уши: «Что-нибудь придумаем...»

– Сюзанна, как мы знаем, дама способная, наблюдательная, смекалистая и вездесущая, – говорил доктор, – если не ошибаюсь, она прекрасно может летать. Это тоже очень серьезно, и нам будут нужны её услуги, чтобы оценить окружающую обстановку. Этого нам с Вами, Роман Романович, к сожалению, природой не отпущено. С Сюзанной мы будем уверены – у нас, у всех есть крылья.

Поэтому Сюзанна смешливо зыркнула на Романа Романовича, расправила чёрно-белые крылья и взмахнув ими, сверкнула блеском калённого металла и, на всякий случай, показала ему ещё и язык. Вот, мол, я какая, а ты летать даже не умеешь. И чего стоит твой мокрый нос, если летать не умеешь...

Мудрый, но горячий по характеру Роман Романович только что воспетый за свой чуткий, чёрный нос, не выдержал оскорбления и злобно гавкнул.

– Роман Романович, Вы непревзойденный умница, – вмешался доктор, – Вы культурный! И вдруг такие резкости позволяете себе. Будьте же благороднее и сдержаннее. Между прочим, должен сказать, что это – залог дальнейшего нашего успеха. А Вы, сударыня, – настоящая красавица, у Вас восхитительная, элегантная черно-белая сорочка, бархатисто-чёрная накидка, наброшенная на голову и грудь, – подчеркнул доктор, – но, пожалуйста, тоже воздержитесь от необдуманных поступков, ведите себя скромнее: не демонстрируйте своих прелестей перед Романом Романовичем. У нас же, в конце-концов, не примерочная и не какой-нибудь дом моделей. Доктор, опустив голову, стал ходить по комнате, – собак и кошек мы с вами не будем гонять. Не прилично это. А если бы научиться помогать всем обиженным животным, которых сколько угодно повсюду! Вот, к примеру, как всем известный, мой приятель и коллега – доктор Айболит. Как вы убедились, я кое-что понимаю в жестах и разговорах наших братьев – зверей разных, птиц...

– И язык сорок тоже понимаете! – добавила Сюзанна.

– Да, конечно, сорок – в первую очередь, – поддержал доктор.

Доктор, затеяв этот разговор, чтобы согласовать и принять совместное решение к действиям со своими друзьями, и не подозревал, что в этот ответственный момент он и его друзья разгораются, как звёзды, на вечернем небосводе, да такие, каких во всем мире нигде не сыскать. Они станут такими же известными миру, как доктор Айболит и великий из сыщиков – Шерлок Холмс. Это теперь он, – доктор Филипп, удивительным образом совмещал в одном себе способность к аналитическому мышлению, как прославленный следопыт и сыщик, и в то же время наделенный сердоболием и пониманием к животным. Всё это в нём совместимо с желанием помогать всем, чем и прославился добрый и славный доктор Айболит. А ещё – доктор Филипп был очень умный и чрезвычайно любознательный. Он постоянно, несмотря на преклонные годы, горел желанием что-либо узнавать, помогать попавшим в беду. Но больше всего было у него желание раскрывать невероятные, запутанные истории в природе и многое, чего не может сделать никто другой, а только он – доктор Филипп, конечно, только вместе со своими друзьями и помощниками – такими, как Роман Романович и Сюзанна.

– Итак, друзья мои! Эврика! – громко и выразительно воскликнул он и радостно огладил бороду. – Предлагаю нашим тройственным союзом создать, скажем, «Бюро криминальных расследований». Поясняю: мы начнём сообща разоблачать проступки и действия невежественных и жестоких обитателей лесов, болот, пустынь. Раскрыв их бандитские действия, будем наказывать, словом, станем с вами, друзья, бороться с преступностью, устранять всякую несправедливость. Мы научимся обязательно раскрывать самые невероятные секреты, дремучие тайны, фантастические истории и разные другие события, в которых замешаны преступные элементы.

Пока доктор Филипп делился своими планами, друзья внимательно его слушали и со всем, что говорил он, соглашались:

– Да, я помню, как сидел голодный, под дождем, – задумчиво сказал Роман Романович, – а мальчишки бросали в меня камни. Тогда и подумал: неужели нет никого, кто мог бы за меня заступиться? А сколько таких, как я, сегодня везде и всюду...

– Я тоже, – прошептала Сюзанна, – помню рыжего, противного кота... Хорошо, что помогли. Не то бы... Мне тоже хочется помогать всем, кто нуждается.

– Вот и прекрасно! – воскликнул доктор. – Друзья мои! Я должен сказать, – работы у нас предвидится много – разной, интересной и неожиданной. Возможно, порой, и опасной. Природа по сути своей, к сожалению, криминальна! Постоянно кто-то кого-то ловит, кто-то на кого-то нападает, обижает и часто не заслужено. Но, хочу сказать вам, что никто в мире этими проблемами не занимался до сих пор. Иначе мир

изменился бы только в лучшую сторону. До сих пор нет в природе своей полиции, охранников, и повсюду господствуют, так называемые, киллеры. Да-да, друзья мои, в мире, в котором мы живём, творится много непонятного и таинственного. Много жестокости и таинственных преступников. Вот мы и создадим нашу, свою, команду! – Завершил страстную речь доктор Филипп. – А теперь сами всё обдумайте, что и как будем делать? Потом я выслушаю вас.

– Доктор! Доктор! – в один голос заговорили Роман Романович и Сюзанна, – мы считаем, – не следует этого откладывать даже на завтра. Мы готовы приступить к работе прямо сейчас.

– Спасибо вам, – растроганно сказал доктор, – я несколько не сомневался в вас. Тогда за работу, друзья мои!

Не теряя времени, доктор пошёл в библиотеки, потом в книжные магазины, побывал на рынке, в аптеке... Домой он вернулся поздно, очень уставший. В руках у него был небольшой сундучок, в котором было всё самое нужное для работы в полевых условиях – в горах и лесах, пустынях и даже во льдах далекого Севера.

Если бы мы с вами заглянули в сундучок его, увидели бы в нём большие, толстые книги: «Лесная энциклопедия», «Степная энциклопедия», «Справочник путешественника по пустыням», «Животные – преступники» и много других очень серьёзных и очень важных книг. А ещё по полочкам и кармашкам сундучка растолканы были – лупа, пинцет, весы и другие, очень важные и совершенно секретные приборы и инструменты, необходимые для каждого серьёзного следопыта-криминалиста. Некоторые инструменты, которым места не было в сундучке, он рассовал по карманам нового, так же им купленного сюртука, с множеством карманов. Карманы были большие и маленькие на груди, рукавах, снаружи и внутри его особенного сюртука.

– Это, оказывается, очень удобно, чтобы, не теряя времени, в нужный момент извлечь из нужного кармана нужный инструмент или записную книжку, – пояснил друзьям доктор.

А ещё он купил фотоаппарат и бинокль. Вести наблюдения, расследовать криминальные факты без них просто невозможно.

На следующий день на старой сосне, около дома доктора Филиппа, висела яркая вывеска:

БЮРО КРИМИНАЛЬНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ В ПРИРОДЕ.

**Работает 24 часа в сутки, в любую погоду,
во все сезоны года.**

Доктор Филипп и его верные друзья!

Почему случилось несчастье?

На следующий же день, рано утром кто-то нахально и громко постучал в окно. Доктор Филипп лежал в постели, он открыл глаза и увидел за окном синицу, которая настойчиво стучала по стеклу.

– Ав! Какая невежда! – твякнул возмущенный Роман Романович.

– Ничего, ничего, уважаемый. Сейчас разберёмся. На дворе глубокая осень и, должно быть, синица проголодалась.

Доктор оделся и вышел на крыльцо. На сосне, где висело объявление, сидела нахохленная ворона.

– Доктор, доктор! – просвистела синица.

– Дрррок-таррр, – хрипло каркнула простуженным голосом ворона.

– Слушаю Вас! – отозвался доктор.

– В лесу повесился бурундук! Это – там, у лесного ручья, где прошлой весной застрелили старого и самого красивого лося.

– Хорошо, сударыня. Я понял. Заявка принята. Скоро будем! – пообещал доктор.

– Друзья мои, – встревоженным голосом сказал доктор Филипп, – наступило время первого выхода на дело. В лесу ЧП!

– Это что? – спросил Роман Романович.

– Это значит – происшествие! – заявила Сюзанна.

– Чрез-вы-чайное! – добавил доктор.

– Чайное понимаю, а что значит – «чрез» и «вы», – спросил снова Роман Романович.

– Если ты всегда будешь задавать дурацкие вопросы, – резко прострекотала Сюзанна, – мы только и будем отвечать на них. А когда работать? Понимаешь: чрез-вы-чайное – чрезвычайное, – тараторила она, – никакое тебе ни «чайное» и не «вы», и не «мы»! Каждый щенок знает это, конечно, кроме тебя. Тоже мне, сыщик!

– Друзья мои, у нас дела. Без полемики и оскорблений, дружно за работу!

На вершинах гор лёг уже первый снег. Кое-где ручьи затянуло тонким льдом. Лес стоял серый и тихий в ожидании снега.

Очень скоро доктор и его команда были на месте происшествия. И действительно, у ручья, над которым краснела увешанная рубиновыми гроздьями калина, в развилке березы висел несчастный зверёк. Доктор тяжело

вздохнул:

– Видите, друзья мои, нам предстоит выяснить – почему этот несчастный бурундучок повесился? Полагаю, всё не так просто, кто-то же в этом виноват? Мы должны найти виновника и осудить его.

Доктор осмотрел и сфотографировал бурундука. Но, странное дело, не получалось, как это должно быть – фотоаппарат не щёлкал, хотя в объектив он прекрасно видел несчастного.

– Доктор! – негромко твякнул Роман Романович, – у Вас в руках бинокль.

– Ах, да! – спохватился доктор. Это по забывчивости...

И он, естественно, снял с себя фотоаппарат и несколько раз щёлкнул пострадавшего с разных сторон: медленно обошёл берёзу, внимательно изучая место происшествия. Наконец, доктор извлёк из кармана сюртука лупу и внимательно осмотрел пострадавшего. На его коготках и шерсти доктор заметил невооруженным глазом кусочки смолы.

Теперь с места происшествия он сразу же направился к соседнему кедру и так же внимательно осмотрел его старый ствол. На коре дерева были едва заметные царапины чьих-то коготков, из которых сочилась янтарная смола. После тщательного изучения смолы на коготках зверька и кедра, доктор пришёл к выводу, что она идентична.

Тем временем, пока доктор изучал обстановку, выяснял состав смолы, Роман Романович обнюхал каждое дерево и каждый куст. У него на это тоже сложилось своё мнение. Сюзанна же облетела ближайшие окрестности, всё внимательно оглядела и вернулась, как говорится, не с пустыми руками.

– Ну, что скажете, друзья мои? – обратился к ним доктор Филипп.

– Около кедра, – сообщил Роман Романович, – очень много погрызенных шишек. На некоторых – запах этого бурундука. А ещё кормились здесь соболь, белка, медведь...

– Прекрасно! – перебил Романа Романовича доктор Филипп, – всё это для нас крайне интересно. И каждая находка, отражающая деятельность бурундука, необходима в нашей работе. Они – немые свидетели или, как говорят, – «вещьдоки».

– А у Вас, сударыня?! – обратился он к Сюзанне.

– Нашла дупло – сообщила Сюзанна, в нём кто-то сидит, и ещё видела спрятавшуюся от нас белку. Это она повесила бедного бурундука из-за этих шишек, – смело заявила Сюзанна, – её и нужно наказать!

Доктор, был человеком обстоятельным и не спешил с выводами. Он прекрасно знал, что должно быть как можно больше вещественных доказательств. Слово своё скажут ещё и свидетели трагедии. В криминальных расследованиях так уж заведено. И доктор действовал, как положено в подобных обстоятельствах.

Собрав информацию, он обязан обдуманно взвесить все «за» и «против»...

Заложив руки за спину, он несколько раз обошёл берёзу. Это значило – мозг его работал очень напряженно.

– Итак, уважаемая, – обратился он к Сюзанне, – пригласите, пожалуйста, ко мне как свидетельницу эту самую белку.

– А Вы, – обратился он к Роману Романовичу, – извольте, если Вас не затруднит, собрать вещественные доказательства – те самые погрызенные шишки. Принесите их сюда. Доктору Филиппу не нужно было дважды повторять свою просьбу: верные друзья его тотчас приступили к делу.

Сюзанна, прежде чем выполнить задание, прострекотала:

– Доктор! Все мелкие пичуги рассказывают, что эта самая белка всё лето ловила и развешивала на сучках, да по веткам грибы. Я знаю: это она поймала и повесила бедного бурундука. А теперь, видите ли, прячется...

– Уважаемая, – сказал доктор, – грибы, запомните, не ловят, их собирают. И, пожалуйста, не спешите с выводами. Хотя, версия и подозрения Ваши не лишены основания. Поэтому и пригласите эту самую белку ко мне, но – пока только в качестве свидетельницы.

Доктор сел на ближайший пенёк, из сундучка достал «Лесную энциклопедию», что-то выписал в свою книжку. Затем в лупу внимательно осмотрел ещё раз пострадавшего. А Роман Романович за это время стаскал все шишки, которые рассыпаны были около кедра.

Ветки над доктором колыхнулись, и он увидел сидящую над ним белку. Прижав лапки к груди, она нервно цокнула, дернула пушистым хвостом, поставив его вопросительным знаком.

– Да, я понял, сударыня, Вас, – вежливо сказал доктор, – во-первых, прошу извинения за беспокойство. Но, Вы, сударыня, сами видите, какой в лесу переполох. Такая беда произошла с таким замечательным Вашим соседом. И Вы должны рассказать нам, как это всё произошло? Только, сударыня, всё по порядку, – доктор показал глазами в сторону берёзы.

Белка почесала лапкой бок, распустила хвост, подёргала ещё хвостом и несколько раз цокнула. И, приняв подобающий вид модной и красивой дамы, стала рассказывать:

– Да, это был мой сосед, – проявляя нервозность, она вновь закрутила хвостом, – мы с ним часто встречались на этом дереве, – показала она на кедр. И очень часто, когда на нём созревали шишки. Сосед был очень трудолюбивым, запасливым и работал, не переставая, в любую погоду. Особенно много трудился под осень. Мы, белки, не делаем таких запасов, чтобы на всю зиму. А он очень старался. Помню, ещё, – белка мечтательно поглядела на небо, – каждый раз перед

дождём, он грустно покрикивал, предупреждая, – будет дождик! Жалко! – вздохнула она, – сосед был хороший. Не стало его теперь! – Некоторое время она сидела задумчивая и печальная.

– Под осень только, – продолжала она, – его, как подменили, он стал молчаливым, необщительным. Испортился и характер его. Целыми днями он что-нибудь да делал: траву сухую в нору свою таскал, грибы, ягоды... Однажды я видела, как он даже цветками мухомора набил рот полный и – в нору. От мухомора мухи дохнут, а ему хоть бы что! Возможно, от мухомора и характер его стал портиться, – предположила она. – Был случай, мы с ним повздорили из-за шишки.

Она некоторое время молчала, а потом ударила лапками по ветке и выпалила, не скрывая раздражения:

– Жадный был ваш бурундук. Туда ему и дорога... – она ещё раз сердито цокнула и ещё раз ударила лапками по стволу.

– Потом, когда шишки кончились, – продолжала она, – он стал собирать семена трав. Такой хозяйственный, такой был хозяйственный... Да, хороший сосед был! Жалко!

– Хорошо, теперь мой вопрос к Вам, сударыня, – строго сказал доктор. – Почему Вы прятались? У Вас были причины?

– Дело в том, – перебирая нервно лапками, отвечала белка, – меня убивают подозрения синичек разных, дятлов, поползней... Все дружно решили, если я развешиваю грибы, значит, я и повесила соседа почтенного. Это же вздор и глупость! – свой разговор белка закончила цоканьем, выражающим крайнее её возмущение.

– Понимаю, прекрасно понимаю Вас, сударыня, но скажите, какие черты его поведения, характера обращали на себя внимание?

– Скажу главное: этот тип был предельно жадным и постоянно что-нибудь тащил в свою нору из лесу, за своими всегда толстыми, набитыми чем попало щеками. Щёки у него, – показала белка, – были вот такими. Так натолкает разного, что и глаз не видно. Всё куда-то складывал и складывал. – Она помолчала, что-то обдумывая, и, громко цокнув, добавила, – он был сказочно богат! Об этом знали все. Надо сказать, этот хапуга меня не интересовал. Жадные всегда озадачены. У них нет времени для шуток. Что-то они скрывают, осторожны, чтобы кто не узнал про их сокровища. А мы – белки, – она распушила лапками и без того пышный хвост, обнажила крепкие зубы, – народ простой и веселый.

– Спасибо, сударыня. Извините за доставленное беспокойство. Вы очень помогли следствию.

Доктор снял свою шляпу, похожую на гриб с большими полями, и откланялся белке-свидетельнице.

– Роман Романович! – крикнул доктор. – Где Вы?

– Здесь я, – сказал Роман Романович и приготовился слушать новые указания.

– Так вот, голубчик, узнайте, пожалуйста, кто же здесь около нас сидит в дупле и нос свой не показывает. Не бандит ли какой?

– Где, в каком дупле?

– Вам Сюзанна покажет. Это она сообщила.

Сюзанна с удовольствием показала дерево и дупло, где кто-то прятался.

Роман Романович обежал кряжистое дерево, направил чёрный нос в сторону дупла и шумно втянул воздух. В нос ударил легкий кисловатый запах.

– Доктор, – обратился Роман Романович, тонко повизгивая. Просмотрите в Вашу книгу, что там сказано о кисловатом запахе от зверя. У того, который в дупле, именно такой дух.

Доктор тут же извлёк «Лесную энциклопедию» и стал искать с помощью лупы букву «К». Время шло, а он никак не мог найти нужную букву и слово. И тогда Роман Романович обратил внимание, что доктор много времени пытается найти нужное, держа около глаз вместо лупы опять бинокль.

– Доктор, Вы опять ошиблись, вместо лупы...

– Ах, да! – и доктор Филипп слегка щелкнул себя по лбу, – Вы правы, мне лупа нужна.

Он тут же запустил руку в один из карманов сюртука и достал её. Конечно же, теперь он нашёл нужные слова на букву «К».

– Это, уважаемый, всего-навсего, оказывается, наш таёжный соболь. Это от него исходит, когда он крепко спит, кисловатый, не совсем приятный воздух.

– Господин соболь! Царррь тайги! Убедительно пррррошу Вас выйти к нам. На минутку, – прорычал не сердито Роман Романович.

– Мы просим Вас! – громко на весь лес застрекотала Сюзанна.

Из дупла дерева показалась мордочка соболя. Он потянулся, зевнул. Только что сонные глазки его сверкнули колючим огнём на острой мордочке.

– Чего Вам? – недовольно, едва слышно, гнусаво проорчал он.

– Скажите, господин, не знали ли Вы бедняжку бурундука, что жил около этого кедра? – показал доктор на березу.

– Кто-кто, а я-то знаю здесь всё и про всех. Не будь я соболь – царь тайги! Про него – тоже. Давно охотился за ним. Да всё никак. Хитрюга, осторожный, как вор, был. Жалею, что вот так просто теперь болтается на дереве, мне не достался свежим и красивым! Сожалею, что этот маленький скупердяй не познал моих зубов.

Соболь ещё больше высунулся из дупла:

– Вам, доктор, никогда не узнать чудный вкус косточек бурундука. Потрошки его очень хороши! – он облизнулся и сладко потянулся снова. – А когда они хрустят на зубах, – это лучшая музыка, какую я знаю, чёрт меня подери, – проурчал соболь.

Доктор слегка поморщился. А Роман Романович и не заметил, как сглотнул голодную слюну. Сюзанна тоже заволновалась, вспомнив, что она проголодалась.

– Тогда скажите, господин, а почему он так поступил? – спросил доктор Филипп.

Соболь ещё раз скучаяще зевнул и скрылся в своём дупле, ничего не сказав сыщикам.

– Да-а! – недовольно произнес доктор. – Прямо скажем, свидетель он – никакой. Грубоват, самодоволен и нелюдим. По всему видно – охотничья ночь его оказалась неудачной. Потому и сердит, этот старый разбойник.

– Почему, доктор, – «старый»?

– Друг мой, разве Вы не заметили, – когти его изрядно потёрты, зубы притуплены, и он, как видно, часто получает трёпки от молодых соболей – у него шрам на горле. К тому же он, как я сказал, успешно уже охотиться не способен. День для отдыха ему кажется коротким. А бурундука этого он давно бы изловил, да возраст ему – причина. Теперь он зол на весь белый свет.

– Он зол на тех, кого не съел, – добавил Роман Романович.

– Однозначно, мы вправе сделать вывод: белка и соболь – ни при чём здесь, – задумчиво сказал доктор Филипп.

– Он был сказочно богат! – уже который раз доктор повторял вслух сказанное белкой. Вероятно, в этом и кроется главная причина его гибели. Богатство часто становится источником несчастий.

– У него было много золота? – басовито спросил Роман Романович. Он был совершенно уверен, что нашел истинную причину случившегося и поэтому громко заявил о своих соображениях.

– За золотом и разным другим барахлом гоняются только люди! Это только они способны ценить то, что ничего не стоит. Здесь, в лесу, уважаемый Роман Романович, – другие ценности. Они истинные: пища, свобода и развлечения. Даже простое дупло в старом дереве – ценность, потому что там тепло и безопасно...

– Значит, у него было много вкусных косточек, – мечтательно произнес Роман Романович. – Конечно их нужно охранять серьезно.

– У тебя только косточки одни на уме! – вмешалась в разговор Сюзанна. – Может, может, – затрещала она, – за лето он собрал целую кучу яиц. Он же жадный был. Всё один забрал, вот и поплатился.

– Друзья мои, давайте прекратим наш спор. Сейчас мы всё как следует узнаем с вами.

Доктор энергично и весело потирал руки. Он уловил в спорах своих друзей истину. Глаза его светились даже сквозь толстые, трудно проницаемые очки.

– Вы оба правы, знаменитые сыщики! Но бурундук ни косточки чужие, ни яйца птиц не ест, стало быть, и не за-па-са-ет! Версии ваши, друзья мои, не годятся. А вот орешки кедровые – дело серьёзное. Они очень питательны: в них много жира, белка, витаминов... Они любимы самыми разными птицами и зверями. Разве это не богатство? Кедровые леса Сибири, Алтай – это громадное богатство лесного народа. Кедровая тайга даёт ценные меха, тот же кедровый орех, высоко ценимый всюду. Дает прекрасную древесину. Да! Но это уже лишнее наговорил. Получается, что наша свидетельница – сударыня белка, права была, сообщив о его «сказочном» богатстве. С её показаний, пожалуй, начнём.

– Роман Романович! – обратился доктор, – полагаю, Вы закончили свою работу по сбору шишек кедровых?

– Конечно, доктор! – радостно взвизгнул Роман Романович. – У Ваших ног их целая куча. Только вот что с ними делать? Они совершенно пустые: в них ни одного орешка. Хотел попробовать, что это? Да ни одного – чисто работают!

– Теперь, уважаемый Роман Романович, наш Вы красивый нос, давайте разберём их вместе и тогда, надеюсь, поймём, что к чему.

Доктор брал шишки и раскладывал их по разным кучкам.

– Вот эти, похожие на зонтики, – показал он на основательно обгрызенные, у которых сохранились только стержни и несколько чешуек на макушке, – погрызенные и поеденные белками и бурундуками. У бурундука, в отличие от белки, зубы слабее, поэтому использованные шишки имеют чуть-чуть взлохмаченный вид. У белки, с её острыми резцами, – чешуйки ореха – будто бритвой срезаны. Правильно я говорю? – Доктор дал понюхать шишки Роман Романовичу.

– Та-ак! – сказал серьёзно доктор и извлёк из своего сундучка «Лесную энциклопедию». Он долго водил пальцем по страницам, листал, рассматривал рисунки в лупу и после нескольких минут захлопнул книгу, довольно сообщив:

– Теперь мы с вами всё разберём, как положено. Эти, – показал доктор на растрепанные, но основательно обработанные шишки, – выклевали кривоклювые клесты, крикливые кедровки и таёжные шуры – настоящие принцы красоты и песни. Да! Это все очень красивые таежные птицы. Но у нас дело, – оборвал доктор себя, – вот, пожалуйста, Роман Романович, разберитесь – так ли?

Роман Романович внимательно обнюхал их и подтвердил сказанное доктором громким урчанием и трижды – пискливым лаем. Это означало: «Совершенно верно, доктор! Ваша мудрость и мой нос – не подвели!»

– А что я говорил? Не зря же коготки и шерсть несчастного зверька перепачканы смолой именно с этого кедра.

– Итак, теперь приступим к обработке «вещьдока»!

– Доктор! А что такое – «вещьдок»? – в один голос спросили Сюзанна и Роман Романович.

– «Вещьдок» – серьезные, неопровержимые, так называемые, вещественные доказательства.

Доктор ещё некоторое время пояснял друзьям своим – что это такое, пока они дружно не закивали головами, что всё поняли:

– А теперь давайте все шишки разберём по кучкам и посмотрим, что у нас получится. Для этого мы должны будем воспользоваться высшей математикой.

Роман Романович и Сюзанна хотели, было, спросить, что такое «математика», но не стали, они полностью доверили доктору.

– Если нужна математика, значит – нужна, – одинаково подумали друзья его и дружно взялись за работу: Роман Романович обнюхивал каждую шишку и показывал, куда её бросать. Когда эта увлекательная работа была закончена, доктор Филипп сказал:

– А теперь, друзья мои, давайте посчитаем каких сколько. Это и есть ма-те-ма-ти-ка, то есть математическая обработка. Теперь они вместе считали шишки в каждой кучке.

– Вот видите, друзья мои, клестами поедено – тридцать две шишки, кедровками – шестьдесят пять, лесными мышами – тринадцать, медведем – сто шестьдесят. Они хорошо отличаются тем, что изжеваны основательно. Тут даже две шишки побывали на зубах косули. Вот эти – сто двадцать три – погрызены белкой и ещё пять, которыми баловался наш знакомый грубиян – соболь. А эти, – он показал на большую кучу, – эти, их девятьсот двадцать пять, – работа бурундука. Де ещё нужно учесть, что пострадавший подбирал оброненные орешки которыми лакомился медведь, косули... Получается много. По моим подсчетам, – эдак, пуда два, два с половиной. Труд большой. И, конечно, очень много орехов было у бурундука. Это действительно большое лесное богатство. Вот вам и слова белки: «Он был сказочно богат!» – Помните?

– За это богатство его кто-то повесил? – прострекотала Сюзанна.

– Да, Сюзанна, Вы почти правы, – согласился доктор, – причиной гибели стало богатство. Но как это произошло, кто виноват, это и предстоит нам ещё узнать. Нам бы теперь его дупло найти, где были спрятаны его сокровища, – такой вопрос поставил на повестку доктор Филипп.

– Это должно быть очень большое дупло, а если большое, значит, в старом дереве, – сказал Роман Романович.

– Логично, друг мой, но теперь это нужно доказать.

– Минуточку терпения, и мы всё узнаем, – с этими словами доктор вновь извлёк из сундучка тяжёлую, зелёную с золотыми буквами энциклопедию и нашёл рисунок бурундука – рыженького, симпатичного, с четырьмя полосками на спине и весёлыми глазками. В лапках он держал большую кедровую шишку.

– Во! – обрадовался Роман Романович, – это и есть тот самый бурундук.

– Какой красивый, а жадный! – произнесла Сюзанна.

– Да, если бы, друзья мои, внешность определялась внутренними достоинствами, – задумчиво произнес доктор, – мир был бы совсем другим. Теперь давайте прочтём, что под рисунком бурундука написано. А под рисунком написано было: «Гнезда и кладовые помещает в норах чаще всего у основания стволов деревьев или в корнях, поселяется также в дуплах...»

Доктор спрятал зелёную книгу и обратился к Роман Романовичу:

– Будьте добры, поищите теперь его норку-кладовую.

Роман Романович радостно вильнул хвостом, покрутил носом, облизал его, чтобы хорошо брал запахи, закружился вокруг берёзы и вскоре скрылся в зарослях.

Прошло совсем мало времени, доктор не успел сделать необходимые записи в свою книжку, как послышался голос Романа Романовича. Он сообщал, что отыскал жилище бурундука и просил подойти.

Доктор Филипп тут же поспешил на голос друга. Но что он увидел, то совсем не походило на норку маленького зверька. Это была глубокая борозда, вырытая каким-то большим зверем. Комья земли, камни, корни валялись около этой борозды. Доктор опустился на четвереньки и стал обследовать каждую пядь. Он вынужден был ползти за хвостом Романа Романовича по недавно вскопанной настоящей канаве. Взгляд его привлек отпечаток громадной, когтистой лапы. У Романа Романовича поднялась шерсть на загривке. Зажмурившись от страха, он продолжал идти по следу.

Доктор достал лупу и осмотрел след. Достал линейку, замерил размеры отпечатка следа, длины когтей и установил, что это отпечаток медвежьей лапы. Теперь он понял, почему у Романа Романовича поднялась на загривке шерсть и почему он так испугался.

Поиск по следу кладовой бурундука полностью захватил его пылкое сердце. Он так увлекся, что почувствовал вдруг – ему страшно мешают его собственные очки, которые он никогда не снимал, даже укладываясь спать. Теперь они то и дело сползали, потому что очки не приспособлены сидеть на его носу, когда доктор стоит и ползет на четвереньках. Сгоряча, он сдернул их и бросил в сторону. Они продолжали идти, что называется – по горячему следу. Доктор

постоянно натыкался на выкопанные валуны камней, на корни, коряги, но продолжал упорно продвигаться вперед.

Наконец, Роман Романович и доктор уткнулись в громадный валун, под которым было разворошенное гнездо и разбросана мягкая, травяная подстилка гнезда. А рядом много рассыпано погрызенных мышами орешков.

– Итак, уважаемый, – обратился к Роману Романовичу доктор, – мы у цели: перед нами разграбленное жилище и кладовая бурундука. Факт – налицо. И это всё, что оставил косолапый громила и взломщик.

– Теперь всё понятно, – вытирая пот, говорил доктор и шарил по своим бесчисленным карманам. Он искал очки.

– Странное дело, – удивлялся он, – только что при мне были очки и как-то незаметно исчезли. Чудеса одни в этом лесу!

– Я сейчас! – буркнул Роман Романович. – Он кинулся на поиски очков. При чутком носе он, конечно, без труда отыскал и принес их доктору.

– Чу-де-са, да и только! – удивлялся доктор Филипп. – Он привычно посадил свои очки на прежнее место и сказал:.

– Бурундука разорил медведь. Произошло это совсем недавно, – после первого снега, когда бурундуки уже спрятались в своих норах.

– Кто же, тогда, повесил самого бурундука? – нетерпеливо спросила Сюзанна.

– Никто! – коротко ответил доктор. – Сам! Да, только сам! И, об этом, дорогие коллеги, я прочитал в энциклопедии, – постучал он по сундучку.

Увидев недоумение своих друзей, он пояснил, как это произошло:

– Когда вот так бурундуков разоряют, забирают их зимние запасы, обрекая голодать на всю предстоящую зиму, бедные зверьки в отчаянии и обиде решаются на страшный поступок. Вот вам факт на лицо! – доктор показал на бедного зверька, на его безжизненное тело, которое покачивалось на голой березовой ветке.

– Бедняжка! – тихо-тихо сказала Сюзанна и вытерла клюв о ветку, на которой сидела.

– Жаль очень! – глубоко вздохнул Роман Романович.

– Но, друзья мои, нам предстоит теперь узнать и другое: почему так поступил медведь? Мы же знаем – медведи все залегли по зимним берлогам. Откуда он – шатун и разбойник? Почему не спит? Видимо, для этого у него тоже были причины?

– Я бы ему весь хвост обципала, если б нашла, – гневно прострекотала Сюзанна.

– А я, за шиворот бы его и потрепал как надо, чтобы знал, как маленьких обижать, – прорычал грозно, как мог, Роман Романович.

– Друзья мои, мы уже много потеряли времени. Надо сейчас же выяснит причину, почему здесь, после первых снегов, оказался медведь? Есть причина, я не сомневаюсь в этом.

И как настоящий философ доктор сказал: «Всякое следствие имеет свою причину. Об этом первыми сказали древние греки. Нам же теперь нужно эту глубокую философскую мысль до-ка-зать!»

– Предлагаю, уважаемому Роману Романовичу взять след и пройти по нему. Только у меня к вам будет небольшая, но обязательная просьба: будьте осторожнее, дорогой Роман Романович. Зверь очень велик и необыкновенно силен. Но главная сила его – хитрость. Он может вас подкараулить. И вряд ли вы сможете справиться с ним. Этого нам и не следует делать. У нас с вами совершенно другие задачи.

– А Вы, Сударыня, – обратился он к Сюзанне, – полетайте, осмотритесь – нет ли чего подозрительного? Да, прошу Вас, будьте предельно внимательны тоже. Все мы теперь очень зависим друг от друга, особенно когда дело касается преступника-медведя.

Роман Романович взял след медведя и, вихляя по зарослям, минуя завалы, крутые спуски пошел... Наконец, след вывел его на склон, в старый кедровник. Дух медвежий усилился. Роману Романовичу стало страшно: шерсть встала на его загривке дыбом. И вот он уже перед громадной, пустой берлогой. Лохматый сыщик поводит носом и наткнулся на масляный пыж:

– Это и есть, как говорил доктор, – «вещьдок», – Роман Романович взял войлочный пыж и помчался к доктору Филиппу.

– Находка Ваша, – обрадовался доктор, – очень важная. Всё говорит о том, что медведя подняли из берлоги и стреляли его пулей. Вот видите, – показал он на вмятину в пыже, – это отпечаток пули. Были здесь браконьеры-медвежатники. Значит, дело получило совершенно другой оборот – теперь нас интересуют браконьеры. Они не убили медведя. И теперь по их вине, возможно, он стал раненым шатуном. А каждому шатуну нужна пища. Он стал очень опасен. И он пошёл на разбой в поисках пропитания. Тайга, друзья мои, стала теперь опасной. Поэтому будьте предельно внимательны. Снега мало ещё, но пищу ему найти трудно: ни ягод, ни травы сочной. Вот и бродит по тайге лохматый разбойник. Он первого ограбил бурундука, а тот повесился. Теперь беда поджидает каждую живую душу.

Тем временем, пока рассуждал вслух знаменитый сыщик, бывший лингвист и философ, вернулась с маршрута Сюзанна:

– Доктор! Доктор! За соседней горой у большой скалы дым. Там у костра три охотника. Они снимают шкуру с большого рогатого зверя – лося.

– Понятно, понятно, значит, свирепствуют три браконьера, и они уже убили лося. Мы должны что-то предпринять, иначе их не остановить,

уважаемая сударыня, – обратился он к Сюзанне. – Вам предстоит выполнить ещё одно очень важное поручение.

Доктор вырвал листок из записной книжки и написал:

«Экологическая полиция! В логу, у Большой скалы браконьеры, в числе трех субъектов, убили лося в одном числе. Выезжайте немедленно! И Вы возьмете их на месте преступления!» Доктор Филипп.

Доктор прочитал записку своим коллегам.

– Доктор, – сказала Сюзанна, – напишите и моё имя.

– И моё! – виляя хвостом, попросил Роман Романович.

– Конечно, конечно! – согласился доктор Филипп. – И как это я упустил? Прошу прощения, друзья мои.

Он тут же дописал имена своих друзей.

– Сюзанна, вы должны лететь в наш город. Там, в центре есть зелёное здание экологической полиции. Постучите в окно и передайте им эту записку. Поспешите!

Сюзанна приняла задание и поднялась над лесом. Доктор вынул бинокль и следил, как быстро она превращается в чёрно-белую бабочку, потом в точку. Он наблюдал за ней, пока она вовсе не исчезла.

– Теперь и нам пора, – сказал Доктор. – Тем более, что скоро начнётся дождь.

– Как Вы узнали, доктор? – спросил его четвероногий коллега.

– А разве Вы, уважаемый, не видите, что лапы на елях опустились слегка. Перед дождём они всегда так.

– Но, доктор, – дождя не будет, – сказал Роман Романович, – будет снег.

Я чувю, что воздух насыщен запахом свежего снега.

– Всё возможно, зима не за горами. Ели всё равно знают, что непогода близко.

С Романом Романовичем они отправились теперь домой. По пути, пока они шли по лесу, над головой их, в сторону Большой скалы пролетел вертолёт.

– Очень хорошо! – бодро воскликнул доктор Филипп. – Экологическая полиция пошла на захват браконьеров! Это значит, – мы выполнили свою задачу «на отлично!»

– Видите, уважаемый коллега, – сказал доктор Роман Романовичу, – виноваты во всей этой печальной истории ни белка, ни соболь, и даже не медведь, а человек! Имя ему – Бра-конь-ер! Теперь пусть полиция занимается такими.

Загадка веков или открытие века

Доктор Филипп сидел на веранде. Он просматривал газеты и журналы. Внимание ученого привлекло небольшое сообщение о том, что маленькое селение, существовавшее более двухсот лет назад в десятках верст от их городка, теперь окончательно исчезло. Село было зажиточное, стояло у речки. В него с разных других деревень приезжали крестьяне с окрестных мест на мельницу, мололи рожь. Но главное – село, которое имело около ста душ, славилось тем, что местные жители знали средства от сглаза и от других болезней домашней скотины. Тайну лечения коров, лошадей держали в секрете и пользовались всё это время заслуженной славой. В селе была церковь, в которой хранилась чудодейственная икона Пресвятой Богородицы. Есть предания: при нашествии на Русь войск Чингис-Хана, в начале второго тысячелетия от рождения Христа, уничтожающих всё на своём пути огнём и мечом, жители села вышли с чудодейственной иконой за околицу: чудо случилось! Войска пришельцев обошли село.

Спустя несколько веков, село сгорело, но летописцы сообщали, что после пожара сохранилась церковь, в подвалах которой находились чудодейственная икона и старинные книги.

С нашествием наполеоновской армии, чтоб спасти святыне ценности, крестьяне сожгли церковь сами, чтобы чужеземцы её не разграбили. Место, где стояла церковь, сравняли с землей. Они надеялись потом извлечь святыни из хранилища. Однако, так получилось, что с тех пор там никто не селился и всё поросло, как говорится, быльем. В газете сообщалось о том, что место это одичало, совершенно забыто и потеряно. Найти древние сокровища уже не представляется возможным. Вместе с тем позабыто даже название села и речки, у которой стояла деревянная церковь, в подвалах которой хранились старорусские духовные сокровища.

–Так-та-ак! – рассуждал доктор Филипп, читая газету. – Значит, исчезла, и всё, что известно, – там, в подвалах, и сейчас находятся святыни. Да ещё известно – стояла на речке мельница... Ничего о людях, которые разве что успешно лечили скот.

Из газеты узнали, что село стояло примерно в тридцати-пятидесяти километрах от городка, в котором проживал доктор Филипп и его друзья.

Вопрос в том, – если б удалось определить место, где было село, можно было бы произвести раскопки и получить бесценный материал о прошлом этого села, его жителей, сохранить святыни и узнать, как называлось село и речка, у которой оно стояло.

К статье прилагался снимок обгоревшего документа, свидетельствующего о былом названии села. На куске документа едва угадывались частично сохранившиеся буквы, остальные выгорели: «Р . . . з . . к . ». Каждая точка здесь – сгоревшая буква. Получается, название села состояло из девяти букв. Автор статьи подчеркнул, что это не ребус, а документ, и просто подставка букв, не есть аргумент в решении этой многовековой задачи. Кроме этого говорилось: если место, где было село, окружённое болотами и лесом, разделить на девять частей, по числу букв с севера на юг, то от средней буквы ровно через сорок саженей строго на северо-восток находится место, где стояла церковь.

Доктор, прочитав газету, сразу же потерял покой. Непokoйный характер и жажда поиска овладели им с невероятной силой. Он отложил газету и, раскачиваясь в своём любимом кресле, сплетенном из красного тальника, задумался. Чутье учёного и человека наблюдательного подталкивало к поиску решения непростой задачи.

Доктор всегда был уверен, – ничего так просто не исчезает. Обязательно какие-либо факты прошлого от исчезнувшего села – сохранились. Другое дело – как найти их. Но сначала нужно было узнать место. Шутка ли, через столетия в окрестных лесах, среди болот, холмов с многочисленными речушками и ключами отыскать заветное место.

Но, мы-то знаем, доктор уверен был, что быть не может такого, чтобы он не смог разгадать волнующей тайны. «Лучшие археологи, историки страны оказались бессильными», – так было сказано в газете.

– Какими бы опытные они не были, в этом вопросе обязательны географические и биологические знания. В этом их слабость! – так рассуждал доктор. Он подсознательно чувствовал, убежден был, что для решения проблемы нужно привлекать биологов. Мысль о поиске села крепко засела в его голове. Она теснила череп и, напрягаясь, он чувствовал, что голова его распухла и шляпа становилась тесной. Он с сожалением снимал её на то время, пока находился в состоянии глубоких размышлений.

Доктор вместо того, чтобы отдохнуть от успешно завершённого дела, связанного с гибелью бурундука, потерял покой и готов был взяться за проведение нового расследования.

Он взял географическую карту и, внимательно изучая её, начал искать похожее место, где могло бы в давние времена стоять исчезнувшее село. Однако окрестные места были похожими: болота, перелески тополя и ольха. Речек в окрестных местах тоже много.

– Да, – рассуждал доктор, – всё поросло вековым быльём. За это время и речка могла изменить русло. Где её искать, если у неё нет названия?

Но он знал, он был уверен, что обязательно следы остались. Только нужно предельное внимание и знания.

Странно, конечно, – никто ничего не слышал об этом селении, кроме обнаруженных и чудом оставшихся после пожара полусгоревших документов.

Доктор усиленно думал, при этом, как всегда, он ходил большими шагами, заложив руки за спину. Этот интересный для науки и истории вопрос такой крупный учёный как Филипп не мог так просто оставить, иначе перестанет и спать, и есть. И, наконец, решение у него созрело на третий день после упорных размышлений: он твёрдо решил заняться этим важным вопросом вместе со своими преданными друзьями. Он обратился к своим коллегам:

– Нам, друзья мои, предстоит сложная очень работа, связанная с поиском давно исчезнувшего села, которое предположительно находилось в дальних окрестностях нашего городка. Предлагаю выехать вот в эту точку, – ткнул пальцем он в карту, – где по моим соображениям, возможно, что-то и было. Видите, как здесь безымянная речка делает красивую петлю. Люди всегда обожали красоту и устраивались на таких местах. Но это так, – предположения. Нам же нужно доказать всё научно. Если не здесь, будем искать в другом месте. Поэтому Вам, Роман Романович и Вам, Сюзанна, предстоит обстоятельно обследовать местность. А там будем делать свои выводы, и продолжать поиски. На всё, друзья мои, нужно будет обращать самое пристальное внимание, даже на самые малые малости. Часто в практике криминальных исследований именно мелочи играют важную роль, именно они и обеспечивают успех. И последнее, если вдруг нам удастся найти место, где было это село, узнать его название, мы окажем неоценимую помощь науке. А это уже серьёзно. А пока мы никому ничего сообщать не станем и приступим к делу.

– Доктор, это ж недалеко, – сказал Роман Романович. – Мы с Сюзанной всё обследуем сами.

– Я думаю, – сказал доктор, – мы попросим уважаемую Сюзанну на её легких крыльях совершить облёт окрестных мест и дать нам материал для дальнейших действий. А Вы, Роман Романович, набирайтесь пока сил, работа всем предстоит большая. Нам с Вами не следует пока никуда уезжать, уходить. Сюзанна, королева неба, – другое дело. А мы, пока она занимается делами, останемся дома и приготовим наше любимое блюдо.

Сюзанна приступила к исполнению своего задания. Вернулась она перед самым заходом солнца. Была очень усталая, но ещё больше разочарованная.

– Доктор, всё напрасно. Никаких признаков бывшего села, нигде. Только болота, лес, кусты, луга и слышала шум воды...

После ужина доктор попросил рассказать всё по порядку. И Сюзанна стала рассказывать о том, что места все очень похожие и найти нужное невозможно.

– Почему же, уважаемая, – вдруг повеселевшим голосом произнёс доктор, – Вы уже навели меня на одно интересное заявление. Вы сказали, что на одной из речек, густо заросшей лесом, слышен шум воды.

– Да, доктор, только на одной.

– Это очень интересно! Возможно, там падает вода и издает свойственный ей шум. Будем считать, что это небольшой водопад или точнее – водопадик. Так просто вода не будет шуметь. А если есть водопадик, значит, есть ресурсы! Энергетика! Так почему же тем, древним, было не поставить здесь мельницу?

– Но, доктор, там ничего нет, никакой мельницы, ни одного камня, – возразила растерянная Сюзанна.

Вам всегда, уважаемая, не хватает оптимизма. Оптимизм – дело великое! Завтра же едем именно туда, где шумит вода.

Доктор снова изучал карту, выверял направление, разные детали и вскоре он уже представлял, куда им ехать.

Место, куда они прибыли на следующий день, было совершенно диким. Оно ничем не отличалось от других, которые они миновали, пока добирались сюда. Доктор внимательно осмотрелся: ничто не говорило о том, что здесь могло быть когда-то человеческое поселение. На луговине с высокими травами, едва заметно выделялся небольшой остепнённый участок. Дальше шли снова луга, светились оконца небольших болот, и темнела густая, древесная пойма, где протекала безымянная речушка.

Это как раз и было место, где речка, сделав крутую петлю, огибала небольшую возвышенность, прежде чем скрыться в зарослях.

Доктор уже как опытный сыщик знал, что речка не есть ещё показатель места исчезнувшего села. Нужны были более подходящие аргументы, и доктор искал их.

– Необходим и поиск, и криминальная дедукция, – говорил он себе. – Нужна логика, здоровая логика! Первая задача – найти место, где стояло село столетия назад...

– Итак, друзья мои! – обратился он к своим коллегам. – Считаю, что теперь нужно приступить к более обстоятельному изучению местности. Начнем поиск. Кое-какие аргументы у меня есть, село могло быть здесь. Теперь нужны весомые доказательства. Начинаем активный поиск: Вы, Роман Романович, обследуйте эти луга, как требуется. Ни одной детали не упустите. Ни одной! Ко всему внимание и внимание. Вы, уважаемая Сюзанна, то же самое. Но побывайте, пожалуйста, в местах трудно для нас с Романом Романовичем доступных: в лесу, на болотах, по сырým лугам...

Первой набрала высоту и в неторопливом полёте отправилась на заданный участок Сюзанна. Она кружила над опушками и суходольными участками степи, выискивая острым птичьим глазом какие-нибудь мелочи, которые бы подсказывали о былом пребывании человека. Роман Романович, по обыкновению шумно втягивая воздух, колесил вокруг каждого куста, по берегу речки, по лугу и всюду, где считал нужным, в надежде что-нибудь да найти. А доктор Филипп решил своими глазами осмотреть то самое место, где шумит вода.

Время – полдень. Первым около шумного места, оказался доктор. Сюзанна с высоты видела, как доктор внимательно изучил берег, потом долго ходил, вглядываясь, приседал, что-то ощупывал. Брал лупу, и с ней также внимательно что-то осматривал. Потом Сюзанна видела, как он присел, ворошил руками береговые травы и, наконец, что-то взял и сунул в один из своих карманов, а затем поспешил к месту полевого лагеря, где у них стояла палатка. Но никаких новостей ни у Романа Романовича, ни у Сюзанны не появлялось.

Ближе к обеду коллеги доктора должны были вернуться в лагерь. Доктор разжёл костёр, вскипятил чай и приготовил сосиски с картофелем – самое любимое блюдо друзей-сыщиков из «Бюро криминальных расследований».

Разжигая костер, занятый приготовлением обеда доктор не переставал обдумывать поставленную задачу. И всё-таки, – у него были уже кое-какие обнадеживающие факты, которые он должен был дополнить другими сведениями. Он очень надеялся, что его друзья обязательно добудут какую-нибудь полезную информацию.

У Сюзанны, однако, никаких сведений, хотя она очень старалась. Грустная, сидела она на вершине тополя у речки и переживала, что Роман Романович с вечно мокрым и холодным носом найдет нужные факты, а она нет... Ей было стыдно и обидно. Сюзанна решила, если она первой вернётся к лагерю, то и первой огорчит любимого доктора. «Пусть лучше пустым прибежит пес. И пусть ему первому будет стыдно, если ничего не нашёл. Я уж потом».

Вернулся, наконец, и четвероногий коллега: он жарко дышал, высунув мокрый язык. Доктор видел его запаленного с высунутым языком. Он буквально валился с ног. Доктор понял – поиски лохматого друга безуспешны. Отдохнув, Роман Романович коротко тьякнул, взвизгнул и поскреб лапой землю.

Он сообщил доктору, что очень рассчитывал наткнуться на поскотину или стойло, или же, на худой случай, на место, куда хаживали кошки. У кого-кого, а у них дух стойкий, и это обнадеживало. Но, увы...

– Я понял, уважаемый, вы всё обстоятельно обследовали, всюду побывали, но безуспешно. Знаете, Роман Романович, если нет никакого результата – это тоже результат. Так что огорчаться не стоит. Мы

должны держаться настойчиво и быть упорными. Мы с Вами, уважаемый, ещё вместе отправимся в забытые Богом места.

– Прошли века, – рассуждал вслух доктор, – в этом наши трудности и неудачи. Века начисто вычистили запахи. Время великая вещь...

Роман Романович переживал: Было обидно – надежды на славу, на успех не оправдались.

– Ничего друг мой, – успокаивал доктор, – подождём ещё Сюзанну, и я Вас угощу прекрасными сосисками. Для Сюзанны у меня, как всегда, припасен ещё и кусочек сыру. А все-таки, может, что-то Вас заинтересовало, удивило?

Роман Романович шумно встряхнулся и стал рассказывать. В это время он повизгивал, крутил носом, тьякал, скулил и даже время от времени рычал. Доктор Филипп все прекрасно понимал и между ними состоялся оживленный диалог.

– Я очень внимательно, – рассказывал Роман Романович, – обследовал каждую пядь земли. Вдоль речки прошёл не менее десяти-пятнадцати верст. Уверен, если б жили здесь когда-то люди, то село их выходило бы обязательно к речке. Правильно?

– Вы совершенно правы, – соглашался доктор, – у Вас аналитический ум, дорогой Роман Романович!

– Единственное, – продолжал лохматый сыщик, – так это нашёл нору барсуков. Вонючие и злобные. Целая семья в одной норе. Поднял лисицу на небольшом, сухом пригорке и десятка полтора перепелов. Около берега, у небольшого болота, видел журавлей, слышал крики других.

Доктор внимательно выслушал и, помолчав, сказал:

– Отдыхайте пока, друг мой. Все прекрасно. Ваши слова наводят меня на определенные раздумья, – он заложил за спину руки, стал ходить около палатки. Ходил он крупными шагами, а это значило, как мы уже знаем, что он над чем-то сосредоточенно думал.

Наконец, он громко вскрикнул и хлопнул себя слегка ладонью по высокому лобу:

– Эврика! Вы, даже не представляете, дорогой Роман Романович, что мы приблизились к разгадке вековой тайны. Всё я поясню потом. Сейчас вижу нашу Сюзанну и скоро послушаем, что она скажет.

Возвращалась Сюзанна: полёт свой она завершала падением с высоты в крутом вираже. Она галантно опустилась на нижнюю ветку тополя, прямо над головой доктора.

– Мы слушаем Вас, достопочтенная! – обратился к ней доктор.

Не будем скрывать, что Сюзанна, в отличие от Романа Романовича, была дамой честолюбивой и очень даже любила слова, которые были сказаны в ее честь. А доктору было не занимать таких слов, так как был он не только большой учёный, но и очень культурный профессор.

– Слушаю Вас, – ласково сказал доктор.

– Все попусту! Ничего не видела, ничего не нашла! Потерян напрасно день, – Сюзанна с досады принялась без остановки стрекотать, рассказывая и сожалея, что ничего здесь нет, что говорило бы о прошлом села.

– Конечно, странно очень, но не всё сразу. Значит, ничего интересного?

– Нет, доктор. Ничего!

– Что ж, получается, здесь не живут ни птицы, ни звери, не говорю уж о людях?

– Ничего! Повторила она и подумала: говорить или не говорить о странной штуке, о которой вспомнила только сейчас.

– У Вас какие-то сомнения?

– Доктор, на одном из деревьев, над водой, висела шерстяная, вязанная рукавичка.

– Рукавичка на дереве? Откуда она здесь? Кто мог забросить её? – Доктор широкими шагами заходил вокруг палатки.

– Наверное, зря я об этом пустяке сказала? – подумала Сюзанна.

– Здесь что-то не так, – подумал доктор, – уже интересно. Если б мы могли всё сразу узнать, то это сделали бы давно и без нас. Здесь нужно решать всё другими методами, другой дедукцией. Что и как? Мы и должны узнать.

– Так вот летала, летала я, смотрела-смотрела, – продолжала трескучим голосом рассказ Сюзанна, – но ничего не увидела. И думаю теперь, – ничего, никогда здесь и не было. Ни одного кирпича, ни печки, нет даже срубленного дерева. Место это мы выбрали неправильно.

– Я думаю над вашим заявлением, сударыня, – сказал доктор. Он достал записную книжку и что-то записал. – Значит, около безымянной речки вы тоже были? А Роман Романович сказывает, что она извилиста и густо поросла лесом.

– Да речка очень дикая, мрачная

– Что ж, уважаемая сударыня, вы потрудились на совесть с Романом Романовичем.

– Теперь я доложу вам, друзья мои, – доктор стал рассказывать о своих исследованиях проводимых на берегу речки, где шумит небольшой водопад, – пришел к этому месту, о котором доложила уважаемая Сюзанна, и подумалось, что здесь и была поставлена мельница, на которую приезжали мужики из соседних хуторов, деревень рожь молотить. Если здесь мололи рожь, то обязательно обронули горсточку зерен. Значит, и прорасти они должны были, урожай дать. Такие зерна падалицей называют. Искал в траве около «шумной воды». Долго искал, и вот смотрите, – доктор извлёк из кармана сюртука стебель с щетинистым колоском, – это, друзья мои, и есть прямое

доказательство, что там когда-то стояла мельница. Это ещё раз подтверждает, что исчезнувшее село было именно здесь. В здешних краях нет дикой ржи. Поэтому других доказательств не требуется.

Доктор ещё что-то хотел сказать, но Сюзанна вдруг громко застрекотала:

– Извините – перебила вас, доктор, – она ещё вдруг тихо и певуче защебетала.

– Я прекрасно понял вас, Сюзанна.– всё-таки это интересно – рукавичка на дереве?

– Из вашего рассказа я понял, что на одном дереве вы нашли подвешенную кем-то рукавичку с недовязанным большим пальцем?

– Да, доктор! Недовязанным! На ветке... прямо над водой, странно, кто же мог его привязать к самому кончику ветки над водой? Это мне показалось интересным.

– Ну вот, видите, уважаемая Сюзанна, а Вы говорите день потеряли напрасно. Вы обнаружили очень интересную деталь. Это ещё один наш...

– «Вещьдок!» – весело твякнул Роман Романович.

– Абсолютно правильно, уважаемый! – поддержал доктор. Это уже большая удача.

Однако, ни сам Роман Романович, ни тем более Сюзанна не понимали, почему это так важно. Но они полностью доверяли своему доктору и радовались вместе с ним.

Роман Романович с легкой завистью взглянул на Сюзанну. Конечно, ему было обидно, что столько сил и времени потратил он, и всё впустую Она-то нашла интересное подтверждение, а он – ничего...

– Ну вот, друзья мои, теперь вернемся к первоначальному нашему разговору. Вы сегодня сделали поразительные открытия. И это наводит нас на некоторый путь в нашем непростом поиске и вселяет надежду, что мы справимся с поставленной задачей. Мы откроем тайну веков!

От удивления у Романа Романовича само взлетело вверх чёрное ухо и на какое-то мгновение встало восклицательным знаком. Так велико было его удивление – поднялось ухо, которое всегда висело, как и второе.

– А чего ж мы такое нашли, – спросили в один голос Роман Романович и Сюзанна.

– Доктор ничего не ответил. Он положил в миску сосиски с поджаренным картофелем и вкусным мясным подливом. Роман Романович уж пустил голодную слюну. Вкусно очень дышал прямо в его чёрный нос ароматный подлив с варёными сосисками. Он был очень рад: сначала обед, а потом и всё остальное. Доктор подвинул миску к Роману Романовичу. На блюде подал к столу кусочек костромского сыра и сосиску. Потом уж только обслужил себя...

- Теперь, друзья мои, давайте спокойно отобедаем.
- Доктор, – восторженно сказала Сюзанна, – сначала может...
- Нет, нет, уважаемая, все как люди. А потом к делу.

После обеда они сидели у походного столика. Доктор извлек из одного из своих многочисленных карманов книжку. Полистал, почитал. Поправил очки.

– Итак. Друзья мои, подведём итоги: Вы, Роман Романович, подняли около десятка перепелов. Так?

- Да! – вильнул хвостом Роман Романович.
- А вы, Сюзанна, тоже слышали этих птиц?
- Да, доктор, на этом же поле.

– Вот и прекрасно! Это нам говорит, что на этом месте было когда-то ржаное поле или пшеничное. Я просмотрел одну из энциклопедий и нашел: «Перепела поселяются на возделываемых пшеничных полях». Замечу, – в наших краях с лесами, болотами, сырыми лугами перепелов нет вообще. Это первое. И думаю, это не случайность, а закономерность. Это значит, когда-то здесь люди осушали сырые луга и обрабатывали поля.

– Теперь, чтобы окончательно убедиться, прошу вас, друзья мои, принести мне помёт лисицы с тех мест, где отдыхала она, и оттуда, где барсучья нора. У нас есть надежды окончательного подтверждения нашей версии о пребывании здесь людей, значит, исчезнувшего села. Роман Романович, это по вашей части. Ваш великолепный нос – наша надежда. Вот вам мешочек и доставьте сюда, так называемые, вещественные доказательства нашей версии.

Роман Романович не заставил ждать себя, и через некоторое время, на этом же самом месте, доктор, пользуясь лупой и пинцетом, изучал помёт лисицы. После работы с пинцетом на столе лежали разложенные по кучкам косточки небольшой птицы, пёстрые перышки и два пшеничных зёрнышка. А после того, как с такой же тщательностью были разобраны и изучены экскременты барсуков, доктор отложил в сторону светлые, похожие на скорлупки подсолнечника, надкрылья жука. Наконец, он встал из-за стола, потер руки и, поправив очки, весело сказал:

– Друзья мои, мы с вами отыскали единственный, совершенно правильный путь. После того, как я имел честь и доверие с вашей стороны изучить помёт лисицы, промышляющей здесь разной живностью, среди косточек и перьев перепела, а это всё, что осталось от птицы, я нашел два зёрнышка пшеницы, которые птица подобрала перед тем, как оказаться жертвой рыжей плутовки. О чем это говорит? – поставил вопрос доктор, что называется – ребром, – это говорит о том, что конкретно здесь находилось когда-то пшеничное поле. И до сего времени всё прорастают зёрна падалицы. А вот эти светлые крылышки

небольшого жука, которые я выбрал из экскрементов барсуков, подтверждают, что здесь также до этого времени живёт жук, вид которого носит название «хлебный кузька». Большой любитель злаков и, в частности, хлебов – зёрен пшеницы. Жизнь жуков, как утверждает наша энциклопедия, связана с хлебными полями, и жуки этого рода из семейства пластинчатоусых яйца свои откладывают в почву только пахотных земель. Поэтому, друзья мои, теперь уже нет никаких сомнений, что мы нашли нужное место, где стояло старинное село. Это есть ещё один факт того, что требовалось доказать. Теперь можно смело и уверенно сказать – мы с вами достигли главной цели. Фактов в пользу нашей версии достаточно: нашли, где была мельница, нашли поля, где производились посевы пшеницы. Это значит – мы нашли и решили первую задачу – место, где стояло исчезнувшее село, известное ещё до прихода войск Чингис-Хана. Теперь предстоит выяснить другой, не менее важный вопрос – как село называлось? Если мы узнаем его название – оно станет ключом к дальнейшим тайнам этих мест.

– Меня очень, – продолжал доктор говорить своим коллегам, – заинтересовали сведения ваши, уважаемая Сюзанна, – «Рукавичка с недовязанным пальцем на дереве». В «Лесной энциклопедии» я уже нашел ответы на интересующие меня вопросы, это...

Доктор внезапно замолчал, заходил крупными шагами, и обратился к Сюзанне:

– Уважаемая, будьте любезны, слетайте туда и ещё разок внимательно посмотрите, нет ли ещё таких рукавичек на деревьях? Я же – более обстоятельно просматриваю справочную литературу. Надеюсь, что рукавичку забыл в этом безлюдье какой-то шалун. Ещё мы должны знать – из чего она связана? И обратите, уважаемая сударыня, внимание на тот самый недовязанный палец. Такой ли он у других, если повезёт найти другой.

Сюзанна тотчас отправилась в ту же самую рощу – на берегу безымянной речки, где висела рукавичка с недовязанным пальцем. Надо сказать, Сюзанне совершенно непонятно было, зачем доктору знать, из чего она связана и почему его интересует эта рукавичка? Это всё из-за его волшебной книги, которую он называет странным словом – «энциклопедия». Слово-то какое: напоминает звон разбитого стекла, – рассуждала Сюзанна, набирая высоту в сторону безымянной речки.

Действительно, чего птице стоит преодолеть расстояние над полями, лугами, холмами... Роману Романовичу обежать эту территорию понадобились бы часы, а она на коротких крыльях одолела его за несколько минут. А ещё через некоторое время возвратилась в лагерь, где ожидали её доктор и Роман Романович.

– Ну и как, успешно? – спросил её ожидающий с нетерпением доктор.

– Да, – ответила Сюзанна, – нашла ещё три таких же рукавички.

Все почему-то с недовязанными пальцами? Вот пух, из которого они сделаны, – она бросила целый пучок надерганного из подвешенных рукавичек пуха.

– Вы умница, сударыня! Что б мы делали без Вас?

Доктор извлек лупу из кармана сюртука, протёр её и приступил к внимательному изучению строительного материала. Потом, достав энциклопедию, нашёл нужное и очень скоро пришёл к выводу, что рукавички связаны из тополиного пуха и только снаружи обвязаны какими-то волосками. Доктор поднял глаза и сказал:

– Итак, друзья мои, могу сообщить следующее – всё так и есть, как я и предполагал: это гнёзда, и сделаны они из тополиного пуха. А что говорит нам наша авторитетная энциклопедия? Она подтверждает, что так и есть – это гнёзда одной из самых мелких птиц нашей фауны синицы-ремеза.

– Доктор, что это значит? – с нетерпением спросил Роман Романович.

– Ты всегда лезешь вперёд. Я тоже хотела спросить это же, а ты... – прострекотала сердито Сюзанна.

– Это, друзья мои, очень многое в нашем вопросе. В этой же самой зелёной книге с золотыми буквами, – он хлопнул ладонью по «Лесной энциклопедии», – сказано: в наших краях только на одной речке встречаются гнёзда синицы-ремеза и только они способны вить гнёзда, похожие на рукавички. А недовязанный палец – вход в гнездо. Ремезы умело подвязывают гнёзда на кончиках самых тонких ветвей, и, как правило, над водой. Ни лиса, ни соболь, даже не всякая птица до него способна добраться. Человеку тоже проблема достать такое гнездо.

– Доктор, но ведь это ни о чём не говорит, что мы хотели бы знать, – сказал неуверенно Роман Романович и виновато завил хвостом, извиняясь. Он старался сомнениями не огорчать любимого доктора.

– Вот тут Вы, почтенный, совершенно не правы. Давайте-ка вместе разберёмся – что и к чему? А для этого нужно к фактам или вещественным доказательствам обращаться.

Доктора перебила Сюзанна:

– Обращаться к «вещьдокам!»

– Да, уважаемая, совершенно верно – «вещьдокам». Немного фантазии при условии, что она будет опираться на факты и у нас должно всё получиться. А фактов у нас уже достаточно.

– Как-га-как? – это в устах Сюзанны значило – она ничего совершенно не понимает.

– Хорошо! – спокойно сказал доктор. Всё по порядку. – И он стал рассказывать историю, которая случилась с людьми и селом в этом месте.

Было всё примерно так.

В суровые времена, в неурожайные годы, в чужие края уезжали семьями или же сразу по несколько дворов из какой-нибудь старорусской деревни, в поисках удобных для жизни земель. Ехали и присматривались, где бы землю удобную для жизни найти? Чтобы можно было пшеницу да рожь сеять, чтоб речка была – рыбалка, лес. Без леса ни дома, ни сарая не построить, дрова нужны... И вот наступил день, когда среди болотистой местности, дремучего леса, зарослей кустарника, а это было здесь, – показал рукой доктор, – на этом самом месте, глазам переселенцев представились пышнотравные луга около речки и открытое место, где и построили они избы. Леса вон сколько. Травы для скота вдоволь. В речке рыба, бобры... В лесу сохатый, белка, глухарь, морошка. Но главное – возможность осушить луга и засеять землю хлебом.

Так как ехали переселенцы издалека, то везли на телегах в дикие края всё, что у них было: необходимый скарб, скот шёл за телегами на привязи – коровы, козы...

Доктор посмотрел на своих коллег: у Романа Романовича были слегка приподняты уши. Он очень внимательно слушал и каждый раз, в знак согласия, вилял хвостом и только изредка поглядывал на Сюзанну. А она сидела на крыше палатки и, опустив голову, отяжелевшую от впечатлений, от рассказанного доктором, казалось, с трудом удерживала голову, чтоб не перетянула.

– Итак, они подъехали сюда, где «рукавички» на деревьях развешаны, как груши. Это очень интересные гнёзда в мире птиц. Конечно, люди не могли не обратить внимания на них. Остановились. «Красота!» – развел руки доктор. – Место весёлое, и всё для жизни имеется.

Как только поставили избы, осушили луга, пшеницу, рожь посеяли. Стали скот разводить. Пришёл день, и они задумались, как свой хутор назвать? Ломать голову долго не пришлось. Вот эти самые рукавички на деревьях свиты ремезами, в лесной чащобе по берегам речек. Отсюда, возможно, и пичужек стали называть ремезами, так как они селятся чаще всего по таким местам, то есть – ремизам. Поэтому, я убежден, что безымянную речку называли Ремизовкой. Ну, дальше проще – речка Ремизовка, значит, и село, стало быть, тоже – Ремезовка или Ремизовка.

Есть ещё очень важная догадка с нашей стороны, – сказал доктор и хитро посмотрел на своих коллег, – если вы помните, в газете

указывалось, что в этом селе люди умели лечить скот от сглаза и других болезней. И умение лечить держали в тайне. Так вот, друзья мои, в этой самой энциклопедии я нашёл поразительные сведения, как раз дополняющие наш успех, а именно, – доктор поправил очки и весело крутнул усом, – оказывается, в давние времена гнёзда ремезов считали обладающими магической силой, дарующей счастье – их держали в избах, а также их дымом окуривали избы и больной скот, особенно молодняк, изгоняя болезнь и злых духов. Вот это нами и доказано, что в селе умели «лечить скот от сглаза...»

– Теперь, друзья мои, – сказал доктор, – если всё так уж совпадает, то самое время посмотреть на фотографию, которую я предусмотрительно сделал с той самой газеты, в которой говорилось об исчезнувшем селе, с обгоревшего документа. Вот сохранившиеся буквы: «Р . . . з . . к . ». Букв девять всего. Наше название «Ремизовка» тоже девять букв содержит. Давайте подставим их – недостающие в тексте архивного документа, сгоревшего во время московских пожаров. Если совпадут, то считайте нами сделано величайшее открытие века – установлен географический пункт, то есть место, определено название села и речки, а, значит, мы на пороге тайны прошлых веков – духовных сокровищ, спрятанных на месте сгоревшей церкви.

Доктор стал вписывать буквы слова Ремизовка в текст обгоревшего документа.

– Эврика! – воскликнул он. – Всё совпало! Всё правильно! Нужное и важное открытие за нами, друзья мои!

Возгласы восторга доктора, Романа Романовича и Сюзанны можно было слышать некоторое время. Они были очень рады результатам проделанной ими работы на пустом месте.

Со стороны можно было подумать, что около палатки, стоящей на берегу речки Ремизовки, собрался союз сумасшедших: они кричали, стрекотали, лаяли и кукарекали...

– Вот так, – сказал доктор, когда успокоились, только благодаря сначала найденным перепелам, лисице, а потом и недовязанным «рукавичкам», висящим на деревьях, мы определили место, а затем и название, что оказалось не под силу учёным-археологам.

– Что же дальше было? – спросил Роман Романович, повизгивая от нетерпения.

– Дальше, друзья мои – прошли годы, хутор разросся и стал настоящим селом, где срубили свою церковь, в которой была чудотворная икона и священные книги. Поставили на речке около водопада мельницу. Молоть зерно приезжали, естественно, люди соседних селений. Так и стояло бы село до наших дней, если бы во время Московских пожаров, с приходом француза Бонапарта, в 1812 году, село не сожгли сами сельчане, уйдя в леса на время. Но так

получилось, что они не вернулись и остались только скудные сведения о славном, зажиточном селе в этих местах. Местность была предана вековому забвению. И, конечно, никто бы никогда не восстановил её былого названия, не узнал бы, где церковь стояла и находятся её сокровища, если бы на былых полях не поселились перепела, если бы не лисицы и не журавли-красавки, о которых я ещё ничего не сказал. Так вот они выбирают тоже степные луговины, свободные от зарослей кустов и, наконец, если бы не эти гнезда-рукавички...

Они, как мы убедились, сохранились на прежних местах и гнездятся здесь, возможно, тысячи лет и по сей день.

Итак, друзья мои, название прежнего села и речки восстановлено – Ремизовка! Всё совпало. Судя по документам, в северо-восточном углу хранятся церковные сокровища, представляющие историческую ценность для общей культуры, для народа. Теперь совсем просто найти это место: нужно, как сказано в газете, разделить площадь, где стояло село, на девять частей в направлении с севера на юг, и от средней буквы, а это буква «З» отсчитать ровно сорок сажень на северо-восток. Это значит, учёные-археологи вскоре приступят к работам и сделают ценные исторические находки. Открытие тайны веков состоялось!

Хранители атрибутов времени

Началась эта маленькая история с блестящей бусинки, попавшей случайно на глаза Сюзанне, которая летала над долиной среди небольших горюшек, каких в Казахстане Сары-Арка, как говорят, – «хоть пруд пруди». Степь как степь – кругом по вершинам невысоких гор – скалы, да ещё всюду ковыль, полыни, типчак и, конечно, частые во все века – ветры. Но главное ещё и то, что почти всегда в летнем небе жаворонки поют.

В провалах и щелях плоских и серых скал, среди мелких, рассыпанных камней, тёмных и острых, зоркая Сюзанна уловила блеск. Чего греха таить-то, сорока она и есть сорока, – край как всё блестящее любит. Сюзанна тоже не обошла находку. Все дикие, некультурные сороки даже воруют такие вещицы, а Сюзанна просто нашла бусинку. Нашла и показала доктору Филиппу.

Находка, как ни странно, почему-то очень заинтересовала доктора. И он попросил Сюзанну показать долину и место, где она нашла бусинку. Это была небольшая кучка мелких камешков под одной из скал – обычное, в общем-то, гнездилище удивительных зверьков, похожих на мышей, называемых зоологами – плоскочерепная полёвка или полёвка Стрельцова. Доктор знал уже этих симпатичных, лопоухих зверьков по

прошлым своим экспедициям по Казахстану. Они селятся в скалах, занимают глубокие трещины и забивают их мелкими, как на подбор, камешками размером с грецкий орех. Да ещё вместе с ними ташат всё, что есть около их поселения, около скал. Эти сообразительные строители – щели, куда обычно надувает зимой снега и где гуляют сквозняки, – заклеивают ещё и тёмными зёрнышками собственного, тёмного помёта. А для прочности, как их научила жизнь в столь суровых условиях, они поливают его клейкой смолистой мочой. В конце концов, у них получаются прямо-таки гранитные укрепления, куда не только хищники проникнуть не могут, но и ветры не заглядывают. Так и живут многие уже тысячелетия эти маленькие, похожие на серых мышек зверьки. Вот в таком одном из сооружений полёвок Сюзанна и заметила случайно блестящую бусинку.

– Знаете, сударыня, находка ваша чрезвычайно интересна, – сказал доктор, внимательно изучив её при помощи лупы, – но этого мало. На досуге, как-то я заглянул в специальную литературу, и оказалось, – судьба такой бусинки для этих мест чрезвычайно занимательна. Думаю, для археологов тоже была бы интересна эта находка. И пришлось бы поломать им голову. А вопросов много – откуда и как она здесь, в безлюдных горах?

Конечно, доктор Филипп и его друзья не могли оставить без внимания странную бусинку. Не могла же она сюда с неба свалиться... Не могло её и ветром прикатить неизвестно откуда. Значит, за всем этим стоит человек. Это уже интересно, и доктор с коллегами приступили к работе. Уже на следующий день они осторожно разбирали старое гнездилище плоскочерепных полёвок. С самого начала своих «раскопок» они убедились, что постройки зверьков, которым уже несколько столетий, животные строили как индусы свои тысячелетние храмы – из поколения в поколение. И все эти времена собиралось всё, что попадалось на глаза. Поэтому доктор теперь изучал совершенно разные и непохожие предметы. Вместе с мелкими камешками, собранными для каменной «крепости» с примерным весом не менее пуда, были обломки гранита, непонятно откуда взятые осколки бутылочные, корешки пересохших трав, черепа мелких зверьков и птиц...

Разобрав кладовые, доктор Филипп всё отложил в сторонку и всё, что было, переписал в свою криминальную книжку. А это, в общей сложности, были: медный наконечник стрелы, костяная бляшка с лошадиной узды, осколок цветного фарфора, ещё несколько малахитовых бусинок, капсуль от кремниевого ружья, четыре сосновые шишки, обломки стеблей вереска, череп совы, дятла, сокола, луна, суслика, хорька, горноста, а также нижняя челюсть лисицы, волчий зуб

и даже – железная пробка от пивной бутылки. Были и бутылочные стёкла, и блестящая обёртка от жевательной резинки.

– Друзья мои, посмотрите на весь этот хлам, – говорил довольный находками доктор Филипп, – перед нами коллекция исторических ценностей... Надеюсь, кое-что из этого, – говорил доктор, – заинтересует музеи. Мне же необходимо поработать с моими энциклопедиями, возможно, и с другой литературой. Потом я расскажу вам, друзья мои, большую правду, сказку-правду, – уточнил он, – и всё благодаря хранителям древности, вот этим зверькам, похожим на серых, бесхвостых мышек.

Все найденные «ценности» из каменной «дамбы», собранные хозяйственными зверьками, доктор бережно уложил в свой сундучок и унёс домой. Много дней и ночей он просматривал свои толстые старые книги, что-то выписывал, рассматривал исторические находки в свою лупу. Он тщательно изучал их. Определял черепа, Потом он ходил в библиотеку, и каждый раз приходил оттуда уставший, но счастливый и ещё более озадаченный.

– Друзья мои, – обратился однажды он к своим коллегам, – мы сделали ещё одно открытие, и скоро я расскажу вам всю его сущность. Более того, о нас напишут опять в газету. Мы с вами очень поможем нашим археологам, историкам и даже биологам заглянуть в прошлое этих гор, порытых сухими степными травами.

И снова доктор Филипп сидел за стол, и снова что-то внимательно рассматривал в лупу, записывал, измерял, взвешивал и постоянно перелистывал толстые книги.

И вот, спустя ещё несколько дней, он вышел совершенно счастливый и весёлый. Он шутил и потирал руки.

– Друзья мои, о том, что мы нашли, и к каким выводам я пришёл, попробую сейчас всё по порядку вам рассказать.

– Дело вот в чём. Давным-давно, может, тысячу, а может, и две тысячи лет назад в этой самой долине, где Сюзанна заметила блестящую бусинку, где теперь безлюдье и только суховеи серебрят ковыли, протекала небольшая, весёленькая речка. По её берегам росли густые осоки, ивняки и, конечно, селилась тут всякая живность. Кулики, – доктор показал на черепа кулика-травника и перевозчика. – Это небольшие кулички, которые для жизни избирают заболоченные или сырые луговины, покрытые осоками. Несомненно, за ними охотились здесь не только пернатые хищники – луговые и камышовые луны, – вот их черепа, – он показал на совершенно белые, потрескавшиеся кости с загнутыми круто клювами, утратившими верхний слой – рамфотек.

– Случалось, что за гнездящимися здесь птицами, обожающими водоёмы и болотца – утками, гусями охотились не только соколы балабаны, но и лисы, и хорьки. Не упускали возможность отведать дичатинки и серые разбойники – волки. Доказательства здесь, – показал он на отложенные в сторону черепа и кости этих животных... – Но всему и всегда, как говорится, приходит конец. Случилось это и здесь: на берегу речки однажды поставили свои шатры пришлые откуда-то кочевники-охотники и воины. Вот, – показал он на медный, позеленевший наконечник стрелы. – Это были охотники за дичью и воины в примитивных одеждах из выделанных шкур. Среди находок я нашёл ещё и обрывок примитивно выделанной шкуры.

– Ночами кочевники разводили здесь жаркие костры. Они готовили пищу, починяли одежды, пасли и поили скот и, конечно, зорко следили за окрестностями, чтобы их не застали врасплох другие, вражеские племена. Всё это происходило на берегах уже не существующей речки. А только вон, видите, осталось глубокое, пересохшее русло да пятна солонцов, где были сочные заливные луга. Есть здесь и окатанные камешки. Такие камешки – знак того, что здесь когда-то были текущие воды.

Доктор взял кончиками пальцев медный наконечник. Поправил очки и, внимательно рассматривая, продолжал. – Это вот остриё наконечника несколько расплюснуто, – показал он, – можно предполагать, что пущенная стрела в зверя или врага попала в скалу, где живут наши замечательные зверьки. Конец её обломился, его потом и подобрали для своей крепости зверьки.

Роман Романович и Сюзанна внимательно слушали доктора, который то снимал, то надевал свои очки и стремительно ходил, выставив острые локти и чуть согнувшись. Он то и дело поглаживал лысину.

– Вот эти две штучки, – он показал теперь на продолговатые, одну медную и другую костяную бляшки, – они украшали уздечки богатых всадников. По исполнению и рисунку на них, они явно принадлежали совершенно разным племенам, а значит, и культурам. Я полагаю, что именно здесь в долине состоялась однажды встреча враждующих племен, и была битва. И здесь где-то обязательно есть, я уверен в этом, доказательства этой битвы и гибели воинов. Здесь же были убиты и их лошади, а останки растащены дикими зверями. На обрывках уздечки боевых коней, у которой кожа почти истлела, медные украшения оказались рядом в груде камешков, куда не попадала влага, и не могли её окончательно источить ни мыши, ни насекомые. Они, можно сказать, оказались замурованными в смолистой

массе этих замечательных зверьков-полевков... Вот другой наконечник стрелы – показал он на ребристую стрелу, выпущенную из лука в бронзовом веке. Произошло это, примерно, за три тысячелетия до нашего времени, до нашей эпохи, может быть и несколько позже...

Мне приходили в голову мысли, пока я изучал все эти «сокровища»: могли ли предполагать мастера, вытачивая и отливая узоры на этих бляшках, что они веками будут лежать рядом, когда о них позабудут, и уже никто не узнает имён встретившихся и погубивших друг друга воинов. А мы узнаем о них только ради этих замечательных зверьков, к которым они явно относились с презрением или старались их просто не замечать. Так часто, между прочим, бывает в жизни, когда мы не знаем, кто друг нам, а кто недруг...

– Доктор, – спросил Роман Романович, – а как же здесь оказались сосновые шишки. Деревьев здесь нет. Их привезли сюда?

– Минуточку терпения, уважаемый Роман Романович, – сказал доктор. Всеу своё время. Я должен всё рассказать последовательно. У меня тоже ведь есть вопросы. А когда я рассказываю вам, сам для себя и уточняю. Так вот события развивались, конечно, и дальше. Река, о которой я говорил, высохла, осталось сухое русло, которое с веками исчезло, выровненное водами и ветром. Изменился климат на этих сопках, по скалам поднялись сосны. Много, очень много времени стояли они, шумя хвоей. А в скалах, сменяя поколения за поколением, продолжали жить плоскочерепные полёвки и как их далёкие предки продолжали собирать всё, что рядом, чтобы укрепить от хищников и снега, дождей и ветров своё жилище.

С сосен падали шишки, и они тащили их вместо камешков, они потом заклеивались, потому не истлели бесследно. Теперь посмотрите, где сосны. Нигде их нет – степь сизая и скалы, а сосновые шишки вот они. В сосняках жили дятлы, совы, это то же самое, что и барабанный бой древних кочевников. Проходили века, и в долине, обезлюдевшей, дикой, стали появляться проходящие караваны.

Началась эпоха торговых связей цивилизаций Востока и Европы. Именно здесь, этой долиной проходил, видимо, древний Шёлковый путь. Видите эту керамику? – доктор взял кусочек, – обломок бывшей вазы или чаши – фаянс! Высшее достижение мастеров гончарного искусства, древних мастеров Китая! Или возьмите эту бусинку. Именно здесь провозили красавиц и украшения, сделанные на Ближнем востоке, в Индии, и бусинка эта говорит о многом.

А потом, потом, спустя столетия, сосновые леса ушли, исчезли, значит, на их места пришли вереск, полыни, и сейчас мы находим остатки былой растительности, также в плотных слоях крепости

замечательных полёвок. Появились здесь обычные степные животные – лисы, корсаки, и, возможно, дрофы. Но самую замечательную находку в этом свете сделал уважаемый Роман Романович. Кусочек челюсти с коренными зубами, которую Вы раскопали поблизости у гнезда, принадлежит дикому ослу кулану. Значит, где-то здесь были источники воды. Теперь, как мы знаем, ничего нет. Вот так шли столетия за столетиями. А семьи полёвок сменяли друг друга из поколения в поколение. И как видите, собрали убедительную историческую археологическую коллекцию.

Даже пробка от пивной бутылки и осколки самой бутылки теперь говорят об уровне цивилизации, даже о нашей гнусной цивилизации, когда красивые места стали местом паломничества, местами для праздных безответственных экологически необразованных людей. А вот эта обёртка, расцвеченная и раскрашенная с большим искусством предприимчивых руководителей, не что иное, как показатель лёгкой доступности этих мест с помощью вездесущего автомобиля...

Итак, – закончил доктор Филипп, – благодаря изобретательным полёвкам, укрепляющим свои жилища отходами организма, здесь были собраны яркие доказательства прошлого этой долины, окружённой ковыльными холмами со скальными нагромождениями. А главное – без сомнения можно считать, что именно здесь, этой долиной проходила часть Великого Шёлкового пути. И мы лишний раз имели возможность убедиться – ничто не вечно под Луной. «Всё течёт, всё изменяется», – как говорили древние.

– Спасибо, доктор, – восторженно прострекотала Сюзанна, – это так интересно!

– Благодарю Вас, доктор Филипп, – задумчиво поблагодарил Роман Романович, – столько вокруг интересного оказывается.

– А теперь смотрите, – доктор извлёк из сундучка газету, где на первой странице были изображены Доктор Филипп, Сюзанна, Роман Романович и странный, чуть лопухий с прекрасными глазами зверёк.

– А это кто? – в один голос спросили Роман Романович и Сюзанна.

– Это? Это полёвка, иными словами – полёвка Стрельцова или плоскочерепная. Она же и есть производитель известного в мире мумия – замечательного лекарственного средства.

Ниже я прочитаю для Вас, друзья мои, слова благодарности от учёных-археологов и историков, которые благодарят нас с вами.

У степного родника

Почтальон принёс доктору Филиппу письмо. Доктор тут же вскрыл конверт и прочитал: «Уважаемый доктор Филипп, пишу Вам по поводу особенному. Можете ли Вы узнать об осоковском чуде? Около нашего небольшого степного села Осоково произошло исключительное: у небольшого родничка, недалеко от села, вдруг ни с того, ни с сего стала расти сразу целая роща из разных деревьев и кустов. Это всех жителей Осоково удивило очень. Теперь всем селом мы собираем там грибы, ягоды черёмухи, калины, шиповника и даже хмель.

На наших полях урожаи пшеницы, картошки и разных овощей стали хорошими. Их перестали уничтожать грызуны. Откуда взялась эта роща? Кого благодарить – не знаем. Всем селом от мала до велика голову ломаем, а придумать ничего не можем. Кто её посадил? Вот вопрос! Семьдесят лет прожил здесь, а ничего похожего прежде не видывал. Старожил села Осоки».

Доктор отложил письмо: «Роща с черёмухой – это хорошо! Вот бы около моего дома такая выросла», – помечтал он. А потом обратился к своим преданным друзьям.

– Уважаемые Роман Романович и Сюзанна, нас опять ждут дела. Интересные, возможно, и приключения новые. Предлагаю по этому поводу поспешить в соседнее село Осоково. По дороге всё по порядку расскажу. А сейчас готовьтесь в путь.

Собраться в дальнюю дорогу Роман Романовичу и тем более Сюзанне – дело пустяковое. Только бы позвал доктор Филипп.

И пока потягивался, отгоняя сон, Роман Романович, пока Сюзанна охорашивала свои драгоценные перья, за которыми она очень следила, доктор взял свой походный сундучок, надел уже поношенный дорожный сюртук. На этот раз даже шляпу искал не больше десяти минут.

Уже в полдень он и его друзья были на месте. Они стояли у небольшого звенящего родника, около зелёной рощи, недалеко от села Осоково.

– Это и есть Осоковый родник, – сказал доктор, потому что родник здесь был только один. Вокруг него действительно стояла великолепная роща. Да ещё и потому, что около родника была великолепная осоковая лужайка.

Доктор Филипп достал походную карту, лупу и стал изучать местность. Отложив карту, он сказал: «Итак, друзья мои, и в самом деле появление рощи у родника за десятки вёрст от каких-либо древесных зарослей, загадочно. Поэтому давайте немедленно приступим к её осмотру. Будьте внимательны ко всему, в деле нашем каждая мелочь может оказать неоценимую услугу.

А Роман Романович и Сюзанна прекрасно знали свои обязанности, и им не следовало каждый раз напоминать об этом. Ведь как-никак на их счету уже десятки самых невероятных, самых загадочных и блестяще проработанных операций. Но доктор Филипп считал долгом напомнить о методах работы.

– Друзья мои, – сказал он, – будьте ко всему предельно внимательны. Роща небольшая, и, надеюсь, мы очень скоро соберёмся здесь, у родника, и обменяемся мнениями.

Они разошлись и приступили к делу. Нужно было всё осмотреть, обнюхать, а если что-то интересное попадёт на глаза – принести и обстоятельно изучить каждое вещественное доказательство. Прошло не более часа, как все они вновь уже были у родника.

– Внимательно слушаю Вас, уважаемые, – сказал доктор и приготовился записывать в походный дневник. Протёр очки.

Первой застрекотала Сюзанна:

– Уважаемый доктор, как только я поднялась над рощей, мне показалось, что я сразу же узнаю, почему здесь появилась роща. Но когда сделала над ней круг, другой ничего не узнала.

– Так и ничего? – переспросил доктор.

– Совсем ничего, – упавшим голосом ответила Сюзанна, – только одно, что показалось чуть-чуть странным, так это то, что роща имеет интересную форму. Прежде такого не встречала. С земли не заметно, с высоты очень заметно.

– Какая может быть форма? – деревья и есть деревья, – проворчал Роман Романович, – ты всегда что-нибудь выдумываешь.

– Я слушаю, – сказал доктор. Он поторопил Сюзанну. – Ведь это могло быть то самое, что поможет найти ключ к разгадке.

– Форма у рощи необычная, она, доктор, походит на большого рака, ползущего среди степи. И клешни его как раз сюда – к ручью направлены.

Роман Романович, как и все собаки, смеяться не умел, но ему стало очень смешно. Он растянул губы, прижал уши и вместо смеха как-то странно заскулил, словно в него кто-то запустил палкой.

– Что с Вами, Роман Романович? – спросил встревоженный доктор.

– Мне смешно, доктор. Такое только в голову нашей Сюзанне может прийти.

– Роман Романович, – с упрёком посмотрел на него доктор, – это не так уж и смешно. Не исключено, что именно в этом заключена тайна, которую предстоит нам разгадать.

– На рака? – говорите, Сюзанна, и на всякий случай доктор записал об этом в свой дневник. Затем он стал рисовать силуэт рака на листке.

– Сюзанна, считаю, что Вы сделаете это более точно, чем я. Прошу Вас, – доктор дал ей чистый листок бумаги и карандаш. Она попыталась рисовать. Но ведь она никогда не рисовала. Да и вообще, наверное, никто из сорочьего племени не рисовал. Поэтому, когда она начала водить карандашом по чистому листу, то карандаш выскакивал, выкручивался, падал, а вместо нужных линий получались закорючки, кривоногие паучки и уродливые головастики.

– Доктор, может дать ей очки, она вообразит, что весьма образованная и тогда что-нибудь получится.

– Ты завидуешь мне, потому и лезешь не в своё дело, – рассердилась Сюзанна. – Ты и этого не умеешь делать.

– Друзья мои, так мы переругаемся. Давайте успокоимся и вспомним, зачем мы сюда приехали.

– Да-а, – вздохнув, сказал доктор, – мы зашли в тупик.

– Художника с нашей Сюзанны не получилось. Но у меня есть предложение: у Вас, доктор, в сундучке есть порошок какой-то похожий на мелкую серую пыль.

– Тальк, – сказал безучастно доктор.

– Его, – продолжал Роман Романович, – нужно насыпать на лист бумаги, а Сюзанна пусть водит по нему своим носом, как карандашом. Ей всё равно, куда толкать его. Теперь он только и пригодится ей первый раз в жизни для дела, а не для любопытства. Нос нужно использовать по назначению, как я, например. – Роман Романович облизнул свой любимый нос.

– У меня не нос, а клюв, – заметила Сюзанна. – Это у тебя нос и при том – всегда мокрый.

Роман Романович сделал вид, что не слышал Сюзанны и продолжал:

– Тогда, уважаемый доктор, мы с Вами посмотрим на гениальное произведение художницы по имени Сюзанна. Уверен, что ещё никто в мире не видел похожей картины.

– Роман Романович, Вы настоящий циник, но Вы и гений. Мы сейчас же воспользуемся вашим советом.

– Доктор, – сказал Роман Романович, – когда я глянул на то, как Сюзанна бездарно тычет карандашом в чистый лист бумаги, стал злиться. Но когда я увидел её карандашных блох, а рисунок её – сплошное блошиное стадо, то у меня зачесались бока. Страшно не люблю блох!

Опустив хвост, Сюзанна обиженно смотрела на доктора и с гневом поглядывала на лохматого «гения», так назвал помощника доктор Филипп. Сюзанне очень хотелось сейчас же ущипнуть сильно за мокрый нос насмешника – Романа Романовича. И пока доктор насыпал тонкий слой талька на лист бумаги, Роман Романович показал язык Сюзанне: «Вот так, мол, надо...» Сюзанна тоже хотела показать ему язык, но

делать этого она не умела и поэтому, сердито крутанув красивым хвостом, стала рисовать. Кончиком собственного клюва она нарисовала очень даже красивого с клешнями рака.

– Да Вы просто молодчина, – восхитился доктор Филипп. – Роман Романович, Вы только посмотрите, как всё получилось прекрасно!

И тогда Сюзанна, уже довольная собой, снова взмахнула хвостом, и, как могла, тоже показала кончик языка насмешнику Роману Романовичу, а затем отвернулась, показывая, что она обиделась и даже презирает нетактичного Романа Романовича.

А доктор рассматривал силуэт нарисованного рака и думал: «Что бы это могло значить?» Может, это олень с рогами? Не походит... Может... – И так, и эдак он поворачивал фигуру, но ничего в голову не приходило. Поэтому под рисунком он поставил большой знак вопроса. Вот такой – ?

– Теперь внимательно слушаю Вас, Роман Романович, – сказал доктор Филипп и также приготовился слушать.

– Доктор, я тоже ничего существенного не нашёл, – скромно ответил Роман Романович, – всё как обычно. Кроме вот этого лошадиного зуба, никаких вещественных доказательств.

– Зуб, говорите. Ну что же – зуб, так зуб, – и доктор приложил его к начатому делу.

– Да, друзья мои, не много у нас шансов, чтобы разгадать тайну роши. К тому же прошло уже немало лет прежде, чем она так разрослась.

Потом доктор стал читать записи, которые сделал он сам, когда знакомился с рощей. Там было записано, что растут примерно десятилетние по возрасту кусты черёмухи, красной смородины, рябины, калины, боярки, шиповника и жимолости. Лет пять назад, как появились молодые берёзки и осины: «Похоже, скоро здесь будет настоящий лесок со всеми деревьями и кустарниками наших мест. Значит, существует прямая связь».

Доктор стал усиленно думать. А при этом он всегда закладывал за спину руки и ходил крупными шагами взад и вперёд: «Главное, что начало роши связано с заселением плодово-ягодных деревьев и кустарников. А это уже кое-что... – И доктор заходил быстрее. Он усиленно, лихорадочно думал и думал. И вдруг просиял лицом. Брови поднялись, он заулыбался и под шляпой почесал свою роскошную лысину.

– Доктор, Вы уже знаете, что здесь произошло прежде, чем выросли эти деревья? – спросил Роман Романович, пристально следивший за доктором.

– У этих деревьев и кустарников много общего, а именно – они посеяны были одновременно, хотя и с самых разных мест. С гор, из

приречных зарослей. Вопрос: кто их мог сюда принести, если не люди? Только птицы. А теперь в самый раз заглянуть в нашу зелёную книгу – Большую лесную энциклопедию.

Доктор достал из кованого сундучка зелёную книгу и внимательно просматривал страницы, где рассказывалось о деревьях, кустарниках, о птицах и разных лесных зверях. Он морщил лоб, хмурил брови и, время от времени, потирал лысину. И, наконец, он оторвался от книги, сдёрнул очки, зашвырнул их в сторону: «Всё правильно! Так я и думал. Иначе и быть не могло. Всё правильно, всё сошлось!»

Доктор Филипп тут же стал искать очки: он опустился на колени и пополз по лужайке. Но Сюзанна вспорхнула, в ловком пируэте выхватила из травы очки и подала их доктору. Роман Романович тоже было кинулся искать, полагаясь на своё чутьё, но Сюзанна опередила его.

– Я очень признателен Вам, сударыня! – поблагодарил доктор. – А теперь, друзья мои, слушайте уже готовую версию, – доктор надел очки, поправил шляпу, – дело было вот какое: лет десять назад, здесь у Осокова родника росли также пышные травы, осоки. Сюда часто приезжали местные жители из соседнего села Осоково косить траву. Однажды, а дело было осенью, приехал сюда один из крестьян, на лошади, запряжённой в телегу. Полагаю, что он за сеном приехал, где-то здесь был его стог. Но так как стояла осень, часты были дожди, земля раскисла, повозка всеми четырьмя колёсами вязла в жирной размякшей земле. Приехал он на своей хилой, старой лошадке и, пока косил сено, лошадка его околела. Так бывает, съест не ту траву и всё... Живот вздует, судороги начнутся. Дело страшное. А лошадка, как я говорил, старая, вот и околела. Ну, а если нет лошади, куда с такой повозкой? Да ещё по такой дороге. Не потянуть одному мужику. Тогда он и оставил здесь свою телегу. Снял сбрую, забрал вожжи и ушёл пешком.

– Доктор, – спросил Роман Романович, при этом он прижал уши и три раза гавкнул, – я ничего не могу понять, почему лошадь была старая и откуда Вы узнали, что повозка осталась здесь?

– Всё просто, уважаемый Роман Романович, – видите этот лошадиный след?

– Но, доктор, его может и не быть. Поэтому мне не найти его.

– Сюзанна, теперь, пожалуйста, принесите мне то самое пёрышко, которое где-то там застряло в кустах. Надеюсь, друзья мои, версия моя подтвердится, и тогда убедимся, что мы правы во всех наших предположениях. Поэтому, прошу Вас, Сюзанна, посетите ещё раз рощу и принесите его. А Вы, Роман Романович, поищите, пожалуйста, здесь останки лошади. Если Вы найдёте, то так и было, бедная лошадка погибла здесь. Ну, а что касается очков моих, их найду сейчас же. И

доктор, опустившись на колени, стал искать их в траве у родника, куда он выбросил очки только что.

– Поторопитесь, господа, – сказал доктор и пополз, ощупывая ладонями травы. Расследование продолжается! И, как ни странно, на этот раз доктор сам нашёл свои очки, а тем временем Сюзанна и Роман Романович обследовали загадочную рощу. Прошло очень немного времени, как доктор водрузил на нос очки, как тут же появилась Сюзанна. В клюве она держала не какое-нибудь, а пёрышко совы, рыжее, рыхлое, пёстрое.

И пока доктор Филипп произносил похвальную речь в адрес Сюзанны, упираясь всеми четырьмя лапами, из-за деревьев в это время появился Роман Романович. Он тащил обгрызенную лошадиную ногу. Серое копыто было подковано уже заржавевшей железной подковой.

– Роман Романович, – с жалостью в голосе сказал доктор, – Вы же можете надсадиться. Она же тяжёлая. Ну а если бы лошадь была целая и кости её не растащили бы волки, Вы бы так и тащили её?

Роман Романович, конечно, устал, пока тащил тяжёлую с копытом и подкованную лошадиную ногу, и если бы это был человек, он конечно бы вспотел, но собаки не потеют, и только на языке его вскипала горячая пена.

– Роман Романович! Впрочем, Вам я очень благодарен. Вы подтвердили нашу версию. Я ждал этого. А теперь на всякий случай мы возьмём только подкову. Она пригодится нам. – Доктор из кармана сюртука достал крючок и одним движением сдёрнул ржавую подкову и положил её в карман.

– А что дальше, доктор? – спросила сгорающая от любопытства Сюзанна.

– Дальше всё проще, – уверенно сказал доктор, – и долг мой рассказать, как события развивались позже. А прежде скажу, видите ли, логика в нашей работе должна придерживаться тех законов, которыми живут животные, законов, тропую которых всё развивается на перекрестках истории. Так вот – подросли деревья. Среди их зелёных крон поселились две-три пары сорок. Родственниц Ваших, уважаемая Сюзанна, – сказал доктор, – они благополучно, надо полагать, вывели очаровательных птенцов. Они вылетели, а гнёзда остались. И поскольку гнёзда из грубых прутьев, с крышами, то они сохраняются хорошо до следующего года и более того. . На следующий год в них поселились совы ушастые и тоже благополучно вывели своих птенцов, о чём нам свидетельствует это перо совы ушастой. А вот здесь, постучал он по

зелёной корке Лесной энциклопедии, – говорится, сколько мыши, которых вылавливает семья сов, способны съесть пшеницы, а её хватило бы прокормить занятого тяжёлым трудом мужчину в течение года.

– Доктор, – озорно прострекотала Сюзанна, – разве люди клюют зерно. Это же смешно.

– Сюзанна, я разделяю Вашу шутку, но дело в том, что из пшеницы делают муку, а потом пекут булочки и всё остальное, кстати, до которых Вы большая любительница. А теперь, – продолжал доктор, – представьте, друзья мои, что здесь поселились две пары сов, у каждой

появилось большое семейство – птенцов пять или шесть в гнезде. И каждая за счёт своего аппетита спасает зерно на этих полях, – и доктор обвёл руками холмы и увалы, на которых колосилась пшеница: Да ведь целые машины можно грузить зерном, которое

сохраняют людям ушастые совы. Вот так совы стали облетать поля и ловить мышей. Это значит – урожаи прибавились. Сельчане поселка Осоково богатеть стали. С этого времени, суслики, полевые мыши, хомячки разные перестали уничтожать урожаи. – Доктор вынул из кармана сюртука совиное перо, которое принесла ему Сюзанна и, дунув на его шелковистые бородки, сказал – это личная карточка, доказательство того, что здесь гнездились совы. Кроме того, осенью летят они над полями. А на день – в рощу на отдых. Если есть грызуны, на день или неделю задержатся, пока не выловят. Теперь в эту рощу забегают лисы, залетают тетерева, куропатки. На отдых присаживаются соколки. Они тоже ловят грызунов и, может быть, уже тоже гнездятся в старых сорочьих гнёздах. Грызунам совсем плохо, а урожаи растут.

Всё это я узнал вот по этим перьям, – и доктор показал изогнутое лирой чёрное блестящее перо тетерева и пёстрое светло-рыжее полосатое перо соколка пустельги.

– Сюзанна, а Вы почему-то не принесли мне этих пёрышек? – сказал доктор.

– Это Роман Романович виноват, он сбивает с мысли, – пожаловалась на невиноватого лохматого коллегу Сюзанна.

– Кстати, Роман Романович, где Вы подобрали свой трофей с копытом и подковой?

– За соседним увалом, – ответил Роман Романович.

– А теперь, друзья мои, нам нужно, пока ещё не стемнело, попасть в само село Осоково, думаю, там тоже кое-какие для нас откроются маленькие тайны.

– Хотелось бы найти того, кто написал письмо, – сказал Роман Романович.

– Мы должны ему всё разъяснить! – протараторила Сюзанна.

– Вы совершенно правы! Вперёд, друзья. Осоково совсем рядом!

– Доктор, а как же мы найдём его, село очень большое?

– Для этого у нас кое-что есть, и это поможет нам.

Доктор Филипп и его помощники отправились в село Осоково. У первого встречного человека доктор спросил: «Не знает ли, кто хозяин лошади, которая носила вот такую подкову? – и доктор Филипп достал из сюртука ржавую подкову, которую снял с копыта погибшей лошади и показал.

– Да как же не знать, – сказал встреченный человек, – да это же наш кузнец Никита такие подковы делает, больше никто...

А дальше ещё проще было: кузнеца Никиту нашли сыщики очень быстро. И тогда кузнец подробно рассказал, как у него поздней осенью внезапно заболела и околела лошадь около Осокового ключа. «Грязь кругом непролазная. Куда её, телегу-то, разве вытащишь.

Решил тогда её на зиму оставить. А весной, как только подсохли дороги, сам впрягся и притащил телегу-то домой», – рассказывал и смеялся кузнец Никита.

И тогда доктор Филипп во всех подробностях рассказал кузнецу всё по порядку.

– Вот какую пользу для вашего села оказали птицы, которые занесли семена. Они, получается, вырастили рощу, истребили грызунов, повысили урожай. Берегите их! – сказал доктор.

Кузнец Никита внимательно слушал, слушал и соглашался, кивая головой. Он с благодарностью смотрел на Сюзанну, на Роман Романовича:

– Спасибо, доктор! – сказал он, крепко пожал руку ему и добавил, – Я всем в селе скажу, чтобы берегли птиц!

Дьявольские болота

Прекрасным днём доктор Филипп и его верные друзья отдыхали после успешно законченного дела. Ничто, казалось, не могло нарушить отдыха, и уже никто-никто не сделает на земле ничего плохого, чтобы требовалось вмешательство знаменитых сыщиков. И, правда, – никто ни

на кого не напал, не обидел. Всё было прекрасно. И вдруг Роман Романович повёл носом и уловил запах кого-то чужого.

– Доктор, – тихо проскулил Роман Романович, – кто-то около нашего подворья бродит.

– Я давно заметил, – сказал доктор, но мы не будем приглашать отдыхающую на часах в комнате Сюзанну. Мы сами узнаем, кто навестил нас. Роман Романович, сидите тихо, не шевелитесь, – прошептал доктор и тут же прикрыл глаза, сидя в своём любимом кресле. В это время из-за дерева выглянул человек и тут же спрятался. Доктор подумал, что это какой-то злоумышленник, но, мельком взглянув на незнакомца, он понял, что это не злоумышленник, а просто робкий крестьянин. Крестьяне работают на земле, они сеют и выращивают хлеб. Им некогда творить злые деяния. Поэтому доктор сейчас же вошёл в дом, вынес кринку молока и хлеб, поставил всё это на стол во дворе. Доктор нарезал хлеба, налил в кружку молока и громко крикнул: «Милости просим к столу, уважаемый. Довольно Вам прятаться за деревом, мы ждём Вас к столу!» Разоблачённый столь неожиданным поворотом крестьянин был очень удивлён. Ему, конечно, ничего не оставалось, как выйти из укрытия и сесть за стол с доктором Филиппом.

– Угощайтесь, сударь, и я Вас слушаю, – сказал доктор и налил себе тоже молока.

– Пришёл, доктор, к Вам, помогите моей беде.

Из избы вылетела Сюзанна. Она села рядом на сосну и следила за пришельцем. Роман Романович тоже слушал и глаз не спускал.

– Вы, доктор, птичками да синичками занимаетесь, да ещё вот сороками, – показал он на Сюзанну. – А я кобылы, кормилицы своей лишился. Семья у меня большая. Кормить надо. Что я могу без лошади... Это Вам доктор, не «Анкл Бэнс».

– Да, – улыбнулся доктор. – Это действительно не «Анкл Бэнс», если лошадь исчезла.

– При каких же обстоятельствах она пропала?

– При каких? Она просто ушла на Дьявольские болота и всё – больше её не видел.

– Так что же она, возможно, и утонула на этих болотах?

– Почём мне знать. Туда же никто ни ногой не ходит. Боятся все их. Я тоже вокруг да около походил – и назад. Семья ж у меня. Страшно! Как они без меня? – Крестьянин опустил голову. Он очень переживал, что

потерялась его кобыла. – Потом мне люди добрые говорят – иди, мол, к нашему Шурику Холмовскому, кто-кто, а он-то найдёт кобылу твою. – Крестьянин спросил: «Стало быть кличут Вас Александр, а как по батюшке?»

– Нет, сударь, – расхохотался доктор Филипп, – я не Шерлок Холмс, о котором Вы говорите, зовут меня доктор Филипп Экобаев, а проще – доктор Филипп. А вот друзья мои и помощники. Это – Роман Романович, а это Сюзанна. Теперь, пожалуйста, всё по порядку, сударь, – я внимательно слушаю.

– Всё просто, доктор Филипп, кобыла взяла да убрела на болота. А там, на болотах-то дела жуткие, ночами особенно, творятся. Не «Анкл Бэнс» Вам, как говорят англичане. Волосы встают дыбом! Понятно, боюсь ходить туда. Вот и пришёл к Вам.

– Сударь, а что же это за Дьявольские болота? Расскажите, чем они такие ужасные.

– Это рядом, доктор. Там и лес, и камыши, и озёра, и топи. Не пройти. Но самое страшное – ночью.

– Так что же там происходит? – спросил доктор и достал свою полевую книжку, чтобы записать показания.

– О! Там жуткие вещи происходят: леший в барашка притворится, носится над болотом в темноте, а сам, эдак, нежно блеет. Другой раз подумаешь: правда барашек чего-то плачет. А потом сам себя и спрашиваешь: какой же барашек в небе ночью летает? Над головой кружит и жалобно кого-то зовёт.

– Страшноваато, – тихо проскулил Роман Романович и поджал под себя хвост.

– А ещё, доктор, – рассказывал крестьянин, – слышишь вдруг – бык мычит, да так громко, за пять вёрст слышно. Тут уже не только волосы дыбом, кровь в жилах стынет. А он «ум», да «ум». Страх господний! Крестьянин перекрестился: «Свят, свят!» Нет, это не «Анкл Бэнс», доктор. Пострашнее. Слушаешь и, кажется – все черти на болоте оседлали быка и душат.

От страха крестьянин ещё раз перекрестился.

– Страшно, конечно, и забавно, – сказал доктор, – продолжайте, сударь.

– А то вдруг, – продолжал перепуганный насмерть крестьянин, – телега по болоту едет. И слышишь: «тррэк-тррэк», скрипят колёса. Да разве может быть такое. Там пройти невозможно, утонешь! А тут телега по кочкам. Ужас! – Крестьянин снова перекрестился. – Ну, кто же на ней катается? Черти да русалки и нечисть всякая, кто же ещё? А то вдруг, – говорил он, – помилуй меня Господи! – крестится крестьянин, – кто-то кого-то бичом по спине хлещет. Хлещет так, что свист далеко слышен.

Издевается нечисть над грешником. Упаси меня Боже! – снова и снова крестится он.

– А ещё, как только наступит полночь, сон всех морит, а там, на болотах, хохочут и гогочут над чем-то лешие. Веселье ночами устраивают. А ещё брань и смех дикий в полночь. Ни за какие деньги не пойдёт туда нормальный человек. А пойдёт – умрёт со страху. Может, его насмерть черти кнутами забивают, а потом гогочут да веселятся. Упаси нас, Господи, – и крестьянин снова крестился и говорил, – вот так, доктор, это не «Анкл Бэнс», как говорят англичане. Страх ужасный да и только.

– Интересно! Очень интересно, – говорил доктор и всё что-то записывал в полевую книжку. – Продолжайте, продолжайте, сударь. Мы с интересом слушаем.

– Доктор, мне почему-то страшно! – тихонько прострекотала Сюзанна. – Я болот этих боюсь. Там нас схватят и будут мучить.

– Сюзанна, не паникуйте. Давайте лучше послушаем сударя.

– Продолжайте, – обратился доктор к крестьянину...

– Так вот, – заговорил перепуганный собственным рассказом крестьянин, – там не только смех ночами стоит, но и кто-то спрашивает кого-то: «Ко-го? Ко-го?» или: «А? А?» – Глухой кого-то гнусаво переспрашивает. А потом вдруг дружно все на разные голоса хохочут. Хохот у них ужасный: угроза и зло в нём слышны. Вот так каждую ночь беснуется там нечистая сила. Кто же пойдёт? Мужики все боятся. Боюсь и я. Семья у меня. А кобылу-то жалко, – крестьянин что-то прошептал и перекрестился, – я говорю Вам, это Вам не «Анкл Бэнс», как говорят англичане.

– Ну а днём, сударь, Вы видели кого-нибудь там?

– Днём-то, чего? Нечисть прячется. С огнём её не сыщешь. Днём там всё спокойно. Камыши, осоки, птички поют, облака на болотах отражаются, – крестьянин замолчал и перекрестился. – Вот Вам и «Анкл Бэнс», как говорят англичане.

– Послушайте, сударь, что вы, как попугай все об англичанах, про «Анкл Бэнс» мне тут. Что в Англии были, что ли?

– Да, нет, какой Англия нам: сосед моего зятя в городе, тот вот ездил в «Анкл Бэнс», кажется, город такой есть в Англии.

– Не знаю, не знаю, – хитровато улыбнулся доктор, – может и есть. Да Бог с ним.

– Теперь скажите мне, сударь, – сказал доктор, пообещав крестьянину в этот же день заняться Дьявольскими болотами, – мои друзья и я обязательно постараемся узнать, кто поселился на тех болотах, надеюсь, поможем найти вашу лошадку. Если, конечно, она не увязла в топях.

Ещё не скрылось за горизонтом солнце, ещё полчища комаров прятались под жёсткими листьями сплошных камышей, а доктор и его друзья были у Дьявольских болот.

– Сюзанна, будьте добры, осмотритесь, на сколько это возможно, вдруг увидите что-нибудь интересное. Не задерживайтесь долго, день кончается, и будьте осторожны. А Вы, Роман Романович, – сказал он напарнику, – пока я разжигая костёр, пройдитесь вдоль берега, может, повезёт, и Вы что-нибудь найдёте.

Жарко пылал костёр, а когда стало смеркаться, появился Роман Романович.

– Доктор! Я нашёл свежий след лошади. Она где-то недалеко. Жива, – сказал он.

Появилась и Сюзанна:

– Доктор, – зашебетала она, – я видела её.

– Какие Вы молодцы! – обрадовался доктор Филипп. – Что я делал бы без Вас? Если лошадь живая и здоровая, значит, полдела мы уже сделали. Весть эта обрадует бедного крестьянина. С нечистой силой мы после разберёмся.

И вдруг, когда ещё не успел доктор договорить, в помутневшем от наступающих сумерек небе заблел барашек.

Шерсть на загривке у пса поднялась. А Сюзанна на всякий случай села поближе к доктору. Барашек носился над ними. Он взмывал к самым звёздам и стремительно падал, жалобно бляя. Кто-то вдруг страшно заухал. Да так, что земля сотрясалась. «Ух-ух-ух...» – выдыхал невидимый гигант. Потом засвистел, взрывая воздух, безжалостный кнут. Страшно представить было, с какой силой он опускался на чью-то истерзанную спину. Роман Романович от страха тоже прижался к доктору.

Жестокий погонщик нагнал ужас и на Сюзанну. Вдруг совсем неожиданно раздался грубый окрик, и заскрежетала на болотах телега.

Странно было, что доктор при свете костра, слушая голоса на Дьявольских болотах, улыбался и торопливо записывал что-то в полевой дневник. Из темноты слышались жуткие окрики, смех, угрозы и ещё разные страшные голоса и даже людские слова. После неразборчивых разговоров и криков внезапно кто-то истерически расхохотался. Всё было похоже на то, что кто-то кому-то рассказал очень смешную историю или анекдот и тот, кто слушал, теперь дико хохотал.

Смеялись на болотах так громко, что Роману Романовичу показалось – смеются не лешие, а люди. Он вскочил, потянул носом воздух, но ничего, кроме сырости ночной, не почувствовал.

– Друзья мои, нам здесь нечего бояться, и нам пора отдыхать, – доктор слушал голоса и чему-то тайно улыбался. А с болот по-прежнему неслись жуткие крики, скрип, вздохи и смех.

Утром, когда солнце окрасило макушки кустов и камышей, доктор обратился к Сюзанне:

– Сюзанна, будьте любезны, осмотрите сверху эти замечательные болота. Нам нужно получше бы разглядеть этот дьявольский уголок. Всех, кто там живёт.

Когда Сюзанна осматривала болота с высоты своего полёта, с кустов и деревьев на болоте, Роман Романович вместе с доктором дожидался её возвращения.

– Доктор, кто же здесь живёт? Ничего не понятно.

– С превеликим удовольствием отвечу Вам, дорогой Роман Романович. Видите ли, это самые замечательные болота из тех, какие я когда-либо прежде встречал.

От слов доктора Роман Романович оторопел. У него даже поднялось ухо, которое обычно свисало, прикрывая чуть-чуть глаз.

– Здесь никогда не бывает людей. Они боятся болот. Поэтому сохранилось здесь всё в первозданном виде. Они удивительны! Недоступность сохранила их заповедность. Страх перед неизвестностью сохраняет в наше время глухие и благодатные места.

– Доктор! Доктор! – с высоты прострекотала подлетающая Сюзанна. – Лошадь совсем рядом. Она жива и здорова. Никто на ней не ездил. Кнутом её не били. Она на островке!

– Расскажите, Сюзанна, как смотрятся болота с высоты, – спросил доктор подлетевшую Сюзанну.

– Ничего особенного, доктор. Болота как болота, с озерками, камышами, кустами и осоками. Есть островки, на них деревья. Главное, очень много разных птиц. В камышах дикие свиньи, лебеди строят гнёзда, на кочках цапли. Пеликаны охотятся за рыбой.

Сюзанна ещё хотела что-то рассказать, но доктор внезапно сдёрнул с носа очки и забросил их в осоковый кочкарник.

– Так и должно быть! Так я и думал! Вы молодец, Сюзанна! Мы с вами не ошиблись.

Доктор вынул из кармана записную книжку. Роман Романович понял, сейчас доктор встанет на четвереньки и будет искать очки, которые только что собственными руками забросил. Поэтому Роман Романович без труда отыскал их и подал доктору.

– Как всегда Вы, Роман Романович, любезны. Благодарю Вас. А дело вот в чём, – доктор хотел друзьям своим рассказать о таинствах Дьявольских болот, но в это время подошёл крестьянин:

– А я думал, Вас в живых уже нет, – сказал он и перекрестился, – страх-то какой!

– Сударь! Лошадка жива и здорова. Она здесь рядом, на островке. Можете забрать её. А все эти дьяволы, которые ночами разговаривают, смеются и прочее, оказались очень хорошими нашими знакомыми. Они великолепны, я сказал бы даже ещё – и добрейшие. А теперь, сударь, слушайте, я поведаю об этих самых чертях, леших, русалках и прочих жителях Дьявольских болот.

– Доктор Холмский! – сказал крестьянин, – я внимательно слушаю.

– Так вот для начала скажу, что блеющий с небес над болотом – никто иной, как безобидный кулик-бекас. Самое интересное, – добавил доктор, – поёт он не горлом, как все птицы, а хвостом.

– Он и есть сущий дьявол, коль хвостом гудит, – забеспокоился и стал креститься крестьянин.

– Свят! Свят! А тот, который бык или бугай ревет в болотах? – говорил, испуганно он, глядя на доктора.

– Бугай Ваш, сударь, – отвечал доктор, – есть известная также всем выпь болотная. Сказывают, каждый раз, как ухнуть, клюв в воду погружает: «Умб-умб-умб» – получается, за километры слышно. Такое предположение высказывается и в моей книге, – доктор постучал ногтем по кованому сундучку, где лежала тёмно-зелёная «Болотная энциклопедия».

– Батюшки! Чудеса сплошные! – перекрестился крестьянин. – Кто бы подумать мог? Вот это чудеса! Это Вам и «Анкл Бэнс».

– Доктор, – снова крестьянин спрашивает, – а тот бесёнок, который бегаёт по болоту, понужает кого-то да бичом свистит. Он тоже не бестия какая-нибудь?

– Конечно, сударь, – всего на всего – это небольшая болотная птица – пастушок! Это он, безобидный, бегаёт и свистит на все болота, но не бичом, как кажется, а всего на всего горлом. И никому вреда от него.

Крестьянин весь во внимании и крестится:

– Свят! Свят!

– Доктор Холмский, то есть Филипп, – снова он вопрос доктору задаёт, – ну а кто непристойными мужицкими голосами бранится?

– Гуси, уважаемый, сударь, только гуси! Обыкновенные, серые, лапки которых вы обожаете в праздничное застолье. Так велик Ваш страх, что и голоса гусей не узнаете, сударь.

– А кто акает всю ночь, будто переспрашивает?

– Это атайки или огари. Утки красные.

– Доктор, – не перестаёт креститься крестьянин, – а кто же тогда хохочет ночь всю, дико и ужасно хохочет? Мороз по коже? – на всякий случай крестьянин осенил себя крестом: «Свят! Свят!» – Я их сам видел. Кикиморы они со страшными рожами, тело у них в чешуе.

– Сударь мой! – воскликнул доктор. – Кто же это так запугал Вас, завидно даже, всё чертей да кикимор видите. Эта самая кикимора, ночами которая хохочет, называется чайкой. Не просто чайкой, а серебристой. Серебристая чайка. Красиво, не правда ли?

– Ну, надо же! – изумляется крестьянин. – И правда, не «Анкл-Бэнс», а чудеса. Красиво, доктор, – соглашается крестьянин, – но не может же благая птица мужиков окрест пугать. Кикимора это! Свят! Свят! – перекрестил себя снова перепуганный крестьянин.

– Уважаемый, – сказал доктор, – только за то, что она хохочет, её называют ещё хохотуньей. Слышали? Хохотунья!

– А ведь, правда, слышал, есть такие. Винюсь, доктор Холмский. А скажи мне, человеку тёмному, кто же дико хохочет и гогочет. Не только летом, но и зиму всю гогочут. Это уж точно не птицы.

– Белые куропатки! Безобиднейшие создания!

– Доктор! – спрашивает совсем растерявшийся крестьянин, – а кто, тогда ножи точит, на телегах скрипит, вздыхает, охает? Неужто и это тоже птицы какие-то?

– Именно, уважаемый сударь. И это птицы – коростели, лысухи, камышёвки дроздовидные и ещё многие другие. Все они живут на прекрасных болотах, которые Вы так неуклюже назвали Дьявольские.

Всё что мы слышали – замечательные песни любви союза пернатых, избравших эти болота. Всё просто здесь. Поэтому жива и здорова Ваша лошадка. Идите, сударь, и забирайте её. Она Вас ждёт.

– Что ж, уважаемый доктор Холмский, получается – здесь и нет никого из тех, – и крестьянин уже не стал называть чертей и кикимор, но по привычке перекрестился.

– Ничего такого нет, – улыбаясь, сказал доктор. – Правильно я говорю, друзья? – обратился он к Роману Романовичу и Сюзанне.

– Абсолютно! – подтвердили они в один голос.

– Друзья мои! – воскликнул доктор, – у меня есть идея. Таких болот, где бы водилось столько дичи, птиц, трудно в наше время где-либо сыскать. Всюду природа оказалась разграбленной человеком. В такое трудное время живём. И только то, что ещё пугает людей, заставило их опасаться, да ещё и называть болота Дьявольскими. Поэтому предлагаю, чтобы сохранить весь этот болотный рай с его чудесами, здесь нужно создать заповедник, который, мы, пожалуй, так и назовём –

«Дьявольские болота»! Представляете, друзья мои, заповедник «Дьявольские болота»! Как музыка звучит. Завтра же я и мои друзья начнём работать над тем, чтобы здесь был уникальный заповедник для всех птиц и зверей, которые живут на этих болотах. А теперь пора домой. Нас ждут дела!

– Доктор, спасибо! Дай, Бог, Вам здоровья. Благодарствуем за лошадь, – поклонился низко доктору крестьянин и подумал: «Да, да, доктор Холмский и его компания – великие люди, не «Анкл Бэнс» вам какой-то».

Таинственная или чудесная волшебница

Каждое происшествие, которое случалось в природе, доктор Филипп называл для себя очередным романом. Да, он был большим романтиком и поэтому ещё в школе не любил математику. Не любил с детства цифры и считал, что именно они – цифры делают жизнь скучной. Поэтому в полевой книжке он не ставил номеров начатого дела, как, например, – «Дело №8» или «Дело №38». Эту очень небольшую и не очень важную историю доктор назвал совсем просто – «Загадочная личность».

Началась эта маленькая история с того, что однажды на досуге доктор просматривал «Лесную энциклопедию» – самую зелёную из всех его книг. Самую большую и толстую книгу из книг, которые он носил в своём кованом сундучке. Листая ее, он наткнулся на букву «С». С неё начинались многие слова, среди которых было немало названий животных и растений. Между прочим, слово «Сказка», известное каждому из нас с детства, тоже начитается с этой замечательной буквы. Внимание доктора остановилось на слове – «сплюшка». Оказывается, так называлась маленькая, серая совка. Доктор обратил внимание и на то, что как-то, по-особенному тепло и мягко, звучит название её: сплюшка – спать, постель, одеяло, подушка...

Доктор много ещё перебрал в уме разных, похожих слов, предполагающих уют и уединение. Он и прежде читал, что живёт эта одна из самых мелких наших сов в рощах, лесах, охотно также поселяется в садах. Теперь он с интересом рассматривал ее – крошечную, «рогатую» с жёлтыми глазами, в сером пальтишке и сереньких «чулочках». А вот живую – никогда не видел. Вспомнил доктор Филипп, что сплюшка по-казахски называется – маубас шапылак. Узбеки зовут её – баюла, на Украине – зорька, и много ещё названий у разных народов есть у замечательной птицы.

Она настолько мала, что если её взять в руку, из неё торчат только головка с выпученными глазами и щёлкающим клювом и лапки когтистые. Хвост – короткий, кажется, его вовсе нет. Вот такая она – сплюшка. Обо всём этом доктор читал, а живой не видел. Обидно даже было, что такой знаток и путешественник и никогда не видел замечательной птицы. Станным доктору казалось и то, что кто-нибудь рассказывал о совке, ласково, с любовью. А если доктор спрашивал:

– А Вы видели её? – оказывается, никто и не видел. Вот какая загадочная личность!

– Друзья мои, – сказал доктор, отложив энциклопедию со страницами на букву «С», – появилось у меня большое желание – отыскать в наших лесах совку-сплюшку. Хочу увидеть её хоть раз в жизни своими глазами. Знаю, нелёгкое это дело, потому и хочу воспользоваться вашей помощью...

– Доктор, зачем она Вам? Мало ли на свете птиц разных? – спросил Роман Романович.

– Вы правы, Роман Романович. Здесь особый случай. В детстве ещё от одного чабана в бескрайних степях Казахстана услышал я легенду об этой самой сплюшке.

– Я тоже люблю слушать сказки, – обрадовалась Сюзанна.

– В данном случае, уважаемая, это легенда. Старинная легенда!

– Расскажите, доктор! Расскажите... – попросили Роман Романович и Сюзанна.

– Давным-давно, – начал доктор, – царица Повелителя небес, попросила его построить в её честь храм. И храм должен быть необычным – из костей всех живущих на белом свете птиц. Тех, что живут в азиатских пустынях, в Африканских джунглях, по берегам рек и морей, на Севере и Юге, в океанах и на озёрах. Царь выслушал её и согласился. Он разослал по земле всех своих подданных. Они же ловили и убивали самых разных птиц, чтобы собрать их косточки. В конце концов, собрали косточки всех птиц мира и стали строить храм. И храм был почти закончен, но вдруг узнали, что не хватает только одной, маленькой косточки. И нужна была, как раз, косточка этой крошечной совки-сплюшки. Какой храм, если, пусть одной, но не достаёт косточки? И вновь по лесам, горам отправились искать совку его посланники. Но сплюшка умела так хорошо маскироваться, что, сидя на дереве, она становилась совершенно незаметной, как невидимка. Так искусно она умела маскироваться. Много раз слуги Повелителя небес проходили совсем рядом, но так и не нашли её. А как только наступала ночь, слуги Повелителя слышали её, знали, что живёт рядом, а найти её никак не удавалось. И каждый раз, как только наступало утро, они вновь

начинали поиск. Но все было напрасно! И тогда капризная царица сказала: «Если в храме не хватает одной косточки, это не храм», – и попросила развалить его.

Вот так из-за одной маленькой совки сам Повелитель небес не смог построить для любимой царицы храм. Надеюсь, вам понятно теперь, как её трудно отыскать и понятно, как мне хочется увидеть эту таинственную совку-сплюшку.

– Доктор, если самому Повелителю небес не удалось обнаружить её, то мы-то как? – пробурчал Роман Романович.

– В том-то и дело, друзья мои, мы – знаменитые сыщики и следопыты. У нас есть прекрасные всевидящие глаза – у почтенной Сюзанны и вездесущий нос – у Вас, Роман Романович. И ещё кое-что, что касается моего участия...

– Так чего мы ждём? – сказала Сюзанна. – Предлагаю сейчас же отправиться на поиски этой таинственной сплюшки.

– Мне, признаться, тоже хотелось бы хоть одним глазом увидеть её и понюхать, как она пахнет? – сказал мечтательно Роман Романович. – Наверное, она маленькая очень, как бабочка, поэтому её трудно заметить – предположил он.

– Может, ещё меньше – с маленького жучка. Поэтому и не найти так просто, – высказалась Сюзанна.

– В том интерес, что в «Лесной энциклопедии» написано, – она размером со скворца. Но серенькая и незаметная совершенно, когда сидит, затаившись на дереве.

– Да мы найдём её без труда! – уверенно заявил Роман Романович.

– Я найду её до того, как поднимется солнце, – уверенно сказала Сюзанна.

– Друзья мои, быть уверенным в делах – хорошо, но самоуверенным всюду, – совершенно другое и не лучшее в этой жизни.

На следующий день, пораньше, доктор и его друзья были уже далеко от дома. И когда поднялось солнце, палатка их стояла среди тополей, на берегу тихой реки.

– В этой роще мы и будем её искать, – сказал доктор, – они и живут в этих местах, как об этом написано в нашей энциклопедии.

Все вместе они обследовали тополиную рощу, вытянувшуюся на километры вдоль тихих берегов. Доктор в дневнике вычертил примерные контуры местности, чтобы лучше потом ориентироваться. Он хорошо осознавал – задача их очень непростая. И одно дело иметь желание найти её, – другое – как это сделать? Искать такую птицу, среди леса, что иголку в стогу. Однако следопыты не теряли надежды и стали дожидаться. Уже вечером, как только опустились сумерки, в небе зажглись первые звёзды, далеко-далеко, среди спящих тополей

послышался одинокий, печальный голосок: «Сплю-сплю-ю-ю, сплю-ю-ю...»

– Ура! Мы нашли её! – сказал Роман Романович.

– Мечта наша завтра..., – затараторила Сюзанна, но доктор быстро остановил их:

– Не спешите, уважаемые, совка – волшебница, а с волшебниками трудно справиться, если они чего-то не хотят. Слышите – уже в другой стороне рощи «спать хочет» наша таинственная героиня. Нам, друзья мои, нужно засесть места, откуда она кричит.

Доктор не успел отметить в своем дневнике место, где она только что прокричала, как голос её слышался уже совсем с другой стороны.

– Получается, их здесь две, – обрадовался Роман Романович.

Но в это время «сплю-сплю...» звучало совсем в другом месте. До полуночи доктор и его друзья слушали голоса, которые звучали с самых разных сторон, то совсем близко, над головой, то где-то очень-очень далеко, будто в самом мрачном и тёмном углу. Уже в полночь, когда всё погрузилось в сон, затихли соловьи и кукушки, мир казалось, погрузился в гипнотический сон. И только неугомонные совки, как волшебники, летали совершенно бесшумно и заявляли о себе голосами с разных сторон. Казалось, все они жаловались, что спят или очень хотят спать в эту чудную майскую ночь. Сами же напролёт до угасания утренней зорьки охотились, не смыкая глаз.

– Послушайте их, какие обманщицы! – с теплом в голосе говорил доктор Филипп. – Теперь мы знаем – они здесь есть, и, надеюсь, без особого труда разыщем их. Полагаюсь, Роман Романович, на Ваши сверхчувствительные нос и слух, на зоркость и внимательность Сюзанны.

– Доктор, – сказал вдруг виновато Роман Романович, – я не знаю запаха сплюшки. Как её искать? Тем более, как мы знаем, прячется она на деревьях. Лазать по деревьям и летать – вовсе не умею.

– Доктор, мне тоже трудно найти их, – прострекотала Сюзанна – если они гнездятся в дуплах. Мне страшно в них заглядывать, и тем более, когда в них прячутся совы.

– Доктор, а если поговорить с ними. Вы же умеете, – предложил Роман Романович, – вот и позовите.

– Дорогой, Роман Романович, если их, согласно легенде, не могли отыскать посланцы самого Повелителя небес, разве эта таинственная личность, нелюдимая, уверенная в совершенстве своей маскировки – быть рядом и не показываться на глаза, – откликнется на призыв человека? Конечно, нет! Это и затрудняет встречи с ними. Иначе не складывали б о них легенды. Они во всем таинственны и неподкупны. Поэтому, друзья мои, я и назвал эту операцию «Таинственная личность». Само слово личность обязывает ко многому. Это –

особенность, уникальность и совершенство. Сплюшка сумела обвести даже слуг Повелителя небес. Ещё кто? Никто! – поднял палец доктор и добавил, – вот это и есть личность.

Много говорил разного и интересного доктор об этой мало кому известной, но удивительной совке. Утром же Роман Романович и Сюзанна ждали с нетерпением обычной, рабочей фразы: «Ну что, друзья мои, вперёд! Нас ждут!». И, конечно, когда доктор произнёс первые слова: «Ну, что друзья мои...», то и договорить он не успел, как Роман Романович нырнул в заросли, а Сюзанна взвилась над рощей и полетела. Все искали свою сплюшку.

– Мне, пожалуй, будет очень трудно, – рассуждал Роман Романович, – мой нос и глаза не знают, что такое сплюшка. Знаю лишь – живёт где-то на деревьях и всё, да ещё слышал голос её.

– Я найду её обязательно. Ни одна козявка от меня не спрячется, – так думала, перепархивая с дерева на дерево и оглядывая ветки и сучья, Сюзанна.

– Мне б, старому, дома сидеть, упрекал шутливо себя доктор Филипп. А я – мечтатель, ребёнок старый, сплюшку в лесу надумал искать... От головы моей горячей – ногам покоя никакого...

Тем временем Сюзанна заметила около небольшого дупла в старом тополе – белое пятнышко.

– Может, она в дупле живёт? – мелькнула мысль у Сюзанны: заглянула – никого, темно... Она внимательно осмотрела всё вокруг дерева с дуплом и обратила лишь внимание на выпуклый кусок серой коры. Ей даже показалось, что эта выпуклость поворачивается в ее сторону. Откуда же Сюзанне знать было, что совки как раз и маскируются тонко и искусно, чтобы быть абсолютно похожими на кусок старой коры, какая есть всюду – на каждом стволе. Про себя же решила: «Сплюшки не такие. Они походят на куски отставшей коры, придавая особое значение слову – «отставшей». С удвоенным желанием она осматривала все подряд деревья в тополиной роще.

Вскоре тут же появился Роман Романович. Обнюхав привычно дерево, он уловил чуть удушливый запах совиного пера. И, едва уловимый, такой же запах исходил от самого дерева. Он задрал нос и понял, что кто-то здесь живёт. Оглядев и ещё раз, обнюхав ствол старого тополя, Роман Романович заметил около дупла летучую мышь. Он знал их, но почему-то эта не висела вниз головой, а сидела прямо. Роман Романович подумал: «А вдруг это и есть сплюшка, которую мы ищем?». Но успокоил себя: «Нет, совка другая: у неё жёлтые глаза, и эта мышь на сову не похожа – она без глаз и близко подпустила». И снова, опустив нос к земле, Роман Романович искал таинственную незнакомку.

Но нам-то с вами, уже понятно, что сидела она – совка:– маленькая, серенькая, как шматок коры, с прикрытыми глазами, и очень даже походила на летучую мышь. Но Роману Романовичу откуда знать было, что перед ним она, та сама и есть, которую они так усердно ищут. Однако, как опытный сыщик и следопыт, он на всякий случай прихватил, как вещественное доказательство, одинокое лёгкое пёрышко, застрявшее на ветках около ствола тополя.

Доктор Филипп тоже бродил по роще. Прислушивался – не затарахтят ли где синицы, либо ещё какая-нибудь пичуга, обнаружив спрятавшуюся совку. Он знал: если мелкие пичуги обнаружат сову, то обязательно всем и каждому стараются сообщить и криком, и свистом: что, мол, сидит страшилище, и все знайте – я вижу его... Но сейчас всё было тихо и мирно: пели птицы, жужжали насекомые в цветущих кустах черемух; где-то рядом меж тополей насвистывал соловей. Словом, ничего не говорило о том, что в роще живут пернатые невидимки. И это ещё больший азарт разжигало у доктора: ещё внимательнее присматривался он к каждому дереву и заглядывал в каждое дупло. Но желанных совков не было. И вдруг он тоже заметил светлое пятнышко птичьего помёта около дупла, на высоте его роста. С надеждой заглянул доктор в само дупло, однако, ничего там не разглядел. Оно было глубокое.

И доктор, как опытный следопыт, тут же нарисовал себе картину: если в дупле кто-то живет, то когда-то выходит из него и когда-то возвращается. Он взял тоненькую травинку и пристроил её поперёк входа в дупло. Травинка даже от лёгкого прикосновения падала. Это был хитрый сторожок, который и «расскажет» – жилое или нет дупло. Доктор, пока возился с маленькой хитростью у дупла, не подозревая, что рядом, у самого ствола, прижавшись спиной к шершавой коре тополя, в упор, – за ним следит мечта детства его – известного ученого, теперь самого опытного следопыта на белом свете. Но доктор был слеповат, и очки его тоже не решали всех проблем. А рядом, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, прижавшись, прикипев, словно, к стволу сидела она – совка. Она плотно прикрыла глаза, натопорщила рожки и походила не то на чёртика вырезанного из коры, не то на серый сучок у ствола. И, конечно, доктор не потрогал нароста на дереве и ушёл, как говорится, ни с чем.

Вот так маленькая сплюшка, которую сыщики видели своими глазами, не подозревая, что это и есть та, которую не смогли найти даже слуги Небесного повелителя. Вот такая она – кудесница и таинственная личность?!

Вечером у костра доктор и его коллеги обменялись впечатлениями, рассказали друг другу, что видели. Роман Романович сообщил, что он учуял около дупла, отдав доктору при этом маленькое, серое пёрышко.

Доктор тут же, вооружившись лупой, внимательно осмотрел его. Пёрышко было мягкое, в пушинках сверху, что и делает полёт всех совершенно неслышным в ночной тишине. «Похожими бывают такой же расцветки перья только у козодоя», – прочитал доктор в «Зелёной энциклопедии».

– Роман Романович, Вы, как мне представляется, нашли именно перо нужной нам птицы. Оказывается, Вы были совсем близки от цели. А что, разве самой сплюшки там не было?

– Там сидела только летучая мышь.

– Сидела или висела вниз головой?

– Непонятно, – сказал доктор Филипп, – Вы меня окончательно обнадёжили и сбили с толку. Я пояснял: летучие мыши всегда висят головой вниз. Так что завтра необходимо туда сходить всем нам и перепроверить.

Доктор Филипп сделал запись в полевом дневнике и какие-то пометки, а потом приготовился слушать Сюзанну.

– Я весь во внимании, сударыня! – обратился он.

– Доктор, мне стыдно, но я не нашла эту скрытную птицу. Всех птиц в окрестности прослушала, не проболтается ли кто, что видел совку, но никаких о ней разговоров, будто этих сплюшек здесь никогда и не было.

– Значит, никакой информации на сегодня? – переспросил доктор. – Это даже интересно. Не отчаивайтесь, Сюзанна.

– Но, – добавила Сюзанна, – обратив внимание на ствол дерева, я нашла там пятно помёта какого-то хищника. Однако, рядом ничего, кроме странного нароста на дереве не было...

– Странно как-то Вы, Сюзанна говорите о наросте на коре...

Получается, Вы обратили внимание на него. С какой это стати?

– Доктор, мне показалось, что он следит за мной: он как-то поворачивался ко мне одной стороной.

– Конечно, это интересно, – сказал доктор, – возможно, это не кора была, а сама сплюшка?

– Что Вы, доктор, разве я не способна отличить кусок коры от птицы?

Доктор снова вынул из сундучка большую, зелёную книгу – «Лесную энциклопедию» и на всякий случай ещё раз прочитал вслух, что эта маленькая сова способна маскироваться настолько искусно, что можно перепутать её с куском коры на дереве и никогда не подумать, что это живое существо.

– Сюзанна, – сказал доктор, – я склонен к мысли, что совка всех нас крепко надула. И нам завтра же предстоит разобраться!

Сюзанна была сильно огорчена. Всегда уверенная в себе, она такого поражения ещё не знала.

– Мне показалось интересным, – начал говорить о своих подозрениях доктор, – в том месте, где я нашёл дупло, тоже торчал странный кусок, похожий на древний сучок. А вот тень его вроде бы походила на совку. Получается: тень её видел, а птицы – нет, не видел. Не досадно ли! Вот обманщица какая! Но, главное, мы, считайте, уже близки к цели... Я готов, друзья мои, уже поздравить всех нас с успешной операцией, которую мы завтра же завершим.

На следующее утро, чуть свет, группа криминалистов во главе с доктором вновь отправились на поиски таинственной птицы.

Первой у того места, где совка маскировалась под кору, оказалась, конечно, Сюзанна. И вот чудо: на том месте, где вчера она видела кусок коры, теперь торчал обыкновенный серый сучок. И никакой здесь совки не было. Сюзанна очень была огорчена. На всякий случай, она, что есть силы долбанула сучок, – а вдруг это замаскированная птица?

– Зачем же долбить мертвые сучья? – насмешливо спросил оказавшийся рядом Роман Романович. – Вон похожих сколько! Теперь будешь до старости дубасить их своим клювом?

Сюзанне в этот раз почему-то стало очень стыдно за свой глупый поступок. Она промолчала, не ответив на насмешливое замечание друга. Она осматривала все ближние деревья, но птицы-невидимки на них не оказалось.

Теперь около дупла в старом тополе крутился сам Роман Романович. Ему трудно было разглядеть совку или кого-то на стволе, где вчера сидела летучая мышь, и он на всякий случай от досады принялся громко лаять.

– Тебе не кажется, что своим лаем ты разгонишь не только всех обитателей тополевой рощи, но и деревья разбегутся. Останемся здесь посреди пустыни...

Но Роман Романович уже обнюхивал ствол: был тот же самый запах, только вместо летучей мыши на том же месте таился маленький, лесной чёртик. У него рожки, плоская, крючконосая мордашка. У Романа Романовича под шкурой пробежал легкий холодок, и он поспешил оставить это место. Он всегда боялся нечистой силы. А потом он знал, что черти доктора вовсе не интересуют.

Конечно, здесь же, спустя некоторое время, появился у дупла сам доктор. Он сразу же обратил внимание, что травинка-сторожок сбита. «Значит, тут кто-то живет», – решил он и заглянул в дупло... Вдруг – оттуда, из темноты послышалось шипение. Испугался и отскочил старый следопыт: «Вдруг змея!». И тогда он решил не заглядывать в дупло. «Не проще ли поискать её около?». Не доверяя глазам, он стал обшаривать дерево. И вдруг там, где торчал сучок, появились два

круглых и жёлтых глаза. «Глаза не живут отдельно, насколько я знаю!». Доктор тряхнул головой, протёр очки и снова посмотрел на это место, однако, ни сучка, ни глаз на прежнем месте... И ни шума, ни шороха он не услышал: «Неужели показалось?». Очень разочарованным ушёл наш доктор. Так, ни с чем снова вернулись к палатке наши сыщики.

Вечером доктор разжёл костёр, чтобы приготовить ужин и утолить голод. Вскоре вернулись Роман Романович и Сюзанна и рассказали о своих подозрениях и недоразумениях.

– Да, друзья мои, крепкие загадки нам задаёт это удивительное существо. Сюзанна, Роман Романович, неужели вам в голову не пришло, что сучок, чёртик – одно и то же лицо. Похоже, и та летучая бесшумная тень – тоже она. Это всё она, обманщица! Если б я первым назвал её для науки, то не сплюшкой и ещё, как там её,... а назвал бы – обманщицей.

– Вы знаете, – вдруг весело сказал доктор, – невероятно! Надо же – всех обманула, не сходя с места! Я восхищён!. Ура, сплюшке!

Роман Романович и Сюзанна повеселели тоже. И тоже, по-своему, кричали «Ура!». Только Роман Романович лаял, а Сюзанна стрекотала.

– Теперь, друзья мои, убедились, как ловко она провела нас. Сучок, кора, летучая мышь, тень и всё прочее – это она в разных лицах. Даже Вас, Сюзанна, похоже, впервые так ловко обманули.

– Я не обманулась. Это она меня обманула, бессовестная! – возмущенная прострекотала Сюзанна.

– Я тоже хорош, – старый пень! – поругивал себя доктор. – Нам ничего не остаётся, как ещё одну ночь слушать обманщицу, а завтра все вместе навестим её ещё раз.

На следующее утро они, теперь уже все вместе, отправились к месту встречи. И, понятно, как они были удивлены, узнав, что в разное время приходили к одному и тому же дереву. А совка, наблюдая за ними, каждый раз маскировалась: вытягивалась в тонкий сучок, ставила рожки, и, прищулив глаза, преображалась в кусок коры или странного, игрушечного чёртика. Это была настоящая волшебница.

– Друзья мои, перед нами она! – жарко прошептал доктор. – Мы на пороге моей детской мечты.

На доктора Филиппа, Сюзанну и Романа Романовича смотрела сидящая у дупла сплюшка. Чуть приоткрыв шелки глаз, она возмущенная до предела нарушителями её покоя, теперь шипела и щёлкала клювом. Сказка была на лицо – кусок коры превратился в живую, красоты необыкновенной совку.

– Вот она, моя мечта! – воскликнул доктор. – Я кланяюсь тебе, – чудесная волшебница!

Доктор снял шляпу и склонил тяжелую голову перед существом, так похожим на кусок обыкновенной коры. Затем достал из кармана сюртука полевой дневник и вычеркнул в нём название их операции: «Таинственная личность», заменив на – «Чудесная волшебница». Да это же маленькая королева ночи, дитя луны и таинств мрачных лесов! – Вот так, друзья мои, оказывается – искусство, как и талант – вещь великая, достойная поклонения. Я преклоняюсь перед птицей, обладающей невероятной способностью перевоплощения.

Мы оказались сильнее слуг Небесного повелителя.

Смерть на шипах

В своём дворе, под высокой сосной, доктор любил отдыхать и работать в плетёном кресле. Отдыхая, между делом он просматривал прессу. Пролистав «Лесную газету», он взял другую – «Под солнцем пустыни». Доктор очень любил эту газету: в ней были статьи, рассказы о самых удивительных событиях, связанных с жизнью растений, о ядовитых змеях, быстрых ящерицах и о приспособленных хорошо к жизни под палящим солнцем насекомых и птицах пустынь. Более интересной доктору показалась в этот раз заметка о мокрицах. Он знал, что это ракообразное существо, избирающее сырые места и вдруг – в знойной пустыне! Взгляд его остановился на страшном и интригующем названии: «Смерть на шипах». Для верности представления о происходящем, он вооружился лупой и внимательно ещё раз прочитал: «...почти каждый день около родника у одинокой сосны, где раскинулась известная Чёрная роща, в колючих пустынных кустарниках появляются насаженные на шипы, умирающие в смертных судорогах птенцы. Они корчились и сохли на колючках под не менее беспощадным солнцем. Это были птенцы серых славков, жаворонков. «В этот раз, – писал автор, – я обнаружил какую-то пустынную мышку, одну жужелицу и скарабея. Разбойник и садист продолжает свои деяния, и в Чёрной роще стоит уже мёртвая тишина...»

Дальше доктор читать не стал. Он вскочил с кресла, швырнул в сторону газету. Как можно спокойно, отдыхать, когда последняя фраза, напечатанная крупными буквами, кричала со страницы газеты:

«ПОМОГИТЕ КТО-НИБУДЬ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЖЕСТОКОГО УБИЙЦЫ!»

В этом призыве ему слышалась боль и все ужасы маленьких жертв неизвестного убийцы и садиста, который живёт где-то в Чёрной роще. Конечно, доктор очень расстроился. Он не любил насилие и всегда заступался за слабых, особенно за тех, которых некому было защитить. Нет, он был не просто расстроен, он был возмущён и даже, что с ним случалось редко, – разозлён. В эти минуты он становился ужасным: принимался, во-первых, быстро ходить. И если не помогало, доктор то снимал, то надевал шляпу. Но если гнев его нарастал, он доходил до крайностей: часто без причины вытирал платком лицо, а в диком уже гневном останавливался, поднимал глаза в небо, и, найдя там какое-нибудь облако, пристально и долго смотрел на него, словно хотел загипнотизировать. Вот и сейчас он стоял и искал на небе хоть какую-нибудь маленькую тучку, но, как назло, небо было абсолютно чистое, и доктор вынужден был остановить взгляд на вершине сосны, что росла у него во дворе. Вот так доктор был возмущён происходящим в пустыне. Он снял очки, но тут же надел их, стал искать что-то по многочисленным карманам сюртука, ходил, вытирал платком лицо...

– Что с Вами, доктор? – подошёл наблюдавший всё это время Роман Романович. Как близкий друг он знал, что это означает, но Роман Романович счёл нужным как-то отвлечь своего любимого доктора.

– Будьте любезны, Роман Романович, – сказал дрожащим голосом доктор, – позовите Сюзанну.

– Друзья мои, – начал доктор, продолжая ходить и нервно шарить в собственных карманах, – друзья мои, сейчас в газете «Под солнцем пустыни» прочитал я ужасную вещь: какой-то разбойник каждый день вытаскивает из гнёзд голых птенцов, ловит других животных и накалывает их на шипы пустынных растений... Безобидные младенцы долгие часы испытывают адские муки и погибают от боли и солнца.

– Какой ууу-ррр-жас, – проворчал Роман Романович, и сам не заметил, как шерсть на загривке его поднялась, и он показал клыки, – я бы его собственными клыками разорвал, – ворчал он злобно.

Роман Романович тоже очень не любил, когда обижают слабых и всегда готов был встать на их сторону.

– А я, а я..., – затараторила Сюзанна, – вот этим своим острым клювом этому разбойнику прямо в глаз клюну, чтобы знал он!

– Друзья мои, я понимаю вас. Справедливо возмущаетесь и, конечно, мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы узнать, кто же так поступает, и

попробуем наказать этого террориста. Поэтому мы должны немедленно собраться и отправиться в путь.

Так они и сделали. Все быстро собрались: Три дня ехали поездом, а потом на машине, и в конце пути, на пустынном полустанке наняли старого караван-баши, который со своим одногорбом верблюдом, помог добраться до Чёрной рощи.

Так как доктор хорошо знал туркменский язык, на нём он и стал расспрашивать старого караванщика о том, видел ли тот когда-либо, чтобы на колючках кто-то убивал животных?

– Да, ответил старый караванщик, – у нас все знают – есть шайтан в пустыне, который так делает.

– Как выглядит этот шайтан? – спросил доктор.

– Он потому и шайтан, что никто не видел его. Аксакалы говорили, что шайтан, как тень: ходит неслышно, куда захочет всюду пролезет – в любую пещеру, юрту, под брюхо спящего верблюда, только чтобы спрятаться от солнца. Живёт там, где в пустыне есть вода. Поэтому увидеть его невозможно. А как только наступает ночь, он гуляет, где ему вздумается, и дела плохие творит. Обижает только слабых, небольших животных, крупных и человека не трогает.

– Спасибо, почтенный аксакал караван-баши. Мы останемся здесь. Вас ждем ровно через неделю.

Среднеазиатская пустыня была великим следопытам уже неплохо знакома.

– Теперь, друзья мои, нужно найти высокую и одинокую сосну. Сюзанна, у Вас прекрасное зрение, поищите ее, пожалуйста.

Коллеги осмотрелись: вдали бугрились голубые барханы, светлели озёра и даже видны были белокаменные города.

– Посмотрите, как здесь чудесно! Пустыня – вовсе не пустыня! – громко пролаял Роман Романович.

– Я сейчас же слетаю и посмотрю, – радостно сказала Сюзанна и собралась, было, лететь. Но доктор Филипп остановил её.

– Не нужно пока этого делать, Сюзанна. Это всего лишь призраки озёр и городов – обман. Пустыня развлекается. Она любит подобные игры. Эти, казалось бы, невинные проказы её называют миражами. Обман зрения.

– Но, доктор, я хорошо вижу озёрки и постройки и даже рощи целые.

Доктор рассмеялся:

– «В том и всё дело! Вас, уважаемая, обманывают не только эти пески, но и глаза. Но чтобы Вы не сомневались – у Вас крылья, и прогулка займёт не больше десяти минут. Слетайте, убедитесь и нам расскажете...

Сюзанна с радостью взвилась и легко полетела в сторону ближнего светлого озера.

– По дороге посмотрите, где там одинокая сосна и под ней родник! – крикнул ей в след доктор.

Роман Романович сидел несколько смущённый. Ему очень странно было слушать про шутки пустыни, про миражи, если он своими глазами видит ближнее озеро. Потом он посмотрел вверх и увидел белое облако:

– Доктор, облако тоже мираж?

– Нет, уважаемый, это действительно облако. Вы не обманулись.

Роман Романович сидел и ждал Сюзанну: смотрел на озеро, на облако. И вот он заметил, как облако на глазах уменьшается, и через некоторое время его не стало.

– Доктор! Оно исчезло! Значит, это тоже мираж!

– Нет, Роман Романович, облако действительно исчезло. Здесь очень жарко. Воздух сухой, оно испарилось. Вы правы – оно исчезло. А вот то озеро, что среди песков, посмотрите внимательно – оно перемещается.

– И, правда, – смущённо согласился Роман Романович.

В это время сверху опустилась Сюзанна. Клюв её был широко раскрыт от зноя. Доктор Филипп тут же извлёк из рюкзака фляжку с водой и дал ей напиться.

– Что скажете, уважаемая? – спросил он.

– Доктор, Вы правы. Там ничего, только пески и колючие кусты. Всё пусто: ни озёр, ни домов, ни садов, ничего нет до самого неба.

– Ничего страшного, уважаемая! Так и должно было быть. Об этом очень хорошо написано вот в этой жёлтой книге «Пустынной энциклопедии».

– Доктор, – сказала Сюзанна, – а дерево и родничок я нашла.

– Вот это прекрасно! Значит, мы на верном пути, и удача, может быть, нам улыбнется.

Сюзанна показала, в какой стороне стоит у родника сосна. А это значило, там живёт неизвестный разбойник, который надевает живыми на колючки птенцов, ящериц и жуков и селится только там, где есть вода. – Что ж, друзья мои, в путь. Надеюсь, к вечеру мы будем на месте.

Они дружно отправились туда, где стояла одинокая сосна. Время от времени доктор останавливался, вытирал пот, садился и «выливал» горячий песок из ботинок. Роман Романович, высунув язык,

тяжело дышал. Было очень жарко в тёплой шубе, но он упрямо, ни на что не жалуясь, шёл к цели, чтобы помочь изобличить жестокого разбойника. Решительность придавала ему силы. Сюзанне было проще: перепархивая с бархана на бархан, она показывала направление, куда идти. Трудно ли плохо, но, наконец-то, они дошли до одинокой сосны, до родничка.

Отсюда они видели у сухого русла реки Чёрную рощу. Доктор поставил свой сундучок, рюкзак с провизией и опустился на землю, всё ещё расстроенный и возмущенный преступлениями, которые здесь творились.

Разбили палатку, и сразу же доктор и его друзья приступили к операции под кодовым названием: «Смерть на шипах».

Это было то самое место. Знойные пески, раскалённое добела солнце, редкие заросли саксаульника, которую называли Чёрной рощей. Над руслом пересохшей реки – деревья, опустив ветви, словно дремали в недвижимом, раскаленном воздухе.

Прошёл день. За ночь следопыты хорошо отдохнули, а утром доктор достал походную географическую карту, внимательно изучил её и вышел осмотреться ещё раз на высокий бархан. Потом он сказал своим коллегам:

– Итак, друзья мои, мы на месте. Всё, как написано в газете. Рядом, как видите, роща Чёрного саксаула.

– Мне кажется – это самые мрачные леса на земле? – высказал свои предположения Роман Романович.

– Что Вы, напротив! – самые светлые в мире леса – саксауловые. Они без тени почти. Вместо листьев у них – «иголки». Злое солнце здесь ежечасно и беспощадно выкачивает каждую каплю влаги из каждого

листика. Поэтому у саксаула удивительный корень: толстый, длинный и глубоко уходит в песок в поисках влаги.

Доктор рассказывал и видел, как трудно понимают его друзья. Но он очень старался. И они понимали.

– Теперь мне стало понятно, почему саксаул такой лёгкий, – сказала Сюзанна.

– Да что Вы? – возразил доктор. – Кто Вам сказал, что он лёгкий?

– Я летала-летала над пустыней и когда устала, опустилась на него, и мне так легко стало сидеть на нём. Поэтому и лёгкий, – пояснила она...

– Вы неисправимы, Сюзанна. Поэтому – прошу, ведите нас в саксаульники, если уже там побывали. Но прежде скажу – у саксаула очень тяжёлая, как камень древесина, пожалуй, только со свинцом сравнить можно. Он также сразу тонет в воде.

– Доктор, не нужно о воде говорить, страшно хочется пить, – пожаловался Роман Романович. Они снова шли в направлении роши. Сюзанна перелетала с бархана на бархан, а доктор Филипп и Роман Романович, с трудом вытаскивая из песка ноги, шли, теряя силы с каждым шагом.

– Сюзанна, – вдруг спросил Роман Романович, – правда, в роше деревья чёрные и роша потому чёрная?

– Ничего такого не заметила я, – и постаралась поскорее убраться, чтобы больше не слушать вопросы Романа Романовича. Ей, оказывается, тоже было жарко и тяжело.

– Охотно поясню, друг мой, – сказал доктор, – чёрным саксаул называется, можно сказать, просто так, не из-за окраски, а другой вид называется белым. Их два в азиатских пустынях. И отличий между ними почти никаких.

– Но по запаху они отличаются? – сказал Роман Романович.

– Вот этого не могу знать, – ответил доктор, – возможно, Вы и правы.

Наконец-то, они подошли к Чёрной роше. На песке стояли невысокими, корявыми и толстыми стволами саксауловые деревья. Тени под ними почти никакой. Ветки их были покрыты узкими листочками, и тень реденькой сеткой, едва заметной, была под каждым деревом.

Без лишнего шума, по предложению доктора они окружили рошу с разных сторон и стали наблюдать за всеми и всем. Доктор сидел на бархане. В бинокль он следил за каждым движением в редком лесу, названном Чёрной рошей

– Да-а! – удивлённо проорчал сам себе Роман Романович. – Думал в пустынях только голые жёлтые пески, а здесь ещё и вода есть. Напился на два дня, чуть живот не лопнул, перед тем как пойти сюда, а уже страшно хочется пить. Теперь он свалился в тени под старым, развесистым кустом и тоже следил – не покажется ли сам разбойник.

А Сюзанна сидела на вершине высокой сосны с другой стороны и внимательно оглядывала местность.

И вдруг она обратила внимание, как на ветке колючего куста кто-то шевелится. Подлетела и, увидев страшную картину, сразу же к доктору:

– Доктор, там, там, – волновалась она, – я видела двух живого птенца и мышку, наколотых на колючки. Это ужасно, они живые! И ещё там ящерица!

– Какое безобразие! – всплеснул руками доктор. – Среди бела дня разбойничает!

Через некоторое время доктор Филипп и друзья его внимательно осмотрели место происшествия. Сначала сняли с шипов живого птенца насквозь проткнутого длинными шипами.

– У-у-у! – возмутился Роман Романович

– Да-а! – с досадой сказал доктор. – Им не выжить. Повреждены важные органы.

– А где ящерица? – спросил доктор у Сюзанны.

– Вот здесь недавно была, – показала на колючку она, на сухой ветке саксаула.

– Кровь вижу, а ящерицы почему-то нет, – удивился доктор.

– Не знаю, – сказала Сюзанна и виновато опустила голову.

– Так что же произошло? Сударыня! – повысил голос доктор Филипп.

И Сюзанне пришлось признаться в своей слабости. – Простите меня доктор, не удержалась. Я очень проголодалась...

– Сюзанна, с одной стороны Вы ликвидировали вещественное доказательство. Вы не ящерицу съели, а следы преступления, что может повредить делу, с другой – мы

приехали, чтобы найти и наказать убийцу, а получается, что сами становимся соучастниками. Конечно, я прощаю Вас. Но помните, это не в наших правилах, – доктор ещё много приводил разных доводов, от которых Сюзанне было очень стыдно и не только перед доктором.

– Простите, больше никогда так не сделаю, – извинялась Сюзанна.

– Я и Роман Романович верим Вам, сударыня и будем надеяться, что больше такого не повторится.

– Доктор, я поймал запах какого-то зверька, вон оттуда, из кустов несёт, – высунув от жары язык, роняя капли светлой слюны, сказал и пошёл на запах Роман Романович.

– Будьте только осторожны, нас могут подстерегать опасности. Будьте внимательны, Роман Романович, где-нибудь под кустом и хуже того – прямо на ветках саксаула может затаиться ядовитейшая кобра или гюрза. Осторожность – прежде всего.

И пока доктор наказывал, предупреждал Романа Романовича, Сюзанна заглянула в кусты и теперь громко, по-сорочьи, застрекотала. В голосе были слышны звуки тревоги.

– В чём дело, Сюзанна? Вы странно ведёте себя?

– Доктор, если это зверь опасный, то тогда все мы просто великаны.

И она снова принялась кричать.

Доктор увидел на остром шипу саксаула мышку. Она была мертва.

– Между прочим, Сюзанна, для нас эта находка важна. Мы теперь знаем – этот беспощадный палач убивает не только птенцов, жуков, но и мелких млекопитающих, как, например, эта мышка. Доктор пинцетом снял её с сухой колючей ветки, сел под саксаулом и внимательно стал изучать. Осматривая умерщвленную жертву, доктор обратил внимание на легкий прокус только на шее. Он сделал рисунок и отметил места насилия. Мышка была цела, если не считать прокола. Было ясно, что убийца или сам «шайтан» – роста невысокого: метр или два, может, чуть повыше, – жертвы его накалывались только в нижней части деревьев. «Тогда кто?» – задал вопрос доктор. Следов вокруг никаких – и правда, шайтан какой-то. Ни единого на песке следа.

– Роман Романович, – обратился доктор, очень внимательно обследуйте песок около этого дерева: нет ли какого запаха? Роман Романович закружил, «застучал» носом, тщательно вынюхивая каждую пядь, но ничего не обнаружил.

– Может, это птица какая? – высказалась предположительно Сюзанна.

– Птица, – говорите, но вряд ли, что есть столь жестокие среди них?

Так следопыты в этот день ни с чем и вернулись.

На следующее утро доктор сказал:

– Друзья мои, я вспомнил, что записал слова старого караван-баши: он говорил «шайтан» живет там, где есть вода.

– Это значит, он рано или поздно появится около нашего родника, – предположение высказал Роман Романович.

– Тут мы его и схватим! – завершила версию Сюзанна.

Но, друзья мои, нам нужно умело и тонко расставить сети. Рыбка, видимо, не простая, и требуются квалифицированные действия.

– Доктор, простите, я ничего не понял – «сети», «рыбка»?

– Роман Романович, вы правы, я не прямыми словами назвал всё, это принято так выражаться на Востоке – иносказательно. Сети – наше умение организовать засаду, а «рыбка» – это сам «шайтан».

– Теперь надо думать, как это всё устроить, чтобы он попался. – Доктор подошёл к роднику, напился. умылся и задумался: «Какие же действия предпринять?». Но вдруг взгляд его привлекли разные следы у родника. Небольшие копытца, кошачьи следы, и обилие крестообразных небольших следов. Он тут же достал «Пустынную энциклопедию» и определил, что за ночь у водопоя перебивали джейраны, шакалы, дикая кошка и фазаны.

– Кто из этих? – сказал он. Никто!

– Может, эти копыта и есть след шайтана? – предположил Роман Романович.

В это время на кусты около родника опустилась пустынная славка. Она повертелась робко, боясь в присутствии посторонних опустится к воде, но, наконец, жажда пересилила страх, она села к роднику и стала жадно пить. Потом прилетела стайка розовато-сиреневых пустынных снегирей. В это же время прилетел пустынный сорокопут, беспокойно покрутил хвостом и тоже напился.

Сколько благородных птиц здесь можно встретить, – сказал доктор, – все они могут стать жертвами ночного разбойника.

– Какой красавец, этот сорокопут! – сказала Сюзанна.

– Ещё бы, – поддержал доктор, – красавец настоящий! Элегантность, осмысленный взгляд, нежные полутона и краски на его великолепном светло-тёмном оперении.

– Доктор, а не кажется ли Вам, что наша Сюзанна влюбилась в него? – предположил Роман Романович.

– Доктор, не слушайте его, мало ли чего наговорит этот перегревшийся на солнце, так называемый, Роман Романович, – с издёвкой сказала Сюзанна.

– А что, Вы правы! – поддержал Романа Романовича, доктор. – Красив и, обратите внимание, он очень похож на Сюзанну: такой же длинный хвост у него, взгляд, форма и даже покрикивает похоже, пользуясь буквой «ю». Почему и нет? Мне тоже он понравился среди остальных.

– Мне кажется, Сюзанна ему приглянулась. Он долго и пристально смотрел на неё.

– Доктор, я сейчас этого Романа Романовича за хвост или за нос ущипну...

Оживленный разговор их был опять прерван появлением пустынного сорокопута. Он сел около и снова, не отрывая глаз, смотрел на Сюзанну.

– Итак, друзья мои, – сказал доктор, – в Чёрную рошу! Нам пора приступать к выполнению кодовой программы – «Смерть на шипах».

Следопыты отправились по холодку на место преступления. И после недолгих поисков нашли новые жертвы на шипах и колючках. На них были два, почти оперенных птенчика пустынных славок, две пустынных

вертихвостки-ящерицы, стрекоза и жук. Доктор зарисовал, записал факты преступления в дневник. Около места трагедии сделали засаду, но кроме знакомых уже нам птиц, прилетающих на водопой, никого не было.

– Доктор, под тем местом, где на шипах умирают птенчики, я нашёл совершенно свежий птичий помёт, сообщил Роман Романович.

– Это очень интересно, – сказал доктор, и тут же скальпелем собрал улики с веток саксаула.

Прошёл ещё один день в засаде. Доктор, вооружившись лупой, просмотрел собранный помёт и записал в своём полевом дневнике: «Небольшое розоватое пятно с тёмным «червячком» на нём. Но в «розовом» продукте нет каких-либо улик – останков животных. Однако, цвет имеет розоватый, а это значит, что хозяин питается ещё и саранчуками.

– Доктор, – проскрежетала Сюзанна, – я нашла что-то, но что – не знаю.

– А где Вы взяли, это «что-то» сударыня?

– Там же, около места преступления злодея и разбойника. Эти комочки застряли в ветвях колючего куста.

– Очень хорошо. Они содержат нужные нам «вещьдоки». Доктор разобрал странные комочки из останков разных насекомых: чешуи и косточек ящериц, мышинной шерсти и жёстких крыльев жуков и ножек кобылок. В энциклопедии он прочитал, что называются они – «погадки». Комочки, оказывается, отрыгивают хищные птицы, когда в их пище есть твёрдые останки жертв – хитин насекомых, косточки, перья, чешуя, коготки... Всё, что желудок хищника не в состоянии переварить. «Погадки» хищник отрыгивает и освобождает от них желудок. В них и были останки разных мелких животных. Теперь сомнений не было, что они обнаружили след осторожного преступника.

Вернувшись к палатке, он вновь присматривался ко всем, кто появлялся у водопоя. Но подозрительных не было: прилетали пустынные снегири, славки, даже один тугайный соловей, и снова появился сорокопут. Доктор вёл наблюдения около родника, просматривал свои записи и вдруг захлопнул дневник и крикнул:

– Друзья мои, есть улика!

Роман Романович и Сюзанна, что называется, сразу же, наострили уши. И доктор решился на смелое заявление:

– В моём дневнике, – говорил он, записано: «На шипах, в роще Чёрной есть и стрекоза». Так вот, уважаемые коллеги – стрекоза держится около воды. Значит, этот самый шайтан-убийца схватил её именно здесь. Больше нигде на десятки километров воды нет. А здесь стрекозы время от времени пролетают. Значит...

– Это значит – сказал Роман Романович, что...

– Что бандит охотится здесь, у нашего родника.

– Но стрекозы летают вечером, особенно перед закатом солнца и ещё после заката – в сумерках. Значит, и этот душегуб жестокий, ловит их уже в сумерках.

– В это время просыпаются все черти и шайтаны – добавил Роман Романович.

– Но, друзья мои, я уже посмотрел «Пустынную энциклопедию», пострадавшая стрекоза называется – камышовое коромысло. У неё «Т-образное» пятно на лбу. Её он и поймал. И поймал здесь, днём.

– Это значит – мы сидим в роще, томимые жаждой и зноем, а он разбойничает у нас около палатки, под носом, – в гневе прорычал Роман Романович. Вид его говорил, что он зол, как никогда и готов на самые геройские поступки.

– Круг наших поисков, переносится на другое место – сказал доктор. Он очень сужается. Это облегчает поиск.

Теперь все они сидели и лежали около родника. В небе закружили откуда-то прилетевшие золотистые щурки-пчелоеды. Яркие, с тропической раскраской птицы ловили на лету стрекоз и глотали тоже на лету. Снегири и славки пустынные теперь выпадали из подозрения – они сами были жертвами разбойника. Появился сорокопуд, как всегда красивый, энергичный... Утолив жажду, он взлетел на вершину куста около родника, и нежно запел.

– Послушайте, Роман Романович, Сюзанна, – как он прекрасно поёт. За душу берёт и в голосах его слышны колена всех птичек, которых мы здесь встречаем.

– Такой талант, музыкальный слух и элегантность! – прошептала Сюзанна.

– И все в одном лице! – угрюмо пробурчал Роман Романович. Его сорокопуд почему-то раздражал, хотя он и не знал – почему?

– Да, друзья мои, не зря говорят: – кто талантлив, тот талантлив во всём... И, конечно, этот прекрасный певец тоже вне всякого подозрения – сказал доктор, – красивые и талантливые не могут быть разбойниками.

– А не кажется ли Вам, доктор, что он специально прилетает и пристально смотрит на нашу Сюзанну? Может он её засватать собирается?

Сюзанна отвернулась:

– Я даже спорить с тобой не хочу! – сказала она, рассердившись.

– А в этом что-то есть. Они как родственники, она из рода сорок, а он – сорокопутов...

Сорокопуд заливался на все голоса, и, словно маэстро, дирижировал себе длинным, чёрно-белым, собственным хвостом, таким же ступенчатым, как у сороки. Сам же всё время глаз не сводил с Сюзанны.

Наконец, он улетел. Доктор подошёл к тому месту, где солировал сорокопут и увидел свежее, розоватое пятно помета. От неожиданности он даже чуть растерялся: это был тот самый момент, когда представилась возможность точно узнать – он или нет?

– Роман Романович, прошу Вас, сравните запах помета – того, что взяли на месте преступления в Черной роще, и этот...

Роман Романович обнюхал оставленный «реквизит» певца, «четвероногая экспертиза» сразу же выдала данные, и эксперт сказал:

– Доктор – разницы никакой. Один и тот же! – Вот так да! – Это всё время он водил нас вокруг своего носа! Бандитствующий террорист перед нами тут хвостом крутил, да песенки тут разные, словно Вертинский, пел, а мы слушали и умилялись, разинув рты! Безобразие! Вокруг собственного носа обвёл нас!

– Сюзанна, обратился доктор – чего греха таить, увлекся Вами этот длиннохвостый прохвост. Без Вашей теперь помощи нам никак... Вы ж дама, и к тому же умеете общаться с этим садистом. Так вот, разыграйте маленькую мизансцену: Вы, будто очень голодны... Или, например, у Вас завтра день рождения. Пусть душегуб клюнет на это и преподнесет Вам в подарок – жертву. Мы же тут его тогда и засвидетельствуем на месте преступления.

Так и поступили: как только появился красавец-сорокопут и стал петь свои затейливые песенки, подражая голосам своих жертв. Сюзанна, громко на строго птичьем языке, то есть на таком, что и доктору говорила, громко прострекотала: у меня день рождения завтра! А здесь, в этой пустыне, и отметить нельзя, как следует. Так хотелось бы мышку или ящерку откусать в этот день.

Увидев, что сорокопут внимательно прислушивается, Сюзанна продолжала, но уже совершенном в другом «художественном» исполнении. Она возмущалась:

– Но здесь, на этой голой земле, где столько солнца, песка, однако, нет ни одного рыцаря, ни одного достойного похвалы, смелого сердца, которое бы преподнесло мне, светской даме – подарок. Все от жадности и скупости, начиная от сухой травинки и кончая последним скорпионом, лучше высохнут, но ничего никому не подарят...

На следующий день, когда у родника появился длиннохвостый повеса, сыщики сделали вид, что все отправились куда подальше по своим делам. Сюзанна же, издали наблюдала за сорокопутом. И вот, когда он улетел, они тут же вернулись и затаились в палатке. Ждать пришлось не долго: вскоре появился разбойник. В клюве его болтался живой ещё мышонок. Сорокопут ловко и быстро наколол его на длинный шип пустынной акации. Следопыты глазам не верили – вот он!

Как только сорокопут улетел, они вышли, осмотрели и сравнили первую мышку и эту. Прокусы были такими же – на шее. Оказывается

разбойник, первым делом убивает, разрывая шейные позвонки жертвы. Так он обездвигивает, а потом еще живую жертву насаживает на колючку, это он делает запасы впрок. А если добыча «сама идет в руки», ему хватает её свежей, так и оставляет он всё сохнуть.

И не успели сыщики ещё и перестать возмущаться, как вновь появился сорокопут. На этот раз в клюве у него болталась ящерица. И в то время когда он приступил к экзекуции – стал накалывать её на шип, доктор быстро вышел из палатки и сфотографировал преступника прямо на месте преступления.

– Сюзанна, скажите этому экзекутору, что он изблещён на месте преступления. Теперь ему не отпереться за его тайные, разбойные дела.

Сюзанна, как могла, высказала сорокопуту в самой неприятной форме весь их гнев и возмущение. Но сорокопут сидел совершенно невозмутимо. Он был весел и игриво крутил красивым хвостом.

– Переведите, Сюзанна, мои слова, сказал доктор, – он настоящий убийца и беспощадный садист, каких только свет видел. И прощения ему нет от слабых и беззащитных, над которыми он так жестоко издевается...

Доктор ещё много чего говорил обличительного, что могло задеть совесть и достоинство любого.

Сюзанна всё, как было, перевела. Сорокопут спокойно и совершенно невозмутимо сказал по птичьей Сюзанне, чтобы она всё передала, что он говорит:

– Ты, безмозглая и самоуверенная, на которую я смотрел все эти дни и думал, как бы схватить и насадить тебя на большую колючку. Но не мог найти такой колючки подходящей. А то давно бы сцапал, и висела бы ты, как мышонок.

– Доктор, – пожаловалась Сюзанна, – он говорит оскорбительные слова. Ругает, обзывая тупой и глупой...

– Ничего, Сюзанна, берегите нервы, и всё переводите. Я запишу, а потом предъявим ему наше обвинение.

Однако сорокопут был весел и невозмутим: он игриво крутился на ветке над родником и, как ни в чём не бывало, продолжал:

– Вашего паршивого пса, с чёрной мордой, глупым выражением и вечно мокрым носом, я бы также давно подвесил на первом суку, и болтаться бы ему, как этой ящерице. Но вот беда, – сокрушался он, – не найти и для него подходящей колючки.

– Всё – всё переводите, сударыня, – попросил доктор, – как говорят: – «кошка скребёт на свой хребёт», он поплатится за такие оскорбления. Я всё должен записать...

Конечно, Сюзанна перевела и эти слова. Роман Романович, услышав оскорбления, вздыбил загривок и залился лаем. Он никогда ещё не слышал подобных слов. Пёс, конечно, не заслуживал такого к себе отношения. «Если б у меня были крылья, – подумал он, – я, немедля ни секунды, взлетел и схватил бы хама и грубияна.

– А вашего старикашку, – продолжал сорокопут, – которого с самого начала принял, было, за большую стрекозу из-за его выпуклых стеклянных глаз, я б тоже не отпустил. Но беда, – он тоже великоват, костей в нём много. А то и ему б висеть, как стрекозе, со своими бумажками и шляпой, на самом высоком дереве, чтобы днём он вот таких, как ты – сказал он Сюзанне, – а ночью, – он показал на Романа Романовича, – таких, как он, пугал бы. Вашему старому саксаулу – скелету в сюртуке, только и место – на суку большого дерева. Но вот беда, – сожалел опять он, – нет такого поблизости.

Я давно слежу за вами: мышь и ящерицу принес я тебе, картавая, потому, чтобы не пропала с голоду. А у меня много ещё такого мяса в разных местах. А теперь идите, откуда пришли: вон ваш кривой верблюд шагает с таким же чахлым стариком. Садитесь и убирайтесь от греха подальше.

Сюзанна сказала доктору, что последних выражений, сказанных в адрес доктора, она не будет переводить. Ей очень стыдно за сорокопута. Но доктор настаивал и спокойно всё выслушал.

– Да, друзья мои, этот джентльмен болен древними инстинктами, как и всякое примитивное и кровожадное существо первобытных, морских глубин. Инстинкт – дело серьёзное, и ему уже ничем не помочь. Генетика! Говорить с ним – слова по пустыне разбрасывать. Это же обыкновенный шашлычник. Это у него, пожалуй, древние азиаты, научились накалывать куски мяса на шампуры. С той лишь разницей, что этот на каракумском солнце «прожаривает» свои жертвы, а те – на огне. С другой стороны, друзья мои, для всех нас очень полезный урок, – сказал доктор и продолжил:

– В жизни часто бывает, когда видный, красивый, и, казалось бы, милый и общительный субъект, легко завоевавший ваше доверие, оказывается самым последним негодяем. А вывод нашего урока таков: бойтесь, не доверяйтесь угодливым и слащавым, ибо, разливая сладкие и угодливые речи, одаренные от природы лстецы копят яд и потом больно и смертельно жалят. Спасибо вам «рыцарь» пустыни! – Доктор снял шляпу и поклонился сорокопуту. Вы нас многому научили. Что поделаешь, – «Восток – дело тонкое!».

Лесная трагедия

Звонили из далекой Германии:

– Уважаемый доктор Филипп, – в трубке звучала немецкая речь молодой дамы, – может, Вы поможете нашему горю. Я надеюсь теперь только на Вас и Ваших коллег.

Речь её постоянно прерывалась всхлипами и рыданиями.

Как мы знаем, доктор – человек очень добрый и нетерпимый к несправедливости, он сразу же проникся жалостью и поверил в невиновность дамы, которая звонила из Германии.

– Фрау, я хорошо понимаю Вас и готов помочь Вам! – разумеется, доктор говорил на немецком, ведь он знал все языки мира.

– А теперь я хотел бы всё по порядку услышать от Вас.

Немецкая женщина-фрау вскоре успокоилась и стала кратко излагать суть дела:

– Доктор, мы с мужем каждый год отдыхали в лесу, в прекрасном местечке на берегу небольшой речушки. Это в Баварии.

– Это где в Баварии, на Кавказе что ли?

Ведь доктор постоянно путал, как мы знаем, аварский язык с баварским, поэтому он также легко спутал и Баварию с горным краем, где живут аварцы, также как на казахском – «мэданиет» с «эдибиет».

– Нет, нет, это у нас в Германии. Здесь красивые леса и горы.

Природа прекрасная! Но случилось так, что в тот день, когда мы оставили место отдыха, начался пожар. Сгорело много лесу. А вы же знаете, как у нас немцев ценятся леса, и к тому же они принадлежат частному владельцу. – Она вновь заплакала и сквозь слезы добавила, – муж мой находится в тюрьме уже четвертый месяц. И куда мы только не обращались, всюду виновным считают нас, и никто с нами и говорить не желает. Но мы-то, доктор, уверяю Вас, леса не поджигали. Всё так несправедливо! – Фрау снова горько заплакала.

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказал доктор Филипп, мы постараемся помочь Вам и поэтому немедленно выезжаю в этот же день, так что встречайте нас.

У доктора, как человека глубоко порядочного, умного никогда ещё слово не расходилось с делом. Он и его друзья через несколько минут оставили дом и отправились в аэропорт. Конечно, летать самолетами тоже не просто, да ещё и в компании его друзей – Романа Романовича и Сюзанны. Но опыт у команды уже был и надо сказать не плохой. Словом, уже через несколько часов самолёт их снижался над чистыми лугами, на которых паслись коровы, над аккуратно возделанными полями. И доктор понял, что лесов на этой земле не так уж и много. Поэтому они охраняются, и каждый пожар – бедствие для народа. И

теперь понятно, что виновников браконьерства или пожаров здесь наказывают. Самолёт опустился точно в самой германской Баварии. Фрау, которая звонила, была далеко заметна: она стояла в черном платье и белым платком вытирала слезы.

Доктор, как и полагается, сразу же приступил к расспросам:

– Итак, уважаемая госпожа-фрау, теперь всё по порядку, обстоятельно расскажите, как это происходило.

– Доктор, как я говорила, мы отдыхали в очень красивом месте баварского леса. Вы обязательно увидите, какое это прекрасное место. А муж мой, он очень хороший работник и очень честный че...

– Извините, госпожа-фрау, – прервал нескончаемый поток её слов доктор.

– О, да, доктор, он ещё очень хорошо знал грибы. Лучше его никто здесь не знал гри...

– Уважаемая фрау, попрошу, конкретно и поточнее.

– Извините, доктор, я и так кратко, так вот, кроме того, что он хорошо знал грибы, он любил ещё рыбалку и конные скачки, а я, я сейчас всё по порядку, я хорошая хозяйка и умею готовить прекрасные пироги с гри...

Доктор коснулся плеча её:

– Я слушаю Вас! Итак, Вы с мужем были на отдыхе в государственном лесничестве. Но, пожалуйста, только в подробностях, постарайтесь ни одной, сколько-нибудь существенной детали не пропустить. Это очень важно в Вашем и нашем делах.

– Да, доктор! Да!

– И потом что же?

– Когда мы были на отдыхе, – фрау на всякий случай вытерла досуха глаза и продолжала рассказывать дальше. – Пока мы отдыхали, к нам наведывался егерь. Вы знаете у нас это достаточно почетная должность. Мужчина он и в самом деле был в возрасте уже и весьма почтенного вида, как каждый породистый немец из Баварии. Как и положено, он останавливался около нашей палатки и не отказался от чая. Мы очень мило проводили время. Он говорил мне столько разных комплиментов, что я постоянно густо краснела. А теперь вот муниципальный комитет в его лице предъявил нам приличную сумму, и обещали даже конфисковать имущество. Так что, доктор, только на Вас наши надежды. Кажется, я уже сказала, какие я умею готовить пироги с грибами.

– Да, фрау. Я знаю уже об этом и, надеюсь, Вы ещё угостите нас, когда мы закончим все дела.

– Обязательно, доктор! Так вот, замечу Вам, у него был отличный ирландский сеттер. Такой же породистый, как и сам егерь. Этот сеттер подбегал к каждому кусту и поднимал заднюю ножку...

– Да, фрау, я прекрасно себе представляю это. У нас Роман Романович тоже иногда грешит...

Роман Романович опустил голову, стыдливо прижал уши, Сюзанна шумно встряхнула красивыми перьями и, как бы между прочим, заметила:

– И так всегда от него какие-нибудь да неприятности. Людям стыдно за него. Другое дело мы – от нас красота и никаких бед!

– Сударыня, не кажется ли Вам, что через чур Вы становитесь хвастливой и самоуверенной. Все в этом мире в чём-нибудь да виноваты. И кто знает, может, кто-то из нас имеет самое прямое отношение к случившемуся.

– Слушаю Вас, фрау! – сказал доктор и приготовился делать записи в своей полевой книжке.

– Так вот, после первого нашего застолья, когда этот милый господин ушёл, я недосчиталась одной серебряной ложечки. В ней чистого серебра почти фунт.

– Но мы же люди порядочные и сочли с мужем не говорить о нашей потере. Но когда дня через два он вновь появился со своей собачкой, которая теперь поднимала ножку на всё наше имущество, естественно, я стала всё прибираться вокруг палатки. Однако забыла на столе фамильный кулон, и он, конечно, так же легко и просто исчез, что называется, на глазах. Кто и подумать мог... Там, доктор, только цепочка стояла многие тысячи марок, а сам кулон – из чистого золота, представляете, да ещё с небольшим бриллиантом! Всё это я мужественно перенесла.

– Я слушаю Вас, фрау, – сказал доктор, продолжая записывать факты, излагаемые женщиной, в свою книжку.

– А потом, потом муж мой пошёл к речке умываться, положил на соседний пенёк свои именные часы, в которых было не меньше полтора фунтов чистого золота, да ещё целая горсть драгоценных камней в их механизме. Это не часы, а целое состояние!

– Скажите, фрау, а кто-нибудь ещё, кроме егеря, приезжал к вам?

– Ну, что Вы, доктор, никого! Абсолютно никого не было.

– Тогда мужу говорю: если мы с тобой сейчас же не уедем, то этот прекрасный господин обчистит нас так, что от твоей машины и колес не останется. А этот паршивый пёс, по имени Сеттер, изгадит всё наше имущество. И, кроме того, украл и где-то съел наше туалетное мыло. Хозяин не чист на руку и такой же пёс его по имени Сеттер.

– Нет, фрау, снова поправил её Роман Романович, – сеттер это хорошая порода собак.

– Госпожа-фрау, сеттер – это порода, – сказал Роман Романович, а доктор тут же перевел пострадавшей подмеченное Романом Романовичем.

– Я разницы не вижу, главное, что он на всё задирает свою поганую лапу. Я каждый раз смотрела на него и думала, что если есть в мире справедливость, то когда паршивый пес, стоит на трех своих кривых лапах, а одну задирает к небесам, – хоть бы он перевернулся... Но сами понимаете. Сама я воспитанная, и потом у нас – баварцев течет холодная, как родник, чистейшая арийская кровь, поэтому я, правда, с большим трудом, но воздерживалась. Хотя всю меня после этого толстопузого господина, похожего на синего жука, он в синей егерской форме приезжал, – пояснила она, – от собачьей лохматой шерсти, тошнило. Да, в самом прямом смысле – тошнило, доктор!

– Фрау, – пожалуйста, по порядку и по делу, – попросил доктор.

– Всё понимаю, доктор, всё. Так вот, как только мы уехали, оттуда, потерпев большой семейный убыток, как сразу же начался пожар. Понаехали туда пожарные машины, лесная полиция... Разумеется, и нас сразу же туда привезли. Причём, с мужем, доктор. А муж мой честнейший человек! Он никогда... – Фрау ещё что-то хотела сказать, но доктор остановил её вежливо.

– Да, доктор, понимаю, всё понимаю. Так вот, пожар этот кое-как к концу дня затушили. А мужа моего прямо из этого погорелого леса в каталажку.

– Пардон, фрау, – обратился к ней доктор, – что вы имеете в виду, когда говорите «каталажка»? – Такого, простите, слова в немецком я не знаю.

– А его и нет, – пояснила фрау, – это дурацкое русское слово, досталось нам в наследство от одного учителя литературы и русского языка. Он из Москвы был.

– Принимаю, – сказал доктор, – если это в русской транскрипции, тогда всё ясно. И главное, – надёжно. Если в каталажке муж Ваш, – не убежит и никуда не денется.

Фрау достала белый платок и вытерла им покрасневший и мокрый нос.

– Мужа моего, честнейшего человека, назавтра же посадили в эту самую каталажку, и он уже четвертый месяц сидит там. Правда, скажу Вам, доктор, муж говорит мне, что скучает обо мне, но без меня, как на курорте. У него улучшился сон и наладился аппетит. Он очень без меня поправился и очень неплохо стал выглядеть. Дома он не был такой, а теперь станет, как самый матёрый баварец. Представляете, доктор, ему почему-то тюрьма на пользу. Но я ему ещё не говорю, что хотят

конфисковать всё наше имущество, в порядке взыскания ущерба, наш дом и наше имущество. Если он узнает об этом, похудеет сразу. Но я тоже не промах.

Как говорят: «Что дорого, за то нужно бороться!» И я подала в суд, чтобы он вернул нам наши ценности. А этот, почтенного вида синепузый господин – егерь, отпирается, нахал, делает ещё очень удивлённые глаза. Но он ещё узнает, кто я такая...

– И что же он обязан Вам, это господин? – учтиво спросил доктор.

– Доктор, много, очень много. Всё, что он забрал и ещё за всё, что он хотел унести с собой...

Фрау без умолка рассказывала ещё и ещё всё о себе, о муже, пожаре, и даже доктор проморгал, как незаметно она сообщила ему, что это у неё уже четвёртый муж, но она всё ещё любит и первых трёх.

– Уважаемая, – сказал доктор, – теперь нам в общих чертах уже ясно всё, и настало время самим побывать на месте происшествия, чтобы приступить к работе.

– Значит, говорите, фрау, что Вы не поджигали?

– Нет, нет и нет...!

Очень скоро они приехали на место, где отдыхала фрау со своим мужем.

Даже сейчас, когда по склонам стояли обгоревшие деревья, и лишь местами сохранилась около речки зелень, было видно, что место было удачное для отдыха. От бережков шумной речки плавно поднимались небольшие сопки, покрытые сосновым бором. Ближе к речке стояли молодые берёзы и ивы, густилась калина. За эти долгие четыре месяца природа успела частично залечить свои раны, и местность теперь вновь утопала в цветущем разнотравье.

– Между прочим, хороша ваша Бавария. Не думал, что природа здесь так хороша. Не понимаю, зачем немцы едут в чужие края, когда и здесь прекрасно.

– Дело в том, доктор, что леса здесь выросли при усилии человека. Первозданной природы здесь нет. Вот поэтому и едут.

– Роман Романович, – пожалуйста, ознакомьтесь с местностью, – попросил доктор, и Вы тоже, Сюзанна, не скучайте... Время пошло, и работать должно на нас.

Доктор достал из сундучка «Лесную энциклопедию», долго листал, читал что-то про сосновые леса.

– Скажите, фрау, – спросил он, а какая погода была в тот день, помните?

– А как же, доктор, как сейчас помню – утро было прекрасным. И нам даже уезжать не хотелось. Но сами посудите – кругом открытый грабёж. Помню, в полдень пошёл дождь. Знаете, такой крупный, тёплый, серебристый, который называют грибным. Дождь был непродолжительным, и следом за тучей выглянуло тёплое баварское солнце.

Вернулся вскоре Роман Романович. В зубах у него было птичье перо.

– Что это у Вас, Роман Романович?

– Принёс на всякий случай, – вильнул он вяло хвостом.

– Что ж, а вдруг и перо пригодится в нашем деле.

– Доктор, Вы не обращайте внимания на эту чепуху, подумаешь перо? Здесь очень много разных птиц. Даже фазаны ходят. И однажды муж мой, хотя был и честнейший человек, но по случайности поймал фазана. Вы знаете, у него не только красивое перо, но и довольно приличное мясо, – фрау без умолку много ещё чего рассказывала о себе, муже, хотя это не касалось дела ни с какой стороны.

Доктор снова листал и читал энциклопедию, а потом взял перо, которое принёс его четвероногий коллега, и внимательно осмотрел его, измерил и – захлопнул книгу.

– Всё ясно: седьмое перо из левого крыла сороки. Рисунок белого и чёрного совпадает, совпадают и размеры. Так и запишем, что в лесу обитают немецкие родственники нашей Сюзанны.

В это же время прилетела и Сюзанна.

– А – это Вы, уважаемая сударыня. Нашли что-либо интересное для нас? – спросил доктор.

– Ничего особенного, – прострекотала Сюзанна, – лес сгоревший, пустой... Одна тоска.

– Ну а, что-нибудь необычное не заметили?

– Ничего, кроме обгоревших пней да похожего на чёрный моток проволоки гнезда.

– Чьё там гнездо? – поинтересовался доктор.

– Думаю – моих родственников.

– Типичный неряшливый шалаш, а не гнездо у сорок! – заметил ядовито Роман Романович.

– Не шалаш, к Вашему сведению, а терем!

– Перестаньте спорить, коллеги. Мы при деле, и уважаемая фрау ждёт от нас дел, а не споров.

В это время подъехала служебная машина, из которой вышел егерь.

– Приветствую Вас, доктор, – сказал егерь, – полагаюсь полностью на Ваш авторитет и надеюсь – с Вашей помощью и опытом Ваших коллег – истина будет установлена.

– Благодарю Вас, господин, – вежливо откланялся доктор, – а сейчас, простите, – дела!

– Скажите, сударыня, – обратился он к Сюзанне, – не Вы ли по случайности обронили это перо?

– Если б Вы, доктор, потеряли пуговицу, могу понять, что не заметили. А перо, доктор, это перо! К тому же, как я уже узнала, здешняя, немецкая речь моих родственников мне непонятна. Она груба и неразворотлива. С ними особенно не поболтаешь. И перо это ни с какой стороны не вписывается в ансамбль моего наряда.

– Итак, – доктор произнес этот главный в его биографии монолог и, забросив руки за спину, стал стремительно ходить. Доктор думал, с чего начать и что искать в этом обгорелом лесу, в чужой совершенно стране, среди малопонятных ему людей. Но голос немецкой крови в нём настаивал, что он – доктор, как истый ариец, должен помочь распутать этот запутанный клубок. И доктор продолжал в поисках ответа ходить взад и вперед. И вдруг он поднял руку и громко произнес:

– Роман Романович, будьте добры, поищите ещё чего-нибудь в окрест. А Вы, Сюзанна, тоже: осмотритесь, оглядитесь, да не теряйте ни одной детали. В нашей работе самая ненужная вещь может стать настоящим сокровищем. Помните об этом.

– Итак, уважаемый, герр-господин! – сказал он егерю. – Вспомните, какая была погода в тот день. Егерь был человеком очень пунктуальным, как все немцы, он тут же открыл свой рабочий дневник и прочитал: «...Был кратковременный, грибной дождь. Потом светило чистое, чистое солнце, и грибы, как сумасшедшие, на глазах вставали один за другим из-под земли...»

«Они все здесь на грибах промешаны», – подумал доктор.

Через некоторое время появилась Сюзанна.

– Слушаю Вас, сударыня?

– Всё пусто, даже гнездо сороки и то обгорелое.

– А что в нём? – спросил доктор.

– А чего может там быть, – вмешался егерь, – кроме пепла и сажки – ничего. Эти господа постарались всё сжечь?

– Сюзанна, будьте добры, осмотрите внимательно гнездо. И если что интересное найдете, будем все регистрировать. Это наш метод, наша криминальная дедукция.

Через некоторое время Сюзанна вернулась, и в клюве её торчала задымленная вся серебряная ложка.

– Сюзанна! Где Вы взяли её?

– Вот, доктор. Я говорила Вам, – сразу же с укорами и упреками встряла заплаканная фрау. – Это он, егерь этот подбросил. Он понял, что имеет дело с серьезными сыщиками, и решил сдать. Вам – егерь – приход с повинной смягчит вашу вину перед законом.

Доктор осмотрел серебряную ложечку, взвесил её и положил в свой сундучок:

– Для следствия, – сказал он фрау, – мы, кажется, напали на след.

– Через некоторое время Сюзанна вернулась. В клюве её болтался на цепочке кулон. После осмотра и обработки, его доктор также положил в свой сундучок.

Наконец послышалось шлепанье лап Романа Романовича, бредущего через речку, и в зубах его были ручные часы.

– Ну вот, нашлась и другая пропажа...

– Где Вы, любезный, нашли их? – спросил доктор.

– У скалы, доктор.

– Сейчас же идемте туда, – сказал доктор, и вся компания дружно последовала за Романом Романовичем и доктором.

Роман Романович кивнул на скалу, едва выступающую из травы, и указал место, где лежали часы.

– Доктор тут же стал осматривать местность. Взор его наткнулся на обгоревшее гнездо сороки на сосне, росшей на соседнем пригорке и было хорошо заметно на оголённом дереве.

– Так, – сказал доктор, – он тут же нарисовал схему местности на листке.

Определил место, где была палатка, где сосна с гнездом, скала... И, когда соединил эти пункты линией, то скала оказалась точно на прямой, проходящей от палатки к сосне.

– Эврика! Воскликнул доктор и от радости зашвырнул очки куда-то в траву. – Дайте мне часы!

Он внимательно осмотрел их и первым делом обнаружил, что у них нет стекала:

– А где же стёклышко? Уважаемая фрау, – скажите, у них было стекло?

– Доктор, разве это часы, если они без стекла? Да, было чистое, выпуклое стекло. А это уже – простая жестянка, пробка от пивной бутылки, а не часы...

– Уважаемая, скажите, в котором часу примерно пошёл дождь в тот день?

– Сейчас мне трудно точно сказать, мы уехали в одиннадцать, примерно через полчаса начался пожар, то есть в двенадцатом часу.

Муж как раз перед отъездом пошёл мыть руки, снял часы, и они исчезли. Но какое это имеет отношение ко всему случившемуся?

– Милая фрау, сейчас вопросы задаю я...

Доктор посмотрел на часы: стрелки их стояли на пятнадцати минутах двенадцатого. Он тут же записал в свою книжку время, когда они остановились.

– Что Вы, любезный, скажете о времени дождя и

начале пожара, – обратился доктор к егерю.

– Доктор, в данном случае я полностью согласен с показаниями этой фрау, – егерь сказал эти слова, отвернулся и стал смотреть на сгоревший лес. По его отношению можно было понять, что унылая картина сгоревшего бора ему много приятнее, чем выразительные глаза фрау и её скрипучий голос.

– А теперь, уважаемый, – обратился доктор к Роману Романовичу, – попрошу Вас ещё об одной услуге. Поищите, пожалуйста, это самое стёклышко. Только просьба, если вам повезёт, не трогайте, позвольте мне осмотреть его на месте. У меня появились кое-какие соображения по поводу всего случившегося.

Роман Романович, довольный ответственным поручением, кинулся за речку в сторону сосны, на которой висело обгоревшее гнездо. Его проворность и прекрасный нюх не подвели. Совсем скоро он остановился и громко залаял. И только одному доктору стало понятно: Роман Романович сообщал, что он не только почувал его, он видит стекло и, к тому же, не прикоснулся даже носом.

Доктор перебрел речку и поспешил к Роману Романовичу. Вскоре в траве он увидел скалу, около которой дождался его четвероногий коллега.

– Вон, в щели! – твякнул Роман Романович.

Доктор увидел, как в тесной щели, в трещине сияло стёклышко от часов. Он стал решительно искать по карманам очки, но найти их не смог.

– Роман Романович, Вы не видите на моем носу моих очков? – спросил он. – Я сам не вижу, может, Вам со стороны...

Роман Романович тут же сбегал к месту стоянки и принес очки.

– Очень Вам благодарен, друг мой! – Сказал доктор. – Вот теперь я, как орёл.

Он нагнулся над стёклышком. И, убедившись в своей версии, о которой ничего никому не говорил, тут же позвал егеря.

Егерь с неохотой последовал к тому месту.

– Я пригласил Вас, уважаемый, для того, чтобы сами могли убедиться в том что, – доктор показал на стекло от часов, – обратите внимание, в каком положении оно находится.

– В горизонтальном, – нехотя сказал егерь.

– Всё правильно, а теперь, что Вы видите на дне щели?

– А чего здесь можно видеть, если не опавшую, прошлогоднюю хвою. Ей весь бор усыпан.

– Всё правильно. В этом теперь Вы и сами убедились. А давайте-ка вместе замерим расстояние от этого стекла до этой самой хвойной подстилки.

– Доктор извлёк линейку и, стараясь не касаться стекла, аккуратно замерил расстояние.

– Семь с половиной сантиметров! Теперь наша задача рассчитать фокусное расстояние, на котором стекло концентрирует световые лучи.

Доктор с помощью линейки, карандаша и штангенциркуля сделал необходимые промеры и тут же сообщил: «Смотрите! Так и есть – семь с половиной сантиметров. И это не случайное совпадение, это вещественное доказательство! Но к этому нужно ещё немного простой фантазии. Как Вы сказали – в начале двенадцатого прошел дождь. Что произошло? – спросил он всех в слух, и сам тут же ответил. – Стекло оказалось наполненным прозрачной чистой водой. Получилась классическая линза с фокусным расстоянием, нам известным. А солнце в это время где? – доктор посмотрел на свои часы, на солнце и, сделав различные промеры в книжке, сказал. – В начале двенадцатого, пятого июля, солнце находилось точно над головой. А теперь и фантазии не нужно, чтобы уверенно заявить, что хвойную подстилку подожгла эта самая линза.

– А за этим, что следует? – посмотрел он на егеря.

Егерь растерянно моргал глазами, глядя на героически настроенную фрау. Теперь она смотрела на егеря, как на курёнка, которого сейчас заколют и через несколько минут подадут ей в виде цыплёнка-табака.

– Теперь, уважаемый, давайте подпишем акт о том, что пожар случился из-за этой маленькой линзы. А уважаемая нами фрау и муж её совершенно ни при чём, – так и сделали.

– Теперь давайте разберемся с жалобой госпожи-фрау и её претензиями к Вам по поводу исчезнувших здесь её ценностей.

Доктор извлек из сундучка серебряную ложечку и кулон на золотой цепочке. И стал взвешивать на своих походных весах.

– Фрау! – сказал он строго, – смотрите и Вы, господин егерь, тоже: весы показали всего тридцать два грамма.

– Вы согласны? – посмотрел он на фрау.

Она молча кивнула головой.

– А теперь взвесим бриллиант, а потом и золотую цепочку, которые стоят, по Вашим словам, многие тысячи марок. Весы, однако, показали, что бриллиант весит так же – почти в десять раз меньше, чем говорила фрау. – Доктор достал из сундучка пинал с пробиркой, где была помещена «царская водка», и капнул немного содержимого на цепочку. Звено на глазах растворилось.

– Вот видите, фрау, и Вы, господин егерь, – цепочка из меди или латуни, так как после реакции с «царской водкой» образовались соли меди. Теперь давайте посмотрим Ваш бриллиант. – Доктор капнул также и на бриллиант, который в тот же момент почернел там, куда упала капля.

– Итак, уважаемая фрау, как я понимаю, Ваши претензии совершенно не обоснованы в адрес господина егеря. Как и Ваши, – обратился он к егерю, а это значит, что никто из Вас никакого вреда не причинил ни друг другу, ни лесу. А виновата...

– Виновата немецкая сорока! – вмешалась Сюзанна.

– Вы правы, сударыня! – подтвердил догадку Сюзанны доктор. – А теперь я очень конспективно обрисую эту маленькую скандальную историю.

Утром, после завтрака, с вашего стола ложечка улетает в клюве этой самой «немецкой» сороки прямо в её гнездо. Сороки всюду питают склонность к красивым, а особенно к блестящим вещцам. Что выдумаете по этому поводу, Сюзанна?

– Мне откуда знать, доктор, может и так... – ответила сорока.

Пока вы ходили по лесу, эта птица лакомилась вашим мылом. И пёс господина егеря тоже не причём. Что по этому поводу думаете, Сюзанна?

– В этой жизни, всё возможно, – прострекотала Сюзанна.

Потом, тем же путем улетел и Ваш фамильный кулон. И, наконец, на глаза ей попались беспризорные часы. Эта нечистая на руку птица, схватила и их, а они были тяжелые для неё, и она, конечно, летела напрямиком в своё гнездо. Но по дороге, вот у этой скалы, выронила их.

Часы ударились о камни: стёклышко отлетело и застряло над щелью, в которой лежала сухая хвойная подстилка. Между прочим, прекрасный материал для разведения огня. Воспользуйтесь в будущем этим, господа.

– А тут ещё прошёл обильный, грибной дождь. Образовавшаяся линза сработала в час, когда солнце под прямым углом, а это пришлось на двенадцатый час, заглянуло в эту самую щель... Хвоя и загорелась! Дальше, господа, вы знаете всё сами лучше меня. Так что я ничьей вины здесь не вижу. И думаю, что всё доказано. Теперь, фрау, возьмите этот документ, – доктор отдал ей расписку егеря, – поезжайте в тюрьму и заберите своего мужа. А Вы, герр-егерь, – возьмите при мне с фрау тоже расписку, что к ценностям фрау никакого отношения не имеете, мы это подтвердим своими подписями. И никакой вины на Вас нет. Никакого морального ущерба Вы ей не принесли. Даже Ваш шотландский сеттер тоже совершенно не виноват.

– До свидания, господа! – откланялся доктор и направился со своими друзьями в обратную дорогу.

– Доктор! – крикнула в след фрау. – Я же обещала угостить Вас пирожками с грибами.

– Спасибо, фрау, – спешите за мужем, и советую всем вам снова сесть за стол с господином егерем и продолжить вашу дружбу. А нам пора!

Доктор снял шляпу и откланялся.

II. Таинственный убийца

Однажды, работая в кабинете Академии наук, доктор Филипп стал свидетелем случайного разговора, о том, что в Прибалхашских пустынях, около одного из водопоев, совершенно при загадочных обстоятельствах, на глазах, вдруг погибают овцы. Рассказывали и про то, как при таких же обстоятельствах, ни с того, ни с сего, как говорится, гибли на бегу совершенно здоровые сайгаки, что взволновало доктора Филиппа. Странные явления в природе сначала его удивляли, потом он ходил под впечатлением этих происшествий и, наконец, приходил к мысли: «Если не я, то кто?» И принимал самые отчаянные решения: бросал все дела и вместе с командой отправлялся туда, где происходили таинственные дела. Он был уверен в себе и друзьях. Роман Романович и Сюзанна, верные и опытные следопыты. С ними можно добиться всего и решить любые задачи.

Ничего удивительного, что в один прекрасный день доктор и его друзья оказались около песчаной пустыни в Казахстане – Сары-Ишек-Отрау. Конечно же, прежде чем туда выехать, доктор осведомился, что это означает, а так как он прекрасно знал казахский, то смело и быстро перевел это название, и получилось: «обширное, пустынное пространство». Находилось это «пространство» южнее озера Балхаш. В Казахстане любой уголок, обозначенный на карте с каким-нибудь благозвучным названием, обязательно представляет громадные просторы. На карте секунды уходят на ознакомление, на месте же месяцами нужно ехать на верблюде или хуже – идти своими ногами. И всё так в Казахстане, если спросишь в степи у первого встречного: «А далеко ли ближний аул? Он не солжет и скажет, как считает: «Нет, близко, рядом почти – два-три или пять километров». А пойдешь когда, не только пять и двадцать пять уже позади, а до аула, как было сказано, – рукой подать, – ещё и три, и пять... и больше отмотаешь, пока доберешься. Такими категориями живут коренные степняки. Но, как бы ни было, доктор Филипп со своей командой добрался до нужного аула, который разбросан был у небольшой, степной речушке, несущей мутные воды в ещё более мутную реку Или.

Корабль пустыни

Доктор обратился к одному из чабанов и рассказал о цели приезда. Чабан обрадовался: «Наконец-то, такой умный профессор возьмется за поиск шайтана, который прямо днем, на глазах, убивает баранов». Он с радостью дал учёному на время экспедиции лучшего верблюда по имени Жарас.

– Уважаемый кунак, – обратился чабан, – возьми верблюда. Работай. ищи... Вернешь моего Жараса – хорошо, не вернешь – тоже хорошо, только узнай, кто убивает наших овец. Поймаешь шайтана-убийцу, наши стада спасешь...

Доктор охотно воспользовался услугой чабана. А когда тот подвёл величавого, с пышными горбами и надменным взглядом Жараса, доктор подошёл, снял шляпу и вежливо, на чистом верблюжьем языке сказал: «Рад с Вами познакомиться, Ваше Высочество. Прошу извинения, но служба есть служба. И, ради общего дела, мы воспользуемся Вашими услугами – товарищ корабль пустыни».

Верблюд, приоткрыв глаза, завешанные длинными ресницами, слушал, лениво пережевывая жвачку, сытно рыгнул и также лениво выдохнул через раздвоенную губу:

–Уважаемый, зовут меня не Корабль пустыни, а Жарас. Фамильярности не переношу. Прошу уважать.

С высоты своего роста Жарас, в то время пока доктор стоял с непокрытой головой, важно поглядывал на его плешину, которая поражала белизной, лишенной какого-либо загара. Жарасу даже хотелось плюнуть, но вежливость и ученость доктора зывали к сдержанности лохматого хозяина пустыни. Ему немного жалко стало этого милого человека, который, не

зная жестокости пустыни, берётся за исполнение хорошего дела. И Жарас, подогнув длинные ноги, плавно стал опускаться на песок. Это значило – загружайте вещи и в путь.

Доктор быстро увязал нехитрый багаж и устроился среди пышных горбов. Жарас так же плавно поднялся. Доктор взглянул вниз и от страха ухватился за густую шерсть, чтобы не свалиться. Он первый раз в жизни

позволил себе сесть на животное. Доктор считал: у человека нет права такого, чтобы на ком-то сидеть или ехать. В конце-концов, он считал это крайне не приличным в поведении человека. Но в данном случае самому ему не одолеть расстояние в знойной пустыне. Нужно было торопиться – погибали невинные животные от неизвестного убийцы.

– Доктор, всё будет хорошо. Успокойтесь. Видите какой я спокойный, – промычал верблюд.

– Да-да – вижу, Ваше Высочество!

Доктор – человек смелый. Он быстро привык к всадничеству и, не теряя времени, обратился со страстной речью к своим коллегам.

– Друзья мои! – начал он. – Мы едем вглубь одной из центрально-азиатских песчаных пустынь. Нас ждут самые невероятные приключения. Мы должны быть ко всему готовы. Наша задача – найти убийцу на неприветливой земле.

– И наказать! – взвизнул, ожидающий разных приключений Роман Романович.

– Сначала поймать его нужно, преступника, – заметила Сюзанна, – потом уж наказывать...

– Итак, друзья мои, сегодня выезжаем караваном, на корабле пустыни – Его Высочестве – Жарасе. Так зовут нашего нового коллегу, который своим присутствием украсит наше путешествие. Итак, караван из одного верблюда, простите – Жараса, нас с вами, коллеги, направляется в знойное сердце песков.

Караван медленно двинулся на север, в сторону Балхаша. Это была романтическая картина: доктор покачивался между горбов, похожих на песчаные барханы. Он подносил к глазам бинокль, фотографировал и делал записи в полевом дневнике.

Роман Романович трусил следом, обнюхивая по пути каждый куст, вспугивая шустрых ящериц. Часто, нос к носу, встречался с черепахами. Пустыня нравилась ему.

Сюзанна тем временем так же удачно сочетала любопытство с творческим процессом: летела впереди, присаживалась на кусты, присматривалась ко всему.

– А-аа! – прохрипел верблюд.

– Слушаю Вас, Ваше Высочество, – сказал на верблюжьем доктор. Про себя же отметил, что язык этого животного один из наиболее трудных. Больно не разговорчивы они. Слушаешь его и кажется, что верблюд всегда выражает постоянное неудовольствие. Больше он ничего не может сообщить – один и тот же рев у него. Однако нужно только прислушаться, для этого нужно иметь тонкий, музыкальный слух, так в голосе его можно различить десятки различных звуковых и смысловых нюансов, они и выражают «сказанное» верблюдом. Доктор на то и был

доктором, – одним единственным на планете, который прекрасно понимал животных и мог говорить на их языке.

– Итак, Ваше Высочество, – произнёс доктор, – слушаю Вас.

– Вы такой умный, – басил верблюд, – неужели Вы думаете, как все? – Жарас глухо, при закрытых губах, произнёс, – все думают, – мы, верблюды, существуем, чтобы кого-то возить на себе, таскать непомерно тяжёлый груз и обходиться самым скудным кормом, включая верблюжью колючку, которую никто, кроме нас не способен есть. Можно заставить корову или лошадь, но только, как наказание. Мы делаем это с удовольствием. Но, главное, считают, что мы в воде почти не нуждаемся. Всё это вздор! Мы, как все, – хотим пить, может, и больше, чем остальные. Иначе не пили б за один раз десятки ведер. – Жарас опустил голову и почти простонал, – сейчас иду и слышу, как в бурдюках плещется вода, а пить страшно, как хочется. Кажется, ещё немного и я погибну. Вы представляете, верблюд от жажды погиб – это же всемирный скандал!

– Так, в чём же дело, Ваше Высочество? Пожалуйста...

Доктор набрал из бурдюка воды и прямо из чашки дал на ходу попить бедному Жарасу.

– Ну, а я и мои коллеги пока подождём. Путь наш долгий.

Время подошло к полудню. Зной нестерпимый. А пески всё не кончались. От жары у доктора стучало в висках. Он смочил платок, чтобы вытереть лоб, но тут же решил попоить Романа Романовича и Сюзанну. «Путь далёк, воды может не хватить, я подожду», – решил он и пить не стал.

– Доктор, – опять глухо пробасил верблюд, – путь в песках не шагами, не часами измеряется. Он измеряется расстоянием между кудуками. Ещё далеко очень, у меня слишком загустела от жажды жвачка. В горле совсем сухо...

– Понял Вас, Ваше Высочество, – и доктор снова налил воды и снова попоил хозяина горбов, за которые держался, как мог доктор.

– Я должен сказать, – не унимался Жарас, – часть той воды, которую вы дали, потерялась где-то у меня в шее. До желудка пока ни капли не дошло. Впитывают её и горбы, за которые Вы судорожно держитесь. Так что мне ничего и не досталось. А зной и жажда – страшные.

Какой разговор может быть. Доктор как добрый человек ещё и ещё налил «бедному» верблюду. Но уже вскоре доктор почувствовал, что его слишком качает, словно он ехал на телеге с квадратными колесами.

– Что-то случилось? – спросил он Жараса.

– Разве, доктор, не замечаете, – хромаю.

– Что же с Вами, Ваше Высочество?

– У меня скрипят суставы. А до воды ещё очень далеко...

– В чём же дело, друг Вы наш?

Естественно, доктор поил «Его Высочество».

День первый в однообразной, утомительной дороге очень походил на день другой. Всё так же – во все стороны от тропы к колодцу или кудуку до горизонта песчаные барханы. Между ними кое-где видны были кусты «перекати-поле» и кривые саксаульники. И так же над головой – пристальный взгляд беспощадного солнца. А ещё жажда. Конечно, Жарас выпрашивал у доктора воду, жалуясь на жажду, разворачивал на длинной шее голову и пил на ходу. Только на пятый день доктор заметил, что воды осталось очень мало и то – только во фляжке. Но и её доктор вынужден был выпоить изнывающему от жажды Жарасу.

Но, как только вода кончилась, Жарас перестал изнывать и страдать. Он шёл бодро, ни на что не жалуясь. Доктора это несколько озадачило.

– Почему не просите воды, Ваше Высочество? Разве не хотите? Если уж мы умираем все от жажды, то Вам и вовсе тяжело. Вы посмотрите на бедного Романа Романовича – язык до земли, дышит тяжело и еле-еле перебирает ногами.

– Доктор, – произнес лениво Жарас, – я не слышу, как вода булькает у меня за спиной в посудине, и мне пить не хочется. Потерпим до первого кудука.

– Меня беспокоите Вы, уважаемый, дотяните ли до колодца?

– Вы наивный человек, какой же верблюд, житель пустыни Сары-Ешек-Отрау не способен неделями идти без питья?

– Получается, Вы нас обманули, Ваше Высочество?

– Нет, я не обманул вас.

В пустыне пить всем всегда хочется. Другое дело – кто сколько вытерпеть может. И тут уж мы, как вы выразились – «корабли пустыни» – герои положения. И помните, и знайте: «Восток – дело тонкое!»

На счастье путешественников, пески внезапно кончились. Перед сыщиками открылась обширная полупустыня. На глинистой

почве рос биюргун, мелкие полыни, среди саксаульников зеленели шаровидные и зелёные кусты тамариска. Однако, ни речки, ни единого дерева. И только ближе к вечеру показалась вдали одинокая юрта.

Уюрты почтенного Сарыбая

– Ну, вот, кажется, и доехали! – воскликнул доктор.

– Наконец-то мы на месте, – из последних сил тявкнул Роман Романович, высунув красный язык.

– Но где же Сюзанна? – забеспокоился доктор.

– Здесь я, доктор! Там, в жилище, похожем на гриб, есть люди и много воды... Поспешите.

Вскоре они достигли цели своего нелегкого путешествия.

– Саламат сызбе! – приветливо сказал хозяин юрты. – Давно гостей жду и, наконец-то, дождался.

– Как Вы, почтенный, узнали о нашем приезде? – спросил удивленный доктор.

– Очень просто: прилетела попить из родника саускашка. Поэтому и подумал, новость какую-нибудь принесет на хвосте. Хвост-то у неё вон какой.

– Это вы о нашей Сюзанне, уважаемый? Её зовут Сюзанна!

– Для Вас – Сюзанна, Морданна или ещё как, а для нас – это саускан. Значит – Саускашка. Так мы сорок зовем – саускан.

– Меня зовут Сарыбай. Здесь всё со слова «сары» начинается: пески – сары, ключ – сарыбулак, и сам я Сарыбай. Только вот беда – место это стало страшным – чабаны бояться его. Гурты стороной гонят. Некоторые называть стали не Сарыбулак, а Шайтанбулак.

– Понятно, и в России есть чёртовы ущелья. А вот Чёртова ключа – ни одного. И вообще, родники и ключики народ так не называет. Значит, здесь что-то очень страшное происходит...

Впервые в жизни доктор пил вкусный чай – по-казахски. Жена Сарыбая подавала его в широких пиалах. Круто заваренный со сливками чай пили с ароматными баурсаками. Бульон от бесбармака, бараньи косточки достались Роману Романовичу. О Сюзанне, и говорить нечего, впервые довелось отведать даже иримшик, приготовленный из молока со сливками...

Пользуясь случаем, доктор говорил с Сарыбаем только на казахском:

– Скажите, достопочтенный Сарыбай, что Вы знаете о гибели сайгаков или овец? Видели ли Вы убийцу?

– О, доктор, давно уже это случается. Аксакалы рассказывали, что непонятно как, но вдруг здоровые овцы внезапно падают и умирают. Делает это всё пустынный шайтан! Они видели его.

– Любопытно, – заинтересовался доктор, – что же он представляет собой?

– Ой-бай, страшный – рассказывали: жёлтые глаза, косматый, как баран, на голове козыи рога. Если кто увидит или кому сам в глаза

посмотрит – всё – умрёт сразу! Редко, но он приходит воду пить из ключа. И если посмотрит одному-другому барану в глаза или сайгаку, они тоже сюда приходят, бедняги и умирают.

– Да-а! – задумчиво произнес доктор, – суровая правда быстро обрастает легендами.

– Ой, нет, не прав ты, доктор. Сам знаю, видел, как шайтан убивает.

– Охотно послушаю, достопочтенный. Расскажите, как это было.

Сарыбай охотно начал рассказывать:

– Однажды, когда я молодой ещё был, за барханом караулил идущих с водопоя сайгаков. Один сайгак крупный был, с большими рогами и шёл прямо на меня. Я приготовил мултык, затаился за кустом чингиля, не дышал. Но вдруг сайгак пошёл в сторону. «Ах ты, шайтан тебя заведи!» – выругался про себя. Шайтан, однако, услышал меня. Сайгак сразу же повернул в мою сторону. И только хотел я выстрелить, как он вдруг остановился, сделал два-три шага и упал. Я подождал и пошёл к нему. Сайгак был мёртвый. Я сразу понял – он увидел самого шайтана, которого нечаянно позвал я. Очень я испугался и убежал, чтобы шайтан меня тоже не увидел. Чтобы в глаза не посмотрел. У меня уже были дети. Я не хотел, чтобы у них не было отца... Доктор, – обратился чабан, – не надо его дразнить только. Не-то погубит мою отару. Не надо навлекать беду.

– Что Вы, почтенный Сарыбай, мы найдём таинственного убийцу, накажем, будете нас благодарить.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Сарыбай, – может, тебе и скажу, а Саускашке – никогда! Всё это ерунда, не серьезно!

– Почему это я Саускашка? – стрекотала разгневанная Сюзанна. Она была оскорблена и, нервничая, вскидывала и опускала хвост.

– Чабан сплюнул и счёл ненужным о ней говорить, отвернулся и ушёл в юрту.

– Вы, уважаемый Сарыбай, не останавливаясь, стрекотала и кричала оскорбленная Сюзанна, – Вы, вы спасибо ещё скажете мне. Но я не посмотрю в Вашу сторону. А то – «Саускашка! Саускашка!»

– Успокойтесь, сударыня, Сарыбай не хотел Вас оскорбить. Всё просто: чабаны не любят сорок, замечу – простых сорок. Вы же не просто – птица, Вы, уважаемая, красивая и образованная... Мы все Вас любим.

Конечно, тёплые слова успокоили Сюзанну

На следующий день доктор и его друзья осматривали степной ключ – место водопоя, который назывался Сарыбулак.

Около ключика росла мелкая, сочная осока. Вода вулканчиками била из-под земли, вынося блестящие песчинки. Тихо и спокойно текла она – холодная, прозрачная... Но через версту терялась среди сухой выжженной земли. Но и этой воды достаточно было, чтобы утолять

жажду не только диким животным, но и овцам. По словам Сарыбая, – на водопой приходили сайгаки, волки, лисы, барсуки. Прилетали часто стаи бульдуруков, а также орлы, грифы. В засушливые годы, преодолевая страх, оставались на летние пастбища чабаны с отарами, кочующие с дальних отгонов.

Сыщики идут по следу

– Сюзанна! – обратился доктор. – Будьте добры осмотрите местность. Я с большим вниманием выслушаю Ваши наблюдения.

– А Вы, Роман Романович – тоже, ... к делу. Опыт Вас не подведет. Сами знаете что делать.

Доктор обошёл луговину около ключа... Попробовал на вкус воду... Вдали вдруг появилось облачко пыли. Доктор спрятался и вскоре был свидетелем, как стадо сайгаков подошло к водопою. Измученные жаждой, опустив носатые морды, животные жадно пили студёную воду. Они отфыркивались, отгоняя друг друга. Сайгаки не заметили, что за ними наблюдают, и спокойно вернулись в степь.

Единственное, что попало доктору на глаза, так это старые, обесцвеченные кости около родника. Доктор тут же достал из сундучка «Энциклопедию пустынь» и сравнил описания этих костей. Оказалось, – это были кости сайгаков – как молодых, так и старых, а ещё и останки овец.

Как опытный сыщик, он всё что видел, записал в полевой дневник, фотографировал ключ и всё, что его окружало. Однако, ничего, что могло бы привлечь внимание – пока не было... Всё было обычно, как у каждого пустынного ключика или кудука.

Сюзанна принесла несколько перьев неизвестных птиц.

– Видела кости и клочки шерсти. Они далеко. Только через полдня туда можно дойти...

– Что, сударыня, Вы ещё видели около тех костей? – спросил доктор.

– Около одного скелета, – сказала Сюзанна, – череп, около другого – ключьями вот эта шерсть, – она отдала доктору клочок светлой шерсти. – И ещё там два места есть, где тоже кости валяются.

– Прекрасно! – похвалил доктор. – Так всё и запишем.

Он сделал ещё одну запись в полевой книжке.

– Слушаю и Вас, Роман Романович, – обратил взгляд свой он на коллегу, который всё ещё не мог прийти в себя, тяжело дыша.

– Доктор, я тоже нашёл кости сайгака. Он не убит охотниками.

– Интересно! Как же Вам удалось узнать это?

– Внимательно изучив кости, я не уловил ни капли запаха дробы или пули.

– Может, погиб он от истощения. От жажды, – сомневался доктор.

– Нет, он был в хорошем состоянии. Он погиб даже очень жирным.

– Это совсем интересно?

– Да, доктор, на том месте, где он лежит, земля сильно пропиталась жиром. Запах этот сохранился, хотя место много раз заносило песком, пылью, снегом...

– Что ж, друзья мои, самое время приступить к анализу всех добытых вами наблюдений. И, опираясь на собранные предварительно факты, мы можем глубже уже оценить происходящее.

– Итак, – сказал доктор, закинув за спину руки, он начал ходить большими шагами вокруг юрты Сарыбая... Роман Романович и Сюзанна терпеливо переждали время, пока думал доктор. Как обычно, долго ждать не пришлось.

Так вот, друзья мои, начнём с фактов собранных Сюзанной: первым делом, Роман Романович, нам всем необходимо сходить к тем останкам, которые нашла сударыня и внимательно изучить их. Мы должны установить, кому они принадлежали, и по возможности установить причину гибели их хозяев. По Вашему факту, уважаемый, – обратился он снова к Роману Романовичу, – сайгак погиб, судя по всему, в конце лета или начале осени.

Роман Романович вскинул голову, округлил глаза. Он всегда удивлялся, как это он, доктор, сам не видел, а говорил всё правильно. У него такой чуткий нос! Никто не может знать, когда это случилось, а доктор, в толстых стеклах очков, может видеть то, чего на самом деле не видел?

– Дело вот в чём: кочующие к северу – весной и на юг Казахстана – осенью, сайгаки отличаются упитанностью. Весной они худые, в конце лета, под осень набирают жир. Вы сказали, Роман Романович – животное было упитанное. Это значит – травы были зрелыми, и животные быстро набирали вес. Сайгак погиб осенью, а это проливает свет на кровавые следы тайного убийцы-невидимки. Нам предстоит узнать кто он – шайтан с жёлтыми глазами?

– Я предлагаю, – заговорил доктор, – немедленно отправиться к останкам. Там и будем решать – что и как?

У команды следопытов никогда слова не расходились с делом. Через некоторое время, с походным сундучком и друзьями, доктор был в пути.

– Роман Романович, – обратился доктор, – уж не блох ли Вы, уважаемый, наловили. Всё почесывается. Знаете ли, пустыня с первого взгляда кажется мертвой, безжизненной. На самом деле в этих древнейших ландшафтах планеты полно не только скорпионов, фаланг,

пауков, но и клещей, а больше ещё – блох. Так что позвольте, уважаемый, осмотреть Вас?

Роман Романович согласно вильнул хвостом, завалился на бок, и, раскинув в разные стороны лапы, подставил брюхо в полное распоряжение доктора. Надо заметить, Роман Романович очень любил, когда ему почёсывали живот или щекотали за ушами. Это для него было большим удовольствием. Будто из самых близких родственников его были те, которые принадлежат семейству хрюкающих.

Доктор достал лупу и самым тщательным образом обследовал Романа Романовича. «Шерсть безупречно чиста и ничего кроме зернышка какой-то травки», – сказал доктор. Никаких блох!

Они дружно устремились к месту, где найдены кости жирного сайгака. Доктор обследовал останки рогатого самца и сделал несколько снимков. Выводов доктор никаких не делал, так как они спешили обследовать скелеты, которые обнаружила Сюзанна. Там, кроме костей, был череп, и это больше всего привлекало доктора.

И они тут же направились к тем костям, где был череп. Среди редкой травы лежали выбеленные солнцем кости. Если бы не череп, сразу не узнать, кому они принадлежали. Да ещё кое-где светлели ключья сайгачьей шерсти.

Доктор как серьёзный детектив, не спеша, осмотрел кости, место гибели, сфотографировал всё. Достал лупу и тщательно изучил череп. Пинцетом извлек травинки, застрявшие между коренных зубов и, определив их по «Энциклопедии пустынь», – воскликнул: «Всё правильно, как я и думал – сайгак погиб зимой».

– Почему зимой? – спросил Роман Романович.

– Они замерзли или умерли от голода? – поинтересовалась Сюзанна.

– Нет, уважаемая, во-первых, шерсть на них светлая и длинный, зимний мех. Мне представляется следующее: вот здесь, – он показал на голую, слегка взрытую землю, где лежали останки погибших зверей, – была колония песчанок. – Доктор заметил совершенно непонимающий взгляд Романа Романовича, – сейчас поясню, – сказал он, – но прежде, сударыня, – обратился к Сюзанне доктор, – во-он в ту рожицу саксауловую слетайте и принесите несколько веточек. А вы, Роман Романович, потрудитесь покопать вот в этом месте и расшифруйте потом, что ваш великолепный нос интересного здесь нашёл? Я похожу, посмотрю ещё – что и как?

Пока доктор ходил, пока что-то читал в своих справочниках и энциклопедиях, Роман Романович, фыркая и чихая, сообщил звонким лаем:

– Доктор, где мы стоим – в норах густой запах зверьков. В помете их много остатков полыни и других трав...

– Прекрасно! – воскликнул доктор и взял тонкие веточки саксаула, которые уже принесла Сюзанна. Он также внимательно осмотрел их через лупу и снова воскликнул:

– Отлично!

– Теперь я могу сообщить вам, уважаемые коллеги, следующее, только слушайте внимательно:

– Однажды в зимнюю стужу, возможно, ночью, недалеко отсюда кормилось стадо сайгаков. Они обкусывали потрепанные ветром стебельки полыни. Это значило – дело шло к концу зимы. Сайгаки вынуждены были доедать уже битые и потрепанные травы. Что подтверждают эти остатки пересохших ещё на корню стеблей полыни, которой, как видите, здесь много. К пасущемуся стаду стали с подветренной стороны подкрадываться их вечные преследователи и враги заклятые – волки. Трудно сказать, сколько было хищников – пара или семья? Они зашли с той стороны, – показал он на заросли саксаула.

– Как Вы узнали? – спросил, недоумевая, Роман Романович.

– Просто, Роман Романович. Видите – это единственное укрытие для хищников, а потом ветры здесь преобладают юго-восточные. Это видно на каждом деревце саксаула: с ветреной стороны ствол светлее и более гладкий. Он отполирован песчинками. Ну, в самом деле, Роман Романович, не пойдет же такой умница и хитрюга, как волк тогда, когда ветер дует от него на сайгаков. Как вы думаете?

– Да, согласен, доктор.

– Но самое интересно то, что волки пугнули их вот сюда – в ловушку!

Сюзанна и Роман Романович переглянулись, ничего не понимая. Никакой ловушки, о которой говорил доктор, они не видели...

Песчанки – союзники волков

– Сейчас всё объясню. Здесь, где сайгаки стали добычей, была старая колония песчанок – грызунов пустынных. За многие годы жизни они сильно подрывают землю бесчисленными, подземными ходами. Так что в них легко провалиться. Теперь представьте, волки, преследуя сайгаков, погнали их на место поселения песчанок. Бедные животные, не подозревая, с разбегу увязли в перекопанных песках. Как это и было задумано преследователями. Попавшие в такую ловушку копытные становились легкой добычей хищников.

– Доктор, а зачем ве-то-чки-чки-чки? – прострекотала Сюзанна. – На этот раз её, словно заело на последнем слоге.

– Как объясняется в книгах, – он постучал по сундучку, в котором они лежали, – эти самые песчанки охотно поедают весной и зимой веточки саксаула, так как других кормов не остается. В энциклопедии написано, что они сильно обгрызают тонкие ветки саксаула, иногда даже дерево погибает из-за них. На ветках, которые вы, сударыня, изволили принести – есть такие погрызы. И наш Роман Романович тоже подтвердил бывшее присутствие здесь колонии песчанок. Это значит – зверьки уже после перекочевали к тем саксаульникам, где и устроили свою колонию. Эту, где погиб сайгак, они покинули. Поэтому для убедительности, прошу Вас, Роман Романович, ещё покопайте, и мы найдем хотя бы один череп этого грызуна в оставленной колонии. Нам нужны доказательства.

Роман Романович с охотничьим азартом взялся за работу, и пока доктор укладывал вещи в сундучок, он уже подал голос, что нашёл какую-то кость. Доктор поспешил на помощь. Но Роман Романович держал старый, потрескавшийся рог сайгака.

– Ну вот, видите, друзья мои, здесь и прежде погибали эти древние животные – бывшие современники мамонта и шерстистого носорога. Песчанки не ведали, что рытьем нор, уготовили гибель возможно не только этим, но и десяткам других сайгаков.

– А теперь, Роман Романович, давайте вместе поищем косточки или черепа бывших хозяев этого поселения.

Доктор ещё не окончил разговора, как подошёл Роман Романович с маленьким, не больше спичечного коробка черепом. У него жёлтели впереди два изношенных резца.

– Вот и доказательство! Это и есть череп полуденной песчанки – «*Meriones meridianus*»! – добавил на латинском доктор. – Теперь продолжим наше расследование, сударыня, покажите, где находятся кости остальных.

Следопыты направились к другим останкам животных, обнаруженных Сюзанной. Остановились они около куста тамариска, раскинувшего пышные, мохнатые ветки. На вершине его красовалась сиреневая цветущая кипень.

– Никогда не думал, что в пустыне может быть такая красота! – воскликнул доктор. – Однако, нам предстоит выяснить сначала – сайгаки ли это? Вооружившись лупой, доктор искал шерстинки на костях погибших животных. Осмотрев все кости, он с той же тщательностью обследовал каждую трещину в глинистой почве. Но ни одной – ни шерстинки, ни волосинки.

– Да, друзья, не зная, с кем и с чем имеем дело, не вправе мы делать заключение: сайгаки ли это?

Доктор приуныл. Старые, обветренные и обгрызенные кости молчаливо белели около куста тамариска. Странно было, что скелеты

были целы, а черепов не было. Кому принадлежал скелет, доктор не решался сразу сказать. Главное, он понял, – волки погибшего животного почему-то не расташили...

– Доктор! – воскликнула Сюзанна, – я нашла в кусте гнездо какой-то птицы!

Доктор Филипп поспешил к кусту тамариска. У основания, в гуще ветвей, светлело старое гнёздышко, давно уже покинутое. Доктор осторожно снял, осмотрел его: построено гнездо было из обветшалых прутьиков травы и выстлано светлой шерстью. Доктор направил лупу на шерстинки и обрадовался: сомнений не было: гнездо выстлано зимним пухом сайгака.

– Вот видите, – обратился он к коллегам, – птичка использовала зимнюю шерсть сайгака. Это значит погиб он зимой или поздней осенью. Как и те, с которыми уже имели дело.

Он извлёк из сундучка свою энциклопедию и стал искать название птицы по определителю гнёзд.

– Пустынная славка! – сказал он. – Это её гнёздышко. Гнездовая территория славных пичужек небольшая, шерсть птички собирали именно здесь, около гнезда. Итак, перед нами останки ещё одной жертвы. Нам предстоит теперь выяснить, что произошло здесь, и тогда мы найдём убийцу.

Доктор несколько раз щёлкнул фотоаппаратом. Сыщикам предстояло установить причину гибели этого сайгака. Если первый, как они установили, пойман был волками, то этого они не убивали. Ответа на этот непростой вопрос пока не было.

Следствие продолжается

– Утро вечера мудренее, – сказал доктор, – пора на отдых, в юрту. Завтра думать и искать будем пустынного шайтана, убивающего животного только за то, что оно посмотрело ему в глаза.

Снова Сарыбай рассказывал о страшном шайтане, который живёт везде и нигде. И говорил, что сердить его никак нельзя – шайтан тогда отравит воду в роднике, убьёт спящего человека или постепенно уничтожит скот.

– Доктор, не надо следить за шайтаном. Ты уедешь, он останется. Меня преследовать будет за то, что ты гостем моим был.

– Уважаемый Сарыбай, бояться не следует. Мы обязательно найдем не шайтана, а того, кто убивает овец и сайгаков – настоящего убийцу.

– И Вы – Сарыбай, снимете шляпу ещё и скажете мне спасибо, – прострекотала Сюзанна.

– Доктор, что она сказала? – спросил Сарыбай.

Доктор пересказал заявление Сюзанны.

– Нет, Саускашка, Сарыбай никогда никому не кланялся. Но ты мой гость, и я отношусь к тебе хорошо. Шляпы я никогда не носил. Носят шляпы те, кому кланяться нужно.

Сюзанна весело застрекотала, ей было смешно слушать чабана, который не хотел смириться с мыслью, что он может когда-либо «снять шляпу» перед ней.

В эту ночь доктор работал и к утру проявил фотопленки, отпечатал фотографии, которые сделал в пустыне – с того времени, когда сел на Жараса. Закончив работать с фотографиями, доктор решил, что и, действительно, утро вечера мудренее и стал снова внимательно изучать проявленное. Просматривая лик пустыни, запечатленный на фотографиях, ничего особенного, что привлекло бы внимание, заметить не удалось. Лишь барханы, саксаул. Поэтому казалось – фотографии походили одна на другую. Внимательно он просмотрел и те, на которых были останки погибших сайгаков. Доктор потерял последние надежды. Был огорчен. Однако, он верил в удачу, особенно, когда перед ним стояла цель. Он верил – в удачу, как всегда. Сюзанна и Роман Романович понимали, что следы убийцы не найдены, хотя знали – они где-то рядом. Поэтому вопросов доктору не задавали.

– Скажите, уважаемый Сарыбай, – обратился доктор к хозяину юрты, – когда же Ваш, так называемый шайтан, больше всего появляется здесь и творит злые дела.

– Как когда? – переспросил чабан. – Под осень всегда, когда внуки уезжают в село, когда время идти в школу.

– Замечательно! – произнес доктор. – Он чувствовал, что идёт вновь по горячему следу убийцы. Но ему этого мало было, и он решил теперь ухватить пустынного дьявола за хвост:

– Сарыбай, – скажите мне, а когда гибнут животные? Ночью, днём или...?

– Днём, доктор, только днём, когда пасутся или когда идут на водопой и обратно.

Доктор всё больше и больше обретал уверенность, что он уже держит этого шайтана за хвост. Ещё немного и наденет он на него наручники, развенчает его силу, и тогда шайтан-невидимка станет прозрачным, как стёклышко.

– Скажите, уважаемый, – продолжал он, – а что, перед самой гибелью бедные животные отдыхают, пасутся или...?

– Доктор, они встречают шайтана, когда бегут или идут. Я же сказал, когда гоним на водопой или обратно. Получается – они бегут навстречу своей смерти.

Тут доктор как не старался, но ничего, что наводило бы его на окончательный след не «увидел». Он с сожалением отпустил хвост таинственного убийцы, но тайно погрозил ему кулаком. Шайтан снова вырвался из цепких его рук. Он оставался на свободе, а это значило, что доктор и его друзья продолжали работать и думать. «Он и, правда, как дьявол – неуловим!» – рассуждал доктор и, сложив руки за спиной, ходил вокруг юрты: «Нам теперь понятно, что козни творит он в конце лета и в начале осени, днём, когда животные бегут или идут. Это не так уж и мало».

Доктор чувствовал, как снова в его руках трепыхается мохнатый хвост шайтана...

По горячему следу

Доктор снова пересматривал фотографии. И на этот раз удивлён был тем, как это так – он старый и опытный сыщик не обратил внимания на окружение места, где лежали кости сайгаков. Там, около них, росли кустики ковыля – степного растения. На одной фотографии выросли вокруг костей целые поляны ковыля!

– Что бы это могло значить? – доктор снял шляпу и, как мог, крепко почесал затылок. Тайна, как казалось, сама теперь стучится в его сознание, но так просто не открывается.

– Сюзанна! – крикнул доктор, пожалуйста, сейчас же, немедленно осмотрите окрестности. Мне нужно знать, где встречается это растение. – Он показал ей ковыли на своих фотографиях и скучающая Сюзанна с радостью приняла предложение. Замелькали темно-белые крылья: она кругами уходила от юрты. Роман Романович тем временем ждал тоже какого-нибудь указания. Но каждый раз, как только он вставал и шёл, тут же садился и чесался.

– Роман Романович, никак Вы чешетесь?

– Что Вы, доктор, просто колючка покалывает на груди.

– Ничего, дружок, потерпите, скоро дело закончим и займемся тогда собой, – ласково сказал доктор.

– Доктор! – прострекотала Сюзанна. – Я нашла эту траву, много!

– Где ж, сударыня, изволили найти?

– У родника только, там много её. Больше нигде...

Доктор достал все фотографии, что сделаны были с самого начала. Их было много, но нигде ни одного султана ковыля. И доктор догадался, что пустыня не его место. Оказывается, он на песках здесь не растёт.

И вдруг доктор воскликнул:

– Эврика! Эврика! Эв... И очки его полетели куда-то в сторону.

Разгадка, казалось, пришла. Доктор уверен был, что ещё ни одному из его коллег, – знаменитых сыщиков, не могла такая мысль прийти в голову.

– Это он, он! Он виноват, – тыкал он пальцем в фотографии, на которых были отсняты кустики ковыля, растущего вокруг родника. – Смотрите, сударыня, сюда! – Доктор тыкал пальцем в фотографии, однако убедился, что сам ничего не видит. – Вот беда, не получилось резкого изображения. Да и, вообще, я не вижу никакого ковыля. Чудеса – были и исчезли с фотографии...

Доктор суетился и возмущался.

– Что случилось, доктор? – спросил Сарыбай.

– Уважаемый, Вы оказались абсолютно правы, всё это проделки шайтана! Понимаете, только что на этих фотографиях были кустики ковыля и, прямо на глазах исчезли. Это игра нечистой силы! Иначе, куда бы они подевались. Настоящая чертовщина!

– Возмущенный проделками нечистой силы, доктор ходил вокруг юрты и хлопал от досады себя по бокам:

– Вот, только что были на фотографии ковыли...!

– На шум подоспел Роман Романович и, покрутившись у юрты, поднес доктору его очки.

– Это что ещё за очки? – спросил доктор.

– Это Ваши, вы уронили их...

– Вот чудеса, – сказал доктор, – спасибо Роман Романович. Вот теперь вижу – и ковыли есть на фотографиях.

Смерть под облаками

Стоял прекрасный день. Над пустыней сияло нежно-голубое небо. Редкие травинки колыхал едва заметный ветерок. В далекой синеве появились легкие облака и дружным караваном медленно плыли куда-то вдаль.

– Доктор, – окликнул его Сарыбай, – смотри, на горизонт, смотри на небо. Видишь, птицы – это кумаи появились. Падаль нашли, торопятся к ней. Опять шайтан сайгака убил.

– Откуда они? – изумился доктор, – за все эти дни ни одного грифа он не видел.

– Эти, с голыми шеями, – пояснил Сарыбай, – всегда кружат над пустыней, только высоко, их плохо видно. Мы редко смотрим на небо. Они всё видят. Если шайтан убил сайгу, они летят с дальних мест – от гор Тарбагатай и Тянь-Шаня, от Алтая и из степей Сары-Арка.

– У них такое сильное зрение? – с недоверием спросил доктор.

– Зрение у них хорошее, но когда кружат далеко один от другого, всё время следят друг за другом – не нашёл ли сосед добычу? Если один нашёл, – складывает крылья и камнем падает к ней. Его видит соседний и тоже туда. Так они слетаются с очень больших расстояний – за многие сотни километров. Быстро съедают добычу, а когда последние, с самых дальних мест прилетают, им достаются только кости. Но и кости они как баурсаки глотают.

– Чего ж мы медлим? – воскликнул доктор. – Удача сама в руки идет. В путь, друзья мои! И сыщики направились туда, за барханы, где среди редкого саксаульника садились грифы. Они спешили к этому месту, чтобы от погибшего сайгака хоть что-то осталось, а это приблизит разгадку тайны убийцы-невидимки.

Доктор шёл и в бинокль наблюдал за громадными хищниками: одни летели к добыче, другие, насытившись, медленно и нехотя поднимались на широких крыльях и так же медленно уплывали к далеким синеющим хребтам. И вдруг доктор заметил, как один из грифов – неестественно часто, замахал крыльями, словно вниз тянул его невидимый груз. Наконец, гриф сдался и камнем упал на землю.

Вот этого уж учёный никак не ожидал.

– Друзья мои, случилось ещё одно несчастье, и мы теперь должны оказаться там как можно скорее. Они стали быстро приближаться к месту, где упал гриф.

Вскоре сыщики увидели на песке большую птицу. Она лежала, раскинув тронутые светлой рыжиной крылья.

Доктор сделал снимок, и стал внимательно осматриваться. Гриф был целым и невредимым.

Доктор чесал под шляпой лысину, но понять, отчего погибла птица, не мог. Внешних причин – никаких. Тогда он взял лупу и внимательно осмотрел под перьями всё тело грифа.

– Ни-че-го! – сказал он с досадой.

– Да что же происходит? Что же это за убийца так профессионально действует? Неужели Сарыбай был прав? Чертей на свете нет, а гибель есть...

– Нам необходимо вскрыть его, – сказал доктор и вооружился скальпелем.

Теперь, пользуясь лупой, со всей тщательностью доктор изучал все органы грифа. Отравлений не было. Да и как это могло случиться с этим, когда другие, а их было более десятка около

погибшего сайгака, – все живы и здоровы. Доктор с большим вниманием осмотрел все органы хищника. Всё было в порядке, птица была упитана, и причину смерти оказалось найти невозможно. Последним доктор осмотрел сердце. Он вытирал руки, чтобы уйти ни с чем. Как вдруг Сюзанна застрекотала радостно:

– Эврика, доктор! Эврика!

– Вы это к чему? – огляделся доктор.

Роман Романович скучно чихнул и покорно опустил черные уши на усталые глаза. Он никак не прореагировал на заявление Сюзанны.

– Доктор, нашла причину!

– Так чего ж Вы медлите, сударыня? Говорите же!

– Доктор, вот она! – Сюзанна подскочила к сердцу грифа и приоткрыла клювом разрезанное сердце и выдернула из него что-то.

– Вот вам, доктор, смотрите!

– Доктор взял в руки что-то твёрдое. Посмотрел, но ничего не мог понять. Вооружившись лупой и пристально осмотрев неизвестное тело, извлеченное из мышцы птицы, он понял – к его пальцам прилипло острое зёрнышко ковыля. Доктор тут же вспомнил, как такое же зёрнышко оттирал он у Романа Романовича, когда пытался осмотреть – не наловил ли тот блох?

– Всё понятно: действительно – «Эврика!», – повторил доктор. – Вы молодец, Сюзанна. Если бы не Вы, мы так и мучались бы в безуспешных поисках таинственного убийцы. Вот он, оказывается какой «Шайтан»! Всего лишь – ковыльное зернышко!

Они осмотрели остатки погибшего сайгака: из желудка его вытекла и намочила песок вода. Очевидно, было, что зверь шёл с водопоя, где рос ковыль.

– Доктор, а почему же погибла птица, она же не ест ковыль? – озадачился Роман Романович.

– Вопрос по существу. Конечно, грифы не едят травы, – стал пояснять доктор, – но на днях стая грифов также нашла погибшего сайгака или овцу. Зерно, погубившее животное, естественно находилось в сердце. Когда оно доходит до сердца – наступает почти мгновенная смерть. И это бедное сердце досталось этому грифу. Он проглотил его вместе с зёрнышком ковыля. И коварное семя проткнуло ему зоб или желудок, так как желудочный сок грифа не способен переварить его – только мясо и кости, а ковыльное семя пошло гулять, пока не проткнуло сердце. Случилось это у нас на глазах. Смерть птицу настигла прямо под облаками.

Сарыбай снимает «шляпу»

О сделанном открытии доктор рассказал и Сарыбаю:

– Теперь, уважаемый Сарыбай, – обратился торжественно доктор к чабану, – Вам бояться некого. Нет здесь ни шайтана, ни его мести. Всё будет хорошо! Мы знаем убийцу, который приносит несчастье сайгакам, овцам...

– Вот, уважаемый Сарыбай, смотрите, и доктор показал тонкое, с игольчатым носиком зерно ковыля, по краям которого торчали мохнатые усики. Он воткнул зерно в песок и плеснул на него воды. И вот чудо: усики зерна ожили, они разошлись в стороны и, упершись в землю, начали вкручивать зерно глубже в песок. Сарыбай не скрывал своего удивления:

– Ой-бой, оно живое? Вот – шайтан настоящий, а не зерно!

– Вот именно, – пояснил доктор, зерна ковыля и есть те ужасные шайтаны, которые убивают сайгаков, баранов, – доктор извлек из банки проткнутое сердце кумая и показал всем.

– Вот так, Сарыбай, этот «шайтан» убивает разных животных. Сегодня от него пали не только сайгак, но и гриф, – доктор обстоятельно пояснил удивленному чабану, как семя ковыля вкручивается в тело своей жертвы, а потом – либо застревает в мышцах, либо доходит до самого сердца, протыкая его, как иглой.

– Ой-бай! – удивлялся Сарыбай. – Как доктор смог узнать это?

– Если бы не Роман Романович, если бы не Сюзанна, мне одному никогда бы не справиться с непростой задачей, – доктор посмотрел на Сюзанну и добавил:

– Благодаря острому зрению, пытливому уму её, мы в самый последний момент обнаружили таинственного убийцу. Если бы не Сюзанна, мы так и не разгадали бы тайну убийцы, – И доктор ещё раз показал зерно, которое проткнуло сердце кумая.

– Саускашка! Я снимаю перед тобой шляпу, которой у меня нет, – сказал Сарыбай и, сдернув с головы потертую кепку, шутливо поклонился.

– Ну, что я говорила?! – прострекотала счастливая Сюзанна.

– Теперь, почтенный Сарыбай, Вам предстоит работа: необходимо у водопоя уничтожить ковыль. Случайно сюда занесенный кем-то, он столько бед натворил... И на следующий год весной, когда появятся всходы, нужно избавиться от них. И тогда с «шайтаном» будет покончено навсегда...

– Обязательно сделаю, доктор, пообещал Сарыбай, – бараны дороже, чем этот шайтан, который ковылем называешь.

– Нам, друзья мои, – сказал доктор, – пора поблагодарить Сарыбая, его супругу за хорошее гостеприимство и в путь – на станцию. Вероятно, заждался нас высокочтимый Жарас.

Долг платежом красен

После дружеского чаепития, упаковав походный багаж на Жараса, сыщики отправились в обратный путь на станцию. Но вскоре же произошло совершенно непредвиденное: вдруг Роман Романович завалился на бок и жалобно заскулил:

– Ой! Ой, доктор, мне что-то плохо. Колет под сердцем.

Совершенно не могу идти. Наверное, я умру-у...

Доктора это очень обеспокоило. Он внимательно осмотрел четвероногого друга, но ничего опасного не нашел

– Я не сомневаюсь, уважаемый, – сказал доктор, – Вы где-то подловили зерно ковыля. Это очень опасно для жизни, Роман Романович. Вам необходим покой. Садитесь на высокопочтенного Жараса и поезжайте вместе со мной. Только бы до больницы. Сделаем рентген Вам и всё поправим. Может, придется делать операцию, но Вы не переживайте. Мужайтесь, друг мой! Доктор вспомнил, как несколько дней назад Роман Романович жаловался, что чувствует, как колет что-то в груди. Поэтому в своем диагнозе доктор не сомневался.

– Опуститесь, Ваше Высочество, – обратился он к Жарасу, мы поедем вместе с Романом Романовичем.

Так и сделали: усадили на верблюда больного Романа Романовича, так как ему противопоказано было идти или бежать. За спиной доктора сидел теперь ещё и Роман Романович.

Караван тронулся к станции.

– Дорога домой желаннее и короче. Поэтому Жарас шёл быстро и ходко. Несколько раз Роман Романович просил, чтобы Жарас опустился на песок, и Роман Романович, стоная и ковыляя, доходил до ближнего кустика, поднимал лапку и с такими же болями и приступами, хромя, возвращался. Так повторялось много раз. Жарас не скрывал своего негодования. Он ревел и бранился на этого пса-коротышку, с чёрными ушами и носом. Но работа есть работа, и Жарасу пришлось терпеть больного Романа Романовича.

Наконец вдали показалась станция. Прогумел железно-дорожный состав, пахнуло паровозным дымком. И тогда Роман Романович вновь попросил, чтобы Жарас лёг на песок. По просьбе доктора Жарас, конечно, подобрал под себя длинные, нескладные ноги и в который раз

опустился на песок. Но Роман Романович попросил, чтобы верблюд положил на песок ещё и шею.

– Я очень болен, – говорил он жалобно, – и может это моя последняя просьба...

– Ваше Высочество, – попросил доктор Жараса, – будьте любезны и положите на песок Вашу умную, гордую голову. Может, больной хочет с Вами попрощаться.

Пока Жарас укладывал громоздкое тело и голову на песок, доктор достал платок. Ещё немного бы и слезы невыразимого горя брызнули бы из его глаз. Ему было жаль очень своего друга, так нелепо заболевшего вдруг.

– И тогда Роман Романович соскочил со спины Жараса и сказал ему прямо в ухо:

– Когда мы ехали в пустыню, ты – Ваше Высочество, выдурил всю воду у нашего доктора. А ещё верблюд называется. На сделанное тебе замечание ты нагло ответил, что такова, мол, жизнь и «восток – дело тонкое». Теперь скажу я: жизнь действительно такова, как ты сам сказал. Правда и то, что «восток – дело тонкое», но ты забыл другую, не менее нужную поговорку: «Долг платежом красен». И ещё скажу, а ты запомни, что в наше время вот такими гордыми и тупоголовыми, как ты, управляли и управляют такие, как я! Ваше Высочество!

– Сказав это Жарасу, Роман Романович весело припустил к соседнему кусту и в доказательство своего здоровья и бодрости, пуще обычного задрал заднюю лапку на рыжий куст верблюжьей колючки и, отбрасывая задними лапами песок, весело залаял.

Недоумевающий Жарас гордо и томно смотрел свысока, но взгляд его, как можно было заметить, не выражал прежнего презрения и надменности. Ему было стыдно перед доктором, а за себя обидно.

А Роман Романович лаял, как всегда после очередной криминальной истории, когда поиск их успешно заканчивался.

Счастливая встреча

Солнечным днём, в майских ивах пересвистывались вернувшиеся с дальних зимовок златоперые иволги и пунцово-красные чечевицы... Цвела черёмуха. На позеленевших полях били перепела. Доктор Филипп с друзьями отдыхали у Светлой речки. Чуть медлительный Роман Романович спал под кустом, а беспокойная Сюзанна, искупавшись, сушила перья. Она встряхивала крыльями, трясла хвостом, рассыпая синие искры. В длинных, полосатых трусах, соломенной шляпе и с

пёстрым галстуком на голой груди лежал на песке доктор, просматривая свежую газету.

Красота-то какая! – отложив газету, воскликнул он.

– Друзья мои, сегодня мы ничего не будем делать, только отдыхать и отдыхать, как это серебристое облако, – показал он на небо, – как те дремлющие горы, – и указал за речку, где синели и белели покрытые снегами вершины.

Роман Романович, услышав слова доктора, открыл глаза и посмотрел на плывущее пушистое облако, на серые горы, но ничего интересного в них не увидел. Облако как облако, горы как горы, как всегда было и в тот день.

Выставив острые колени и отставив чуть назад такие же острые локти, доктор внезапно вскочил и замер, обратившись вслух.

«Чего он?» – подумал Роман Романович, на него глядя. Доктор продолжал стоять неподвижно в таком положении... «В человеке, как и в собаках, – подумалось Роману Романовичу, – много есть чего от настоящих охотников. Может, доктор проголодался, почуял в кустах дичь и теперь охотится?»

Доктор, действительно, находился в позе охотничьей стойки собаки: он стоял в нелепой позе, стараясь не дышать. Он боялся даже шелохнуться.

Роман Романович впервые видел в таком положении его тшедушную фигуру. Любопытство окончательно одолело его, и он поднял чёрное ухо. Оказывается, доктор слушал торопливое щебетание какой-то пичужки, которая скрывалась в гуще цветущей черемухи. В трепетной, торопливой песенке слышны были разные голоса птиц, какие-то шумы, легкий скрежет, далекий смех и даже кошачье мяуканье.

Наконец, птица умолкла. Доктор расслабился: поправил очки, и почесал ногу, на которой сидел кусачий овод.

– Значит, охота сорвалась, – подумалось Роману Романовичу.

– Друзья мои! – сказал доктор, – вы обратили внимание на эти чудные звуки маленькой певуньи, которая рассказала в своей песенке, как над стремительными ручьями вызванивают кулики-перевозчики, как высвистывают они своё «пить-пить...» Интересно получается: живут по берегам рек и высвистывают одно и тоже, будто и, вправду, им хочется пить. В песенке этой малышки прозвучал печальный голос «пью-пив-пив» – это посвист малого зуйка. Куличка, тоже живущего по галечникам и песчаным косам.

Доктор обратился к своим друзьям:

– Это значит, что птичка-пересмешница воспроизводит голоса тех других птиц, которые живут около неё.

Невидимая певунья вновь защебетала на разные голоса.

– Слышите? Наша певичка крикает уже уткой, у которой разорили гнездо. А это слышим в её исполнении райский посвист иволги, чудное кваканье лягушки и прекрасную «руладу» коростеля.

Роман Романович слушал доктора, прислушивался к неизвестной пичужке и держал напряженно поднятое ухо. Ему трудно разобраться было: кто же это кричит или свистит. Сюзанне, конечно, проще: она-то разбиралась в голосах птиц и кваканье лягушек. Одно не понятно было, как это все эти птицы и лягушки кричали и свистели на одном кусту, рядом. Она всё слышала, но почему-то никого не видела и тоже была немало удивлена. Как так – столько голосов и никого не видно!?

Из кустов послышался пронзительный клич мелкого соколка-пустельги, гнездящегося обычно в скалах. Роман Романович снова наострил ухо:

– Откуда здесь скалы?

Доктор поднял палец:

– Слышите, друзья мои, отдалённый лай?

Роман Романович не выдержал: он вскочил, жадно втянул носом воздух, но тоже – никакого запаха. Все было понятно. Это сердило и даже злило его.

– Роман Романович, не волнуйтесь! – засмеялся доктор. – Я всё объясню. Никаких загадок. Ваш чуткий нос ни сколько не подводит.

В это время откуда-то из поднебесья послышался воинственный клич орла. Сюзанна от страха спряталась за доктора.

Глядя на своих друзей, доктор смеялся так, что с его носа сползали очки, и съехала набок шляпа.

Наблюдая, как хохочет доктор, Роман Романович и Сюзанна смутились ещё больше. Они ничего не понимали: откуда здесь взялись эти знакомые голоса?

– Давайте вернёмся домой», – в один голос сказали друзья доктору Филиппу...

А вокруг, вокруг всё было по-прежнему: светило ласковое солнце, плыли пушистые облака, звенела вода и томные ивы дремали, распустив локоны ветвей.

– Внимание, друзья мои! Вы слышите, как далеко-далеко трубит слон?

Но это невозможно! – негромко прорычал Роман Романович.

В том-то и дело, – поддержал доктор.

А совсем рядом – мяукала кошка. От страха у Сюзанны остановилось сердце. В глазах появился ужас. Она помнила ещё того, нахального, рыжего кота, от которого спали её доктор и Роман Романович. Она хотела даже спрятаться снова за доктора.

– Ну, вот видите, какие чудные голоса выдает «живой магнитофон». Так Филипп назвал поющую пичужку. А живой «магнитофон», не переставая, кудахтал, визжал поросёнком и блеял испуганной овцой.

– Я понимаю ваше состояние. Мой долг рассказать вам о «живом магнитофоне». И доктор рассказал своим друзьям все по порядку. Они узнали, что чисто так и точно передаёт разные звуки и голоса небольшая птица – садовая камышевка. Объясняя Роману Романовичу, о чём поёт камышевка, доктор по-собачьи скулил, прижимал к голове, как уши ладони, а рукой показал, будто он крутит хвостом, так как хвоста у доктора, конечно, не было. Доктор даже потихоньку рычал. И всё, всё понял тогда сбитый с толку его верный друг. А доктор уже на языке Сюзанны передавал вокальный секрет песни камышевки. Он вытянул вперед руку и палец, и рука его походила на птичью голову с клювом. А так как у него не было клюва, а только нос, на котором сидели очки, доктор показал рукой, как он клюёт что-то. При этом он закрывал глаза, тряс тощим задом, будто хвостом, и при этом ещё и «стрекотал». Но стрекотание больше напоминало кваканье лягушки. Сюзанна прекрасно всё понимала. И так как у доктора не было ещё и крыльев, то он взмахивал острыми локтями, показывая, будто он птица и кружит под облаками. Сюзанне стало смешно, и она от восторга громко стрекото-хохотала.

Роман Романович – по-своему, по-собачьи, Сюзанна – по-сорочьи были проинформированы. Теперь всем им было весело и смешно, – как легко они обманулись, слушая маленькую камышевку!

Впрочем, надо сказать, общение их проходило не на чисто человеческом языке, и когда доктор разговаривал с Сюзанной, ему приходилось тоже, подражая ей, стрекотать и щёлкать языком. Сюзанна просто таяла от восторга, что доктор знает её язык. В такие минуты она от нетерпения перелетала с места на место, вскидывала свой длинный хвост и в знак согласия тоже стрекотала. Вот так примерно всегда и обменивались впечатлениями знаменитые сыщики.

Теперь доктор продолжал рассказывать:

– Когда, друзья мои, мы с вами слышали обыкновенный лай, стало ясно, что где-то в кустах сидит собака. Но мы знаем – никакой собаки не было и нет. Правильно?

– Верно! – согласился Роман Романович. – Когда речь заходила о собаках, его это очень волновало, и он, в знак пристального внимания поднимал, своё чёрное ухо.

– Видите, друзья мои, как странно всё получается: лает собака, квакает лягушка, блеет овца, а на самом деле их нет. Так ведь? –

Конечно, так! – отвечает себе сам же доктор Филипп. – А их не было и нет в кустах!

– Теперь я хотел бы услышать, что по этому поводу думает остроумная сударыня наша – Сюзанна.

– Доктор! Это не только странно, но и очень интересно! И я предлагаю провести расследование, чтобы нехорошую обманщицу-камышевку, которая так обманула нас, наказать!

– Если бы я знал, кто умело так за нос водит нас, я б задал ему хорошую трёпку! – проворчал Роман Романович.

Тем временем в кустах камышевка чирикала воробьём, кричала галкой, шипела и щёлкала на все голоса.

– Друзья мои, – спохватился доктор Филипп, – мы с вами решили сегодня делами не заниматься, отдохнуть пришли.

– А как с этим? – показал Роман Романович на кусты носом...

Ему очень всё-таки хотелось задать трёпку обманщику – «живому магнитофону».

– Возьмите камень и разбейте его – гневно твякнул Роман Романович.

– Этого, друзья мои, делать не следует. К чужим вещам относиться нужно так же бережно, как и к своим... Тем более, что этот «живой магнитофон» нам ещё пригодится. – Сказал доктор и взял газету.

– Здесь есть очень любопытное сообщение: в городском цирке двое злодеев украли вместе с клеткой замечательного зверя – черную пантеру.

– Жалко, что украли. Красивое у неё имя, – пробормотал Роман Романович.

– Это так зверь называется – пантера. Имя у неё ещё красивее, – сказал доктор. – Гаяна!

– Расскажите о ней, кто она? – прострекотала Сюзанна.

– Охотно! – сказал доктор. Он заложил за спину руки и, чуть согнувшись, зашагал назад и вперёд. Эта, как мы знаем уже, была любимая поза доктора, когда он о чём-то серьезно задумывался.

– Итак, пантера, – начал он, – крупная чёрная кошка. Очень красивая! Чёрная, как воронье крыло.

– Да, мы видели ворон чёрных, их сколько хочешь, – в один голос подтвердили свою осведомленность друзья доктора.

– Пантера – дочь страшных джунглей Юго-Восточной Азии. Я бы сказал, что пантера – черна, как ночь, лёгка, как тень, гибкая, как восточная красавица. Слов нет, как прекрасна она!

А теперь представьте, друзья, когда это божественное создание, у которого глаза – как две луны, зубы, – он посмотрел на далекие горы, – зубы белы, как снег, как жемчуг далёких гор. Ей показывать бы их в лучших рекламных фильмах, когда перехваливают «Бленд-а-мед»...

– Доктор, раз эта красивая пантера оказалась на свободе, то и пусть живёт, наслаждается нашими лесами и вообще, – заурчал восхищённый красотой пантеры, со слов доктора, Роман Романович. – Свободу пантере!

– Правильно! Роман Романович! – Она была бы настоящим украшением суровой нашей природы! – продолжала Сюзанна. – Она, как я думаю, очень добра. Вы, доктор, сказали однажды – «Красивые всегда добрые».

– Нет, это сильные – всегда добрые, говорил наш доктор, – поправил её Роман Романович.

– Но ведь пантера красивая и сильная, значит, и добрая очень, – заспорила с Романом Романовичем Сюзанна.

– Друзья мои, у вас добрые и отзывчивые сердца. Но тут немного виноват я. Я рассказал только об одной стороне экзотической кошки.

Доктор заходил вновь взад и вперёд, отставив локти и чуть согнув колени, продолжая:

– А теперь, представьте, джунгли: как только опускается на эти дремучие, дождевые леса ночь, пантера оставляет логово и отправляется на охоту.

Доктор вошел в роль красавицы пантеры и, конечно, начал изображать походку её, горящие лунным огнём глаза и всё остальное, что знал о красивой, громадной кошке. Он ходил и показывал:

– Глаза горят! Походка бесшумная! Гибкое тело легко обтекает каждое дерево, каждую травинку. Уши, – доктор приставил ладони к голове, – вот так двигаются на каждый шорох, на каждый звук.

Нежнейшие как бархат, нет – как тополиный пух – лапы пантеры неслышно ступают на листья, на траву. И только кончик хвоста её постоянно нервно подрагивает. Она не производит шума даже, когда прыгает с дерева на дерево. Не зверь, а настоящая королева ночи!

– Настоящая Богиня! – восторженно тьякнул Роман Романович. – Продолжайте доктор, это

так красиво!

– Вот именно! – поддержал доктор.

– Я готова одно перо из моего хвоста отдать только за то, чтобы хоть раз единственный взглянуть на такую красавицу.

– А я б и жизнь отдал! – опять тьякнул как-то несмело Роман Романович.

– Ты всегда хвастаешься и обещаешь больше чем надо! – оборвала его Сюзанна.

– Такая вот пантера, когда выходит на охоту...

– Доктор, дальше рассказывайте, – попросила Сюзанна.

– Дальше? Хорошо. Так вот, – продолжал он, – стоит только красавице пантере услышать или заметить добычу, она тут же без шума и шороха припадает к земле. Глаза огнём жестокости полны, насквозь прожигая темноту. Жемчужные клыки, несущие смерть, стоят кинжалами, тело – пружина. И вот уже она одним прыжком настигает оленя или обезьяну... Может даже на лету схватить птицу.

Доктор разошёлся и, словно сам был пантера, он показывал все её движения и много-много приводил страшных примеров.

От страха у Сюзанны остановилось сердце. Роман Романович и не заметил, как на загривке вздыбилась шерсть. Он даже не заметил, как поджал хвост. Доктор, наконец, остановился, стянул с носа очки и в азарте закинул их в траву, и, выставив локти, взволнованный ходил теперь взад и вперёд, продолжая свой рассказ. – Она становится молнией, – говорил страстно он, – машиной, не знающей жалости и пощады. Нет от неё никому спасения...

– Доктор! – злобно прорычал Роман Романович. – Её обязательно надо поймать и посадить снова в клетку.

– Ей не место в наших лесах, – истерично зашекотала Сюзанна.

– Но, друзья мои, вы не учли главного: представьте себе – только закончилось лето, наступила осень, метели, снега начинаются. Морозы! Всё – луга, леса, горы – покрыты снегом. Стоят, укрытые холодным серебром. Замерзли реки. И вот Гаяна – дитя тропической природы, просто-напросто замерзает. От холода гибнет. От голода... От тоски и безысходности!

У доктора лицо стало грустное, на глаза навернулись слёзы.

– Разве мы с вами, друзья, можем допустить такое? Можем мы хладнокровно видеть это? Конечно, нет и нет! Вообразите только: бредёт она глубокими снегами, в чужих, суровых лесах обольстительнейшая, но очень несчастная. Одна-одинёшенька... Неприветливые горы, всюду колючий снег, которого никогда не бывает в джунглях. Мороз! Иней на её чёрно-бархатной шубе оседает, смерзаются от дыхания усы. Гаяна постепенно замерзает, тускнеют её прекрасные глаза. Из последних сил она одолевает один за другим

сутробы, снежные намёты... Конечно, у неё коченеет сердце, не гнутся больше её бархатные лапы... Она не охотница уже, она – сама жертва зимы. Гаяна обречена... Жутко, как она одна в снегах, под чужими звёздами. Ослабевшая и одинокая. Сил больше у неё нет. Уже последние шаги, прощальный вздох и на белом снегу королева ночи лежит бездыханная. Хвост откинут, глаза полузакрыты. Вы представляете себе эту жуткую картину?

Доктор замолчал, высморкался громко и краешком галстука вытер повлажневшие глаза. Роман Романович слизнул с носа скатившуюся слезинку. Сюзанна не умела плакать: она сидела грустная, словно на собственных похоронах. Птицы, конечно, не умеют плакать, но плакало и страдало её маленькое, доброе сердце. И тогда Сюзанна сказала:

– Доктор, чего же мы сидим здесь, нужно немедленно спасать Гаяну! Доктор Филипп развернул снова газету и прочитал в конце сообщения о том, что у Гаяны когда-то была мечта, хоть бы раз побывать в родных джунглях и один хоть бы раз вдохнуть тёплого, влажного воздуха и одним только глазом взглянуть на южное, звёздное небо, где миллионы лет живут её предки.

– А ещё, – продолжал доктор, – здесь вот в газете написано, что дирекция цирка обещает каждому, кто поможет найти Гаяну, оплатить поездку в любую экзотическую страну.

– Чего же мы сидим, доктор? – сказал Роман Романович, – мы должны сделать всё, чтобы отыскать её и спасти.

– Хорошо, друзья мои. Я очень признателен вам за добрые чувства и отзывчивые сердца. Теперь, друзья мои, настало время, и мы используем знакомый нам уже «живой магнитофон».

Роман Романович и Сюзанна переглянулись. Они не поняли, какое отношение этот «живой магнитофон» имеет к сбежавшей пантере.

Доктор хитровато улыбнулся. Он быстро оделся, поправил галстук и шляпу. Роман Романович стоял уже перед ним с очками в зубах.

– Благодарю за любезность, – сказал доктор и взял очки, приладив их на свой древнеримский нос.

Вдруг доктор замер на одной ноге и, приложив к губам ладони, тихо засвистел, зажекал. И тотчас перед ним появилась буроватая, остроносая птичка, вынырнувшая из зарослей.

– Перед вами, друзья мои, прекраснейшая из прекраснейших солисток и пародистов волшебного царства пернатых – садовая камышёвка!

Одноцветная пичужка была неприметной и очень походила на пеночек и чуть-чуть на мухоловку. Но это с первого взгляда. Если же присмотреться повнимательнее, – обязательно можно было увидеть удивительное. А доктор всегда учил друзей своих этому – видеть красоту даже там, где не всё яркое и броское. «Красота, – говорил он, –

есть всюду, только нужно уметь видеть её!» Оно и правда, с виду неприметная камышевка была по-своему очаровательна. У неё была буро-зеленоватая спинка, белое почти горлышко и светлое брюшко. От многих других мелких птиц камышёвки отличаются закруглёнными хвостами. У неё были очень весёлые и живые глаза. Она вдруг запела, и горлышко её раздулось, заиграло, словно родничок.

– Это прелестнейшее создание обладает божественным даром великого солиста. Поёт на зелёных эстрадах наших садов, в полуночной тиши у спящих озер, – комментировал доктор, слушая неугомонную певунью, – скоро, очень скоро, на исходе нашего лета её будут слушать сказочные пальмы Индии. И заметьте, друзья мои, – её скромные одежды, – продолжал доктор Филипп, – усиливают лишь присущее ей очарование.

– Садовая камышевка, – пояснял доктор, – каждый раз, где бывает, слушает и запоминает голоса и напевы других птиц и зверей. Потом с абсолютной точностью передаёт их своим замечательным голосом. В этом, друзья, вы убедились... Поприветствуем её! – Доктор снял шляпу в изящном реверансе. Роман Романович восторженно вильнул хвостом, а Сюзанна громко зашекотала.

– Теперь, друзья мои, попросим нашу божественную птичку оказать нам помощь в деле спасения Гаяны.

Доктор обратился к певичке:

– Мы просим Вас, прелестнейшая, – сказал он, – облететь соседние сопки, урёмы, луговины, ближние горы и прослушать голоса четвероногих и пернатых, а потом всё это прокрутить, пардон, – пропеть для нас. Через три дня, уважаемая, ждем Вас точно на этом месте! – Доктор Филипп ровно три раза чекнул, два раза цвикнул, хлопнул в ладоши, и ещё тихо цокнул языком.

– С удовольствием! – затрещала камышевка и тотчас исчезла в кустах.

– Надежды наши связаны теперь с ней. Её музыкальный слух и умение подражать чужим голосам, которые она запоминает и «записывает» на диски своих мозговых горошин-полушарий, свежо и чисто. Способность воспроизводить их с помощью светлого горлышка и тонкого клюва с абсолютной точностью – поразительна. Нам очень нужна теперь её помощь, и мы будем ждать певунью.

– Доктор, но и я смогла бы собрать кое-какие сведения о пропавшей Гаяте.

– Сударыня, – ответил доктор, – я прекрасно знаю Ваши способности, я уже думал об этом, но беда в том, что пантера животное ночное, и на день она где-то прячется. Так просто увидеть её невозможно.

На этот раз ни Роман Романович, ни Сюзанна не поняли, что сказала доктору эта маленькая камышевка, но уяснили – она согласилась и приступила к исполнению. Доктор ещё раз привстал на носочки и снова три раза чекнул: «Чек-чек-чек», – потом чуть слышно цвиркнул. Он напомнил ей – ровно через три дня – на этом месте.

– Доктор, почему эту птицу садовой камышевкой называют? Если камышёвка, значит, должна жить в камышах. А камыши в садах не растут?

– Всё правильно, друг мой. Дело в том, что все её многочисленные родственники – камышевки, их много разных, действительно все в камышах или тростниках живут. А садовая в кустарниках, по лесным опушкам, в высокотравных лугах и, конечно, в садах и названа потому – камышевка садовая!

– А можно бы и садовка камышевая, – буркнул Роман Романович.

Если бы её так назвали, Роман Романович, то, несомненно, в её латинском названии появилось бы и Ваше достойнейшее имя. О Вас узнал бы тогда и навсегда запомнил учёный мир. Но, увы, Роман Романович, мы с вами простые сыщики. И нам остается только ждать.

Два дня прошли в томительном ожидании. На третий – доктор и его верные друзья были в назначенном месте. В этот же самый час, словно по взмаху волшебной палочки, из кустов перед ними появилась садовая камышевка.

– Слушаю Вас, уважаемая! – сказал Филипп и коснулся рукой шляпы в знак уважения. Он взял книжку полевых записей и приготовился слушать. Камышевка запела: голосок её был чистым и нежным, и с большой точностью она передавала голоса и шорохи тех птиц, которых прослушала на лугах, в лесу, в горах. Точь-в-точь она передавала чудные мелодии лесов, гор, лугов... В пении её слышны были голоса опасности и ужаса, восторга и тревоги. Пела она так красиво, что Роман Романович и Сюзанна позабыли обо всём на свете. Они наслаждались исполнением камышевки, словно слушали божественную симфонию.

Со стороны можно бы видеть, как доктор сосредоточенно слушает: он улыбается и хмурится, закрывает глаза и сжимает кулаки, потом снова лицо его обретает блаженное выражение.

И вдруг он, остановил камышевку:

– Уважаемая, прошу Вас. Повторите, пожалуйста, отрывок из Вашего репертуара, где Вы рассказываете о горной местности и передаете голос чеканчика черноголового и сорокопута-жулана.

Камышёвка с удовольствием повторила услышанное ей. В этот раз песенка её заканчивалась одними и теми же звуками чеканчика: «Чек-чек...», а потом и жулана: «Жек-жек-жек...» Доктор в своей тетради поставил большой вопросительный знак. Что-то ему непонятным показалось. Но когда прозвучал голос тревоги обыкновенной

горихвостки: «Вит-вит-и», а потом тоскливый покрик синегорлого соловья-варакушки: «Ит-ит-кхак», доктор поставил в своей тетради большой знак плюс и рядом такой же большой восклицательный знак. Лицо его приняло выражение полного удовлетворения.

– Друзья мои, нам следует сообща выразить самое искреннее признание не только таланта, но и добросовестного исполнения задания уважаемой и несравненной садовой камышёвке! Она перед вами! – Доктор элегантно сдернул шляпу. Роман Романович два раза громко от всей души твякнул и вильнул хвостом. Сюзанна залилась стрекотанием, выражая крайний восторг.

– Будь моя воля, обязательно бы назвал одну из ближайших речек или проток именем этой золотой птички, – восторгался доктор камышёвкой. – Представьте, идут рыбаки на речку Камышевки садовой. Так ведь – нет, называем мы эти речки, порой, очень неблагозвучно – Комаруха, Поганка... А вот если бы та же старица называлась старицей Садовой камышевки. Как красиво! Или, скажем, тихая заводь пеночки-веснички, варакушки...

Доктор вскинул руку:

– Эврика! Всё в порядке! Теперь, друзья мои, мы всё знаем! – от радости он не заметил, как привычно забросил очки в траву. – Всё ясно! Мы знаем, где она! Мы найдём Гаяну! – И тут же стал искать в карманах сюртука очки. Роман Романович понял, что доктор ищет их, и через несколько секунд Роман Романович держал их уже в зубах.

– Роман Романович, будьте любезны, очки мне! – он снова нацепил их на строгий нос. – Благодарю Вас! – сказал он четвероногому другу и стал читать записи в своей книжке.

– Итак, друзья, пантера Гаяна находится, – как сказали об этом нашей Камышёвке – красавец черноголовый чекан и длиннохвостый сорокопут-жулан, – находится недалеко от большой излучины этой речки. Днём, как и следовало ожидать, пантера прячется в глубоком и тёмном ущелье, заваленном буреломом. Об этом тоже рассказала обеспокоенная её присутствием – варакушка, которая первой и обнаружила хищницу. Над этим ущельем возвышаются две скалы: на одной из них – старая, душлистая сосна, в которой вывела птенчиков садовая горихвостка. Глазастая и вертлявая горихвостка взволнована вторжением большой кошки и, тревожась, плачет тоненьким голоском: «Вит-вит-и...» Тревогу её переняли чеканчик и сорокопут. И камышевка узнала, что где-то здесь кто-то страшный прячется... Всё просто, друзья мои.

– Доктор, а как Вы узнали, что там две скалы, – удивилась Сюзанна.

– Тоже просто: я там бывал однажды, и только на этих скалах есть сосны. Значит, и гнездится горихвостка в дупле сосны.

– Друзья мои, время для Гаяны и для нас – дорого. Сейчас же едем в цирк...

На воротах цирка был нарисован крупный портрет чёрной пантеры.

– Вот она! – показал доктор на её портрет своим друзьям.

– Да-а! Страшноватая, но красивая, выдохнул пёс-следопыт.

– Интересно ты говоришь, – прострекотала Сюзанна, – она очень даже красивая, но и страшная. На рыжего кота походит, который чуть не съел меня, – вспомнила она, – кошки не бывают красивыми, они бывают только страшными...

Доктора Филиппа встретил директор. Доктор сразу же сообщил, что он и его друзья, знают, где скрывается беглянка-Гаяна.

– Мы обещаем найти её при условии, – сказал доктор, – если вы, господин, выполните обещанную поездку всем нам в какую-нибудь экзотическую страну.

– Слово директора! – рыкнул счастливый хозяин цирка. Он схватил и стал трясти руку доктора. – Я много слышал о Вас, уважаемый доктор, о ваших коллегах. Поэтому у меня просьба к вам...

– Я полон внимания, – сказал доктор.

– Помогите, как специалист, разобраться, какие у нас человекообразные существа сидят в клетке? Они, как я думаю, немного напоминают людей, но коллеги мои по цирку, не находят это сходство убедительным. Очень, очень любопытно! – воскликнул директор.

Они направились к вольеру со странными существами. Первое, что увидел доктор: они были очень заросшими, лохматыми. Волосы почти закрывали их звероподобные лица.

– Инопланетяне! – воскликнул доктор. – Нет, господа, я ошибся. Зрение подводит, – Скорее всего – это снежные люди!

Однако, внимательно присмотревшись, увидел, что на головах у них по одному толстому рогу.

– Может носороги, – растерялся доктор.

– Нет, – уважаемый доктор – рога у них не на голове – на лице, если так можно назвать их физиономии.

– Может, это вообще новый вид человека? Разрешите подойти ближе? Доктор смело подошёл и увидел, что это действительно самые настоящие снежные люди. Сердце его, как учёного, радостно застучало. Но вскоре же он разочаровался в своих догадках: были это, оказывается,

самые обыкновенные, почти как мы с вами, люди. Но что странно: у одного на голове из волос торчал толстый рог величиной с грушу. У другого – с куриное яйцо. Доктор сразу глазам не поверил. Он протер очки. Теперь отчетливо видел у вольерных обитателей сине-лиловые круги вокруг глаза, как у матёрых индюков, и красные очень, как у бабуинов – красноватые носы.

Доктор не медлил. Как никогда он чувствовал себя на пороге великого открытия. Поспешно тут же он достал энциклопедии и справочники и долго, но безуспешно искал описания пленников. Описаний не оказалось. Ничего подобного и близко не было. Это очень озадачило его как ученого, профессора...

Доктор никогда ещё с такой силой не скреб собственный затылок:

– Это, пожалуй, неизвестный ещё науке вид – какой-нибудь гомориноцефалос! А это уже сенсация! Открытие века! Шутка ли, в наше время найден человек-единорог!

– Как Вы сказали, доктор? – спросил директор.

– Человек-единорог! – твёрдо сказал доктор. – Только я хотел бы знать – где вы их поймали? – спросил доктор Филипп.

– Мы их не ловили, – пояснил директор цирка. – Когда пропала клетка с Гаяной, мы кинулись её искать. На пустыре, около речки, услышали сильный рык. Думали – это Гаяна. Подошли ближе и увидели клетку, в которой была прежде Гаяна. Однако, её не оказалось, в клетке спали эти двое. Пока их везли в цирк, они ни разу не проснулись и произносили какие-то странные слова, кажется, неприличные...

– Скажите, уважаемый директор, какие-нибудь орудия труда у них были? Это важные детали. Мы тогда б смогли, хотя бы примерно, узнать, на какой стадии развития находятся эти чудесные неандертальцы.

– Вот, – показал директор на бутылки из-под водки.

Доктор понюхал бутылки и сморщился:

– Так это же обыкновенная водка! Теперь он и сам почувствовал, что от человеков-единорогов несло, как из бочки:

– Что ж, получается, снежные единороги позволяют себе тоже наши – человеческие вольности, – задумчиво сказал доктор.

– Никакие мы не снежные, очкарик! Понял! А то я тебе сейчас такой же, как у моего кента, поставлю, – прохрипел сердито тот, у кого на лбу торчал рог размером с куриное яйцо. Другой же, у которого рог величиной с фиолетовую грушу был, ещё не отошёл, не созрел до разговора; он молча моргал опухшими веками с «аккуратно» обведенными лиловыми кругами.

– Да-а, чудеса да и только! – воскликнул доктор. – Тогда, господа - «инопланетяне», обратился он к тому, у которого рог был с куриное

яйцо, расскажите нам, как это всё случилось? Почему вы оказались в клетке?

– Как, как? – он показал на своего приятеля, у которого рог имел размеры с хорошую грушу, – ну это, взяли ночью эту клетку, унесли подальше. Приоткрыли, чтобы вышла эта поганая кошка. И как только она высунулась, набросили ей на шею петлю и стали тянуть в разные стороны.

– Для чего вы это делали, господа? – воскликнул удивленный доктор, – ведь вы могли невзначай задушить её.

– А чё, нам нужна была её шкура...

– Продолжайте, господа, что дальше было?

– Когда накинули петли поганой вашей кошке и потянули, она так

треснула лапой – сначала его, потом и меня. Мы и сами не помним, как оказались в клетке. Очухались когда, то увидели её. Она рядом ходила и зыркала на нас ночь всю горящими глазами. Если б не выпивши были, сдохли от страха бы. Потом, конечно, уснули. Хорошо, что клетку привезли сюда. Прямо кино, цирк

получился...

– Открытия не состоялось. Но возмездие на глазах! – сказал доктор.

– У кого – на глазах, а у кого – под глазами, – пробормотал тот, у которого шишка на лбу величиной была с приличную грушу из мичуринских садов.

– Теперь, уважаемый директор, поспешим к Гаяне.

Машина вскоре остановилась у излучины речки, о которой рассказала весёлая камышёвка. Доктор Филипп повёл всех за собой в сторону, к ущелью, где среди старых сосен возвышались две скалы. На одной из них стояла та самая, сухая – с дуплом.

– А теперь, господин директор, идите сами к вашей Гаяне. После того, что случилось с теми злоумышленниками, она могла потерять доверие к человеку.

– Что вы, доктор, слепым котёнком попала она ко мне. Я лично воспитал её. Она прекрасно знает мой голос. Она любит меня.

Хозяин пантеры смело пошёл в ущелье и громко позвал:

– Гаяна! Гаяна! Это я! Иди ко мне, красавица! Это я, твой папа!

И вдруг на сосне заволновалась горихвостка, «закашляла» варакушка и начали «чекать» – черноголовый чеканчик и сорокопут. Колыхнулась трава, и на тропу вышла красоты неопикуемой, громадная кошка.

Жёлтые глаза на чёрном бархате блестящей шерсти излучали янтарное сияние.

– Гаяна! Это я, папа твой! – позвал ещё раз хозяин.

Как девушка, лёгкой и мягкой походкой Гаяна подошла к хозяину: встала на задние лапы, лизнула лицо его и руки и громко, по-кошачьи мурлыкая, стала тереться головой о плечи и щёки хозяина цирка. Ласкалась она так же, как и наши домашние кошки.

Сыщики с удовольствием наблюдали, как счастливый хозяин ласкал свою Гаяну, трепал её за уши и говорил самые тёплые и нежные слова:

– Ой ты, моя красавица. Соскучилась? Похудела. Сейчас домой поедем.

– Ничего подобного никогда не видела до сих пор! – прострекотала растроганная Сюзанна.

– Похоже, давно знакомы, – мрачновато прорычал Роман Романович, – одно не понятно, если она любит своего хозяина, почему не виляет хвостом, почему не визжит от радости и не прыгает на задних лапах?

– Роман Романович! Вы беспощадны и, простите, не совсем справедливы. У всех кошек высшая степень признания и любви – мурлыканье. Иногда они лизут, как и собаки, но я должен сказать – удовольствие от этого никакого – язык у них колючий, как тёрка. И хорошо, что не всегда так кошки выражают свою любовь.

– Скажите, доктор, а почему она бодается, почти как коровы?

– Это тоже проявление любви и признания.

– Вопросов нет, – сказал Роман Романович и сел на тропу, чтобы лучше наблюдать счастливую встречу, а доктор Филипп, растроганный до слёз встречей Гаяны и её хозяина, сказал:

– А теперь, уважаемые, позвольте мне объясниться с прекраснейшей Гаяной самому, – доктор смело вышел навстречу пантере и что-то мягко проурчал. Гаяна остановилась, и, удивлённая, внимательно смотрела на доктора золотыми глазами волшебной красоты.

Доктор, покачивая тощими бёдрами, прошёлся по тропе, потянулся, высунул кончик языка. Потом подошёл к пню, потёрся головой, и сам себе лизнул правую руку. Почти точь-в-точь всё это проделала Гаяна.

Было видно, что со всем, что «сказал» ей доктор, она полностью согласилась.

– Что всё это значит? – поинтересовался директор.

– Господин директор, я спросил у Гаяны – сохранила ли она мечту посетить джунгли своей родины.

– И что же она?

– Представляете, Гаяна сказала, что даже в самые трудные часы своей жизни мечта эта её не покидала. Она была бы очень счастлива, если бы ей довелось хотя бы один раз вдохнуть воздух своих предков.

Доктор повернулся к Роману Романовичу и Сюзанне.

– Поэтому мы заслуженную нами поездку в экзотическую страну отдаём Гаяне. Мы будем счастливы, если она побывает на родине. Мы предлагаем поездку в джунгли, Таиланда, Кампучии, Вьетнама или Бирмы. Можно и в Индию. Правильно я говорю, друзья мои? – спросил доктор Филипп Романа Романовича и Сюзанну.

– Мы согласны! – в один голос ответили они.

Роман Романович радостно залаял, а Сюзанна громко застрекотала, пока её не остановил доктор.

– На этом наша работа заканчивается. От своих друзей обращаюсь к Вам, господин директор, Ваше заверение остаётся в силе. Мы надеемся, Вы сдержите слово достойного джентльмена. Мы уже в этом убедились и будем рады приветствовать Ваш великодушный поступок.

– Даю слово! – громыхнул счастливый хозяин пантеры.

– Ещё дайте слово, что накажете тех двух неандертальцев?

– Обязательно!

В это время Гаяна неслышно подошла к доктору и лизнула его в лицо. Лизнула в нос Романа Романовича и кончика хвоста Сюзанны коснулась чёрной, бархатистой лапой.

Что это значило, было всем понятно. А значило это: «Я сердечно Вас благодарю! Считайте, что у вас с этого часа ещё на одного друга стало больше».

Гаяна, громко мурлыкая, погладилась о ноги доктора, ещё раз лизнула его руку и неслышно пошла к хозяину.

Доктор Филипп, Роман Романович и Сюзанна тоже были очень счастливы. Они были свидетелями большой, настоящей дружбы.

Сыщики покинули место счастливой встречи у двух скал с сухой сосной на вершине, в которой гнездилась садовая горихвостка.

Летающие мыши

Стояла суровая, многоснежная зима. И лес, и деревья у дома известного нам доктора Филиппа стояли, как в серебре. Следы на снегу, следы... Разгадывай только да читай! А в доме доктора тепло и уютно. Сам учёный в этот час читал газету, сидя в любимом кресле, сделанном из речной лозы. Роман Романович растянулся у самого порога: здесь ему было прохладнее. Тоже на своем любимом месте – на старинных часах в красном – углу дремала Сюзанна.

Роман Романович открыл глаза, перевернулся и лениво сказал:

– Скучно, хоть бы кто-нибудь пришёл.

– Тебе бы только бегать, – буркнула недовольно Сюзанна, – нужно учиться по-человечески отдыхать. И на дворе мороз – нос страшно высунуть.

– Тебе всегда нужно, куда попало нос свой совать, – огрызнулся Роман Романович.

Доктор Филипп тоже что-то хотел сказать, но в это время у Романа Романовича поднялось одно, потом другое ухо, и он сунул нос в щель дверную.

– Так-так, проворчал Роман Романович, – запах лисы прямо в нос. Странно, но именно этот дух.

– Совершенно верно, сказала Сюзанна, я слышу, как её ругают синицы и королюки.

– Чего ж мы сидим, – сказал доктор Филипп, если к нам гостя, значит, есть и дело.

Он открыл дверь: на крыльце сидела красивая, от кончика ушей до кончика хвоста покрытая морозным инеем, лисица.

– Милости просим, – пригласил её в дом доктор Филипп.

Лисица вошла бесшумно, как тень. Шерсть на загривке Романа Романовича поднялась сама по себе. Он даже не заметил, как ошетинился и показал зубы, сморщив нос.

– Роман Романович! – ласково, с упрёком сказал доктор Филипп. – Разве так гостей встречают?

Роман Романович опустил глаза, виновато вильнул хвостом и уступил дорогу лесной красавице.

– Мы внимательно слушаем, прелестнейшая! – сказал доктор.

Лисица встряхнулась и тихим, голодным голосом тявкнула. Доктору всё стало понятно. Ему не нужно было повторять дважды. Это означало: «Посмотрите на меня!» – Лисица прошла по комнате. Доктор развёл руки и с восхищением сказал:

– Вы как всегда – очаровательны! Вам, прелестнейшая, из славного рода лисьего, надо бы оды петь, а не упрекать в хитрости и коварстве, не устраивать на вас охоты всякие. Мы восхищены Вами, прелестнейшая!

Однако, лисица опустила голову и ещё грустнее твякнула:

– Посмотрите, какая я худая: после меня и следа на снегу не остаётся. Ещё немного и первым ветром меня унесёт, как пушинку. Но есть и другие мои родичи, так те уже давно не ходят и не летают.

– Я понял Вас, – они отдали Богу душу?

– Так и есть...

– Но, как я думал, Ваши мышинные охоты всегда успешны. Вы так бесшумно передвигаетесь на своих мягких, как бархат лапках, что никакая мышь не услышит. Даже спящие в снегу тетерева, рябчики, глухари, куропатки и те оказываются вашими трофеями. Представляю, охоты Ваши всегда удачливы, когда всё так бесшумно. И каждая госпожа в лисьей шубе – рыжее облако, скользящее по зимней тропе. – Доктор ещё долго говорил о красоте и грациозности лисиц, об их способности добывать мышей в самом глубоком снегу.

– Стройность и воздержание в пище только украшает Вас, прелестнейшая!

– Доктор прав: мы восхищены твоей красотой, – сказал Роман Романович.

– И хитростью тоже, – протараторила Сюзанна, – мне, когда я была ещё в гнезде, родительница моя всё страшные сказки про хитрых лис рассказывала. Есть что-то общее между нами! Не правда ли! – Вскинула свой длинный хвост Сюзанна.

– Мне тоже, – грустно сказала лисица, – в теплой материнской норе кое-что рассказывала моя мама про назойливых сорок. Да, они красивы, но не дело восхищаться красотой белобоких проныр. Нам нужна добыча, а сороки – Ваши коллеги, мешают да ещё как!

– А в чём дело? – удивленно вскинув брови, спросил доктор.

– В том, что привяжется вот такая и летит за тобой, да ещё на весь лес одно и тоже: «Та-да-да, жа-жа-жак...» Строчит бесконечно, предупреждает всех, мол, рыжая на охотничьей тропе. Всю жизнь нам портит. Ночью поэтому приходится промышлять. Ну да – ладно. Обид у меня никаких. Я не об этом. Можно и мириться. В лесу другая беда.

– Мы с большим вниманием слушаем Вас, прелестнейшая! – сказал доктор.

– Голодно, очень голодно стало в лесу... И лисица стала рассказывать, как в эту суровую зиму голодают и страдают лисы.

– Получается неурожай на мышей и прочих грызунов мелких? – вскинул широкие брови доктор Филипп. Его сероватые, с коричневым блеском, чуть раскосые глаза были полны внимания и сострадания.

– Странные происходят события, – рассказывала лисица, – мыши есть в лесу и на полях, но все стали летающими. Хоть в поле, хоть в лесу. Летать научились. Лесные и полевые мыши, на опушках и полях неуловимыми стали. Ни завтрака тебе, ни ужина... Ни на один зубок не найти, неуловимыми стали. Ночами и днями рыщем. Но всё без толку. Скоро от голода вымерем. Соболю легче – на деревьях за рябчиком и глухарём охотится. Горностаи, ласка в норах мышей добывают, нам совсем худо.

– Да-аа, дела, действительно, серьёзные, – доктор сузил глаза и долго всматривался через толстые стёкла очков в лису.

– Представьте, доктор, – жаловалась она, – идёшь по следу, и вот уже мышка где-то рядом, слюной, бывает, голодной истекаешь, но вдруг след обрывается, мышка улетает куда-то, а на снегу следы её крыльев.

– Вы не знаете, – говорила она доктору, – какие мыши вкусные! Мне жаль Вас, – неведом Вам дух её теплого брюшка, хруст нежных косточек... Прожить на белом свете и не съесть ни одной мышки, – считайте жизнь прошла зря. – Лисица голодно облизнулась и даже грустно вздохнула.

– Улетают!? – удивленно переспросил доктор.

– Конечно, улетают!

– Возможно это летучие мыши? Они, конечно, летают, но только не зимой, – рассуждал доктор.

– Нет, это лесные мыши и полевые. И те и другие прежде не летали, а этой зимой почти все летать научились. У нас, как видите, крыльев нет. И мы зря их выслеживаем, и всё что остается, – только облизнуться.

– Никогда прежде не видел, чтобы мыши летали. Нигде об этом не написано. Из этого следует, что происходит что-то загадочное. А это уже по нашей части. Правильно я говорю? – обратился доктор к своим друзьям.

– Грандиозно! – громче обычного пролаял Роман Романович.

– Естественно! – чуть закатив глаза, прострекотала Сюзанна.

– Друзья мои. Вы научились так кратко и культурно выразить свои мысли, что это положительно меня удивляет.

– Вы же сами рассказывали, что есть летучие мыши, и они летают, – пробубнил Роман Романович.

– Верно, есть, – согласился доктор Филипп, но те живут в дуплах и скалах. У них есть крылья. И ловят они насекомых в воздухе. А это? Это грызуны, которые летать за всю историю своего существования не додумались. Не дано им это. И всё то, о чём нам поведала прелестнейшая дама, казалось бы, вздор и более ничего, но я ей верю, и в этом, несомненно, живёт еще одна тайна, и мы должны в ней разобраться.

– Гм! – доктор хлопнул себя по голенищам валенок, – мыши и вдруг летают! А что дальше будет? Поэтому, друзья мои, нам ничего не остаётся, как сейчас же собираться и дознаваться – чем всё объяснить можно. И если что, то мы должны помочь лисам, попавшим в беду. Помочь! Представляете, если ни одной лисицы на свете не будет?

– Страшно представить! – гоготнула Сюзанна.

– Возможно, – согласился Роман Романович.

Лес перед ними горел и сверкал белым огнём снегов. Тёмно-синие ели и кедры стелились лапами на белых сугробах. Каждая хвоинка, веточка, сбитые синицами, и каждый след были видны даже на расстоянии.

Лиса вдруг метнулась в сторону, нырнула в кусты и вскоре вышла, держа свой очаровательный хвост трубой.

– Идет по следу. Тихо! – прошептал доктор.

Лисица, наострив уши и опустив нос, бесшумно трусила. Она тропила чей-то след. И вот уже и доктор, и Роман Романович, и Сюзанна идут за ней: перед ними мышиный след, обогнул ель, окрутил серебристой цепочкой пень и вдруг оборвался посреди поляны: ни норки, ни самой мышки.

– Это невероятно! – воскликнул доктор. Куда же подевалась она? Здесь негде спрятаться... и вдруг – исчезла. Была – и нет. Чудеса какие-то!? Так не бывает...

Около оборвавшегося следа стояла не менее разочарованная лисица.

– Видите, – ткнула она носом в пустое место, – был – и нету...

– Да-аа, мистика да и только. А вот смотрите: отпечатки мышиных крыльев, – затарахтела глазастая Сюзанна.

Доктор снял очки, взял лупу и пристально осмотрел едва заметные отпечатки тонких полос.

– Действительно, это веер следов от крыльев. Но откуда они? Кто ж поверит, что мыши и правда летают? Абсурд, да и только!

– Разве тощий мой желудок, пропавший голос, не подтверждают? – обиженно сказала лиса. – Мои вечные соседи соболи и горностаи, колонки и ласки – и те откочевали. Беда пришла! Если и дальше так будет продолжаться, лес опустеет. – Лисица присела на снег и опустила голову.

– Понимать начинаю: серьёзные дела происходят в наших лесах, – сказал озабоченно доктор, – что делать будем, друзья мои? – обратился он к Роману Романовичу и Сюзанне.

– Нужно начинать расследование! – прострекотала Сюзанна.

– Причину будем искать, – пробурчал угрюмо Роман Романович.

Доктор на всякий случай достал «Лесную энциклопедию», так как дело происходило в лесу. Он долго читал её, рассматривая самые

незаурядные картинки, но ничего похожего не нашёл. В книге не говорилось, что мыши лесные и полевые могут так вот просто летать.

– Нужно, прежде всего, уяснить, как это так они научились летать? – Выпалил очень озадаченный создавшейся ситуацией доктор. Даже ему было не понятно – что же происходит на самом деле? Не может быть такого, что все мыши обзавелись крыльями и, когда на их след нападает лиса, они вдруг, подобно синицам и снегирям, вспорхнут и всё – поминай, как звали. А потом – куда же они улетают? На деревьях жить не умеют. В конце концов, не в тёплые же края улетают?

– Давайте ещё раз поэкспериментируем, – сказал доктор Филипп. Ещё раз возьмите след, прелестнейшая! – обратился он к лисице.

Лисица очень скоро взяла след какого-то мышонка. Видимо, он был маленьким и, наверное, тоже худым, потому что следы у него были очень маленькие, и хвостик его, волочась по снегу, оставляя след, похожий на шнурок. Лисица шла бесшумно, печатая аккуратные «стопки» вмятин. Роман Романович слышал, как у неё урчит от голода в животе. И вот уже лисий хвост – как бы сам по себе ожил, заволновался: понятно было – жертва близка. И вот она держит нос напрямую к старому пню, но вдруг разочарованно останавливается и грустно смотрит на доктора Филиппа, на Романа Романовича и даже на Сюзанну.

– Всё понятно! – говорит доктор.

– Вот так всегда! – упавшим голосом взвизгнула раздосадованная охотница.

– Доктор снова достал лупу и уже в который раз внимательно стал изучать каждый шаг, каждую чёрточку на снегу, где пробежал мышонок. Осмотрел также внимательно пенёк. Он даже не поленился и осмотрел лапы елей и кедров на соседних деревьях. Однако, следов на них никаких: покрытые все куржаком, и ни одной снежинки не сбито. И следов бывшего мышонка никаких. Улетел и всё!

– Что скажете, друзья мои, – обратился он к своим верным коллегам...

– Удивительно всё это! – ответил Роман Романович.

– А почему бы лисам не научиться летать. Летали бы за мышами и ловили их в воздухе.

– Я бы первым делом поймала себе на завтрак болтливую сороку, – с негодованием ответила лисица, и не стала бы есть глупую птицу, будучи даже очень голодной. А потом, может, и за мышей бы взялась.

– Я знаю, что сороки много портят крови лисам во время охоты, – сказал доктор: всем расскажет, что охотница вышла на промысел. Все тогда попрячутся, и уходит лиса с пустым животом. Но, друзья мои, это не повод, чтобы нам ссориться. И вы не забывайте, что мы детективы и, прежде всего, должны делом заниматься. На всё будем смотреть посерьёзнее.

Лисица взглянула на Сюзанну и проурчала:

– Ах, если бы умела я летать...

– Роман Романович, – сказал доктор, спрятав в свой сундучок энциклопедию, – предлагаю самому взять след и самому проследить всё, как следует.

– Я ищу – твякнул Роман Романович и скрылся в заснеженном лесу. Однако, очень даже скоро раздался зазывной лай, и доктор Филипп с Сюзанной поспешили на голос. Роман Романович сидел в растерянности у внезапно оборвавшегося мышинога следа. Он громко и досадно лаял.

– Опять та же самая картина! – в недоумении развёл руками доктор.

– Но обратите внимание, крылья для такого мышонка слишком даже большие. Отпечатки их больше, чем от моих крыльев, – заявила стрекотанием Сюзанна.

– Вы молодчина! Так оно и есть! – согласился доктор.

Он тут же извлёк из сундучка свою неизменную «Лесную энциклопедию». В ней было сказано: «Если отпечатки на снегу от широких и округлых крыльев, то это след лесной птицы. Если крылья острые, то это отпечатки крыла птицы открытых пространств». Здесь же очевидно было, что крылья принадлежали только лесной птице. И ещё, оказывается: «Округлые крылья характерны для птиц, способных легко и быстро лавировать среди деревьев, ветвей. Это их замечательное приспособление...» – пояснялось в энциклопедии.

– Значит, эта птица схватила мышонка! Хищница!

– А мыши бегают ночью. Значит, хищница – сова. Но это только версия. Мы должны доказать это! – доктор чувствовал, что они близко – на пороге разгадки. Он строго глянул на Романа Романовича и Сюзанну, что означало, чтобы они не торопились с выводами, и всё в их нелёгком деле должно быть доказано, проверено и ещё раз доказано...

– Доктор! – вдруг негромко гавкнул Роман Романович. – Вот с этого дерева, – он указал носом на вековую лиственницу, – несёт густым мышиним духом. И я вижу дупло!

– Будьте любезны, Сюзанна, загляните туда. Что там?

А сам доктор взял толстенный сук и так сильно ударил по стволу старой лиственницы, что она загудела, как барабан, и с неё посыпались мелкие шишечки. Но это не всё. В тот же миг из дупла высунулась кошачья

зеленоглазая голова. Она недовольно глянула на собравшихся и сердито зашипела. Это означало, что проваливайтесь отсюда, делать вам нечего.

– Любезный сыч – хозяин ночного леса, скажите... И доктор хотел ещё что-то сказать, но сыч спрятался, не считая нужным разговаривать.

– Вот хам! – прошебетала Сюзанна. А доктор взял снова тот же толстый сук и снова, как барабан, загудела лиственница. Сыч выпорхнул, мягко и быстро скрылся в гуще леса.

– Вы невежда, сударь! – упрекнул лесного сыча доктор.

– Будьте любезны, загляните в дупло! – попросил Сюзанну доктор.

Сюзанне ничего не стоило заглянуть в дупло. И она заглянула. И вдруг послышалось громкое и возбужденное стрекотание Сюзанны, доктор с её «слов» понял: «Нашла дупло, доверху набитое мертвыми мышами и разными птичками!

– Сюзанна! Это главное вещественное доказательство, и нам немедленно нужно всё это увидеть своими глазами. Будьте добры достаньте их, мы посмотрим.

Сюзанна стала одного за другим вытаскивать из дупла всех, кто там были. Под старой, дуплистой лиственницей образовалась вскоре целая горка из замороженных мелких зверьков и птичек.

– Да здесь целый склад! – воскликнул доктор.

– Целое кладбище! – проворчал Роман Романович.

– Какие прелести! Деликатес! – пуская слюну и облизываясь, сказала лисица.

И пока доктор, пользуясь лупой, энциклопедией, весами – он взвешивал каждую жертву, измерял ее штангенциркулем, осматривал форму зубов... Всё это он делал, чтобы потом точно определить, какому виду принадлежит тот или иной грызун... Пока он занимался этими делами, Сюзанна вновь громко и тревожно застрекотала на весь лес. Теперь она сообщала, что нашла мертвую лисицу.

Внимательно осмотрев зверьков, доктор составил список: 7 – лесных мышей, 12 – красно-серых полёвок, 5 – полёвок-экономок... А всего было найдено около 30 разных лесных грызунов и несколько бурозубок. На теле каждой были следы когтей, где выступили капельки крови и прокушенные основания черепа.

Помимо мелких мышевидных грызунов – мышей и полёвок, оказалась одна свиристель, три синицы московки, две буроголовых гаички, два снегиря и даже один трехпалый дятел.

Оставалось узнать, кому это дупло принадлежит. Доктор Филипп снова уткнулся в «Лесную энциклопедию». Там он нашёл описания таёжных сов. Среди них значился и лесной сыч и ещё воробьиный сычик. Прочитав о них самое главное, доктор сообщил своим коллегам:

– Всё понятно! Друзья мои, в этой зеленой книге говорится, что лесной сыч и сыч воробьиный – настоящие разбойники, промышляющие ночью.

– Почему же они не съедают добычу? – спросил Роман Романович.

– Они как собаки на сене! – встряла в разговор Сюзанна.

– Ладно тебе, можно подумать – сороки чем-то лучше.

– Друзья мои. Не время полемизировать. Ключ тайны в наших руках. Так давайте же откроем её до конца.

– Сычи, поймав свою жертву, – стал рассказывать доктор, – насытившись, продолжают ловить из охотничьего азарта или для запаса, как говорится – на «черный день» – на случай сильных морозов, метелей, когда ни она мышка не оставляет неделями своей норки. Там, в норках, мыши доступны только ласке или горностаю. В тайге становится всем хищникам голодно. А у сычей запасы. Но в такую суровую зиму, как эта, каждый раз, поймав очередную мышку, совы несут и бросают добычу в свои кладовые – дупла. А у них этих дупел в разных участках леса несколько. Представляете, сколько они за зиму наловят?

– Целый мешок! – буркнул Роман Романович.

– Возможно и так, – поддержал доктор.

– Мыши и птички на морозе коченеют, – поторопилась что-то сказать и Сюзанна, – они становятся твердыми, как камень!

– Правильно, Сюзанна. Потом сыч или сычик не может воспользоваться своим запасом. И опять длинными ночами вылавливает всех подряд и скидывает в дупла. Это он делает пока не отловит всех: они замерзают, а он не может есть их морожеными и ловит для себя свежих. И опять в свой склад... Следует заметить, что сычи охотники ловкие, смелые и удачливые, и кладовые их богаты. Так они вылавливают всех грызунов и даже некоторых птиц, которые здесь живут. А что остается лисицам? Ни-че-го! И вот результат – наша гостья, – показал он на лисицу, – и ещё та бедняга, которая погибла. А погибла она от истощения. Вот и секрет таежной, зимней трагедии.

Пока доктор и Роман Романович обследовали другую лисицу, погибшую от голода, Сюзанна облетела соседние деревья и нашла ещё два дупла, также до верха набитых жертвами алчных сычей. Доктор попросил, чтобы она вытащила из дупел все охотничьи трофеи ночных

разбойников. Сюзанна так и сделала. И снова на снегу появились десятки разных мышей и мелких птиц.

– Теперь, прелестнейшая, – обратился доктор к лисе, – можете неплохо перекусить не только сегодня, но и кое-что оставить на после. Лиса так и сделала.

– Кроме того, – наказывал доктор, – советую Вам наладить отношения с господином соболем, и пусть он поможет Вам извлекать из кладовых сычей их запасы. Тогда Вы успешно перезимуете.

– Он обжора и нахал! – ответила лисица.

– Хорошо, тогда с белочкой налаживайте отношения. Ей ничего не стоит найти дупло и выпотрошить его. При условии: Вы при случае не обижаете её впредь.

– Что Вы, разве я позволю себе такое? Мухи не обижу...

– Надеюсь, друзья мои и прелестнейшая, – обратился ко всем доктор, – всем теперь понятно, почему мышки лесные и полевые «летать» вдруг стали. Тайна нами, можно считать, раскрыта.

Доктор вышел на небольшую поляну, окруженную молчаливыми елями и кедрами, и стал рассказывать:

Представьте, бежит на лунной поляне маленький, темный комочек – мышка. А этот зеленоглазый разбойник, одетый в мохнатую шубу от кончика клюва до когтей, бесшумной тенью сверху на неё – цап-царап! И только отпечатки по обе стороны от его крыльев! И полетела наша мышка в его дупло. Вот и вся загадка «летающих мышей». Но практика наших криминалистов и сыщиков учит ещё и другому. Мы должны дознаться до первопричины. Всё, что происходит вокруг в этом мире, не случайно. Поэтому вопрос и стоит именно так – почему именно в эту зиму такое случилось!? Почему мышей не хватает лисам, и почему они голодают? Мы должны главные корни найти. В этом и загадка.

Теперь посмотрите, пожалуйста, на эти великолепные горы, тайгу... Как в этом году много снега. В такие зимы всегда наступает бескормица. Мыши с трудом выбираются на поверхность. Их нет – тяжелое время для тех, кто ими кормится. Поэтому наступает тяжёлое время для сов и для горностаев, колонков и лисиц... И тогда они вынуждены откочёвывать в предгорья, где снегу поменьше. И тогда среди всех этих охотников появляются ночные совы. И каждый из них не спит лунными ночами. Каждый ловит для себя добычу и складывает её впрок. Вот и улетают полевки, пойманные железными когтями ночных охотников, а лисы остаются только с носом.

– Да с пустым животом – добавил Роман Романович.

– И как бы лисица не старалась выследить жертву, разбойник сыч опережает, и рыжей охотнице остаётся только щёлкать голодными зубами.

– Теперь обратите внимание: в этой части гор сильно вырублены леса. Там, где леса нет, нет и грызунов, потому что им питаться нечем – нет орехов кедровых. Это значит – скопления мелких грызунов приходится на сохранившиеся участки тайги. Таким образом, произошло нарушение экологического равновесия. В природе появилась неустойчивость из-за сплошных вырубок. Значит – че-ло-ве-ка!... К тому же ещё и годы случаются неурожайные в тайге. Всё, как говорится, одно к одному. И вот результат – «летающие мыши».

В это время на соседнем кедре появилась белка.

– Слушаю Вас, наслышана о Ваших добрых делах.

– Вот и прекрасно! – сказал доктор. – А теперь, сударыня, будьте добры выслушать меня и способствовать впредь нашей прелестнейшей особе, – он показал глазами на лисицу, – подкормите её из запасов сычей, которые они хранят в дуплах, Где, – Вы знаете. Вам это ничего не будет стоить. А для прелестнейшей лисы – это спасение, жизнь!

– Сделайте добро другому, и Вы обязательно будете вознаграждены, а также одарены добром. Таковы законы жизни.

– С большим удовольствием – согласилась белка. Обиды забуду.

– Вот и прекрасно. Вы будете, сударыня, время от времени выбрасывать из дупла сыча околелших мышек нашей прелестнейшей лисе. Дупла к весне будут очищены, и в них можно будет Вам же устраивать убежища, возможно и гнёзда для малышей. Как видите, это только польза.

– Нам приходится это делать, только уже весной.

Летом лисы не дадут возможности сильно размножаться грызунам, то есть Вашим конкурентам по части орехов, ягод, разных семян... Они не будут так многочисленны. И всё будет, как нужно, всё в природе должно быть сбалансировано в пределах нормы.

– Итак, – в заключении сказал доктор, – кольцо общего благополучия окажется замкнутым. Всё станет, как прежде. Давайте помогать друг другу. – Доктор прошёлся между елями и снова продолжал:

– Зима ещё впереди, снега в этом году много, зима будет тяжёлой. Поэтому и сычи вылетели из дальних, таёжных углов в предгорья, в эти предгорные леса, на поля, чтобы не погибнуть от голода.

– На этом, друзья мои, считаю, что можно ставить точку в нашей оперативной работе под кодовым названием «Летающие мыши». Дело завершено успешно. Считаю долгом своим поблагодарить друзей моих – Романа Романовича и несравненную Сюзанну. Без них так быстро и удачно наше очередное расследование могло б не завершиться.

Доктор откланялся лисице и, взяв походный сундучок, в котором были инструменты и энциклопедии, заспешил со своими неразлучными друзьями домой.

Дух злой, таёжный

В дверь кто-то постучал:

– Войдите! – откликнулся доктор.

На пороге стоял средних лет мужчина. В руках его была меховая шапка, которую он держал, прижав к груди:

– Разрешите, доктор?

– Да, конечно, милости просим. Присаживайтесь, если Вы к нам.

– Доктор, к кому ж ещё? Обратился к участковому: «Не моё, мол, это дело». Съездил в районное отделение милиции и тоже: «Нет, это ерунда какая-то, у нас своих, более серьезных дел по горло...» – Он прошел, сел и продолжал:

– Мне газета попалась. В ней про Вас и друзей Ваших, как их? Кажется Роман Романович и ещё дамочка какая-то с немецким, кажется, именем.

– Сюзанна, да Сюзанна, любезный, зовут её, – помог доктор, – так вот, дай, думаю, я съезжу, тут не далеко. Авось и поможет этот славный человек...

– А Вы откуда-то с сельской местности. У вас есть ферма, и вы охотник, как я понимаю.

– Да, точно так, но как Вы...?

– Всё просто, – сказал доктор, наблюдая, что шапка гостя сшита из свежего меха лисы. На ногах унты из шкуры волка и, к тому же, от него страшно несло свежим, конским потом.

– Я слушаю Вас, любезный. Только всё по порядку... Примерно так, как Вы изложили свои похождения по милицейским участкам.

– Доктор, дело вот в чём: с осени, с конца октября, как только снег окончательно накрыл землю, с моей лошадьёю беда приключилась. Это здесь, недалеко, на хуторе. Так вот, ночами кто-то на неё нападает, и лошадь не знает, ночи напролет не знает покоя: бьется, ржёт и лягается и храпит. Зайду в конюшню – стоит разгорячённая, вся в мыле. Пена на губах, дико глазами косит, будто загнанная лихим наездником. Мужики говорят, мол, это домовый твою лошадь присмотрел и ездит на ней напролёт ночи. И так будет ездить, пока лошадь не издохнет. Жалко на неё смотреть: не по дням, по часам худеет. Ставил капканы, с ружьем в засидках был, а поделывать ничего не могу. Постоянно там ночевать не станешь. Не лето сейчас. Вроде бы в нечистую силу не верю, но дела вот такие, невольно поверишь. Запирали накрепко двери, ломami подпирали, а всё равно бьется и бьётся кобыла ночами. Беда прямо...

– Та-ак, – сказал доктор, – довольно забавная история. Но ничего, для всякой тайны есть свой ключик. Только нужно уметь найти его. Все просто... – И он иронически улыбнулся.

– Конечно, жаль, очень жаль Вашу лошадку. Я бывал у вашего хутора, это, действительно не далеко, так что, любезный, я и мои коллеги займемся этой чертовщиной. К вечеру нас ждите.

Если доктор пообещал, то он обязательно сдержит своё слово, так было всегда. И коллеги его знали это. Так было и на этот раз: ближе к вечеру доктор со своими друзьями были уже на хуторе. Место было прекрасное: небольшой домик, подворье стояли на изгибе небольшой речки, густо заросшей тальником. Дальше начинался смешанный с осинной березняк, переходящий в чёрную, как ночь, тайгу.

– Похоже, здесь заячьи места! – сказал доктор.

– Да, у нас здесь прекрасные охоты. Если желаете, можем и поохотиться, – предложил хозяин.

– Нет, любезный, животных мы не трогаем.

– Мы их защищаем! – чисто сказала Сюзанна.

– Это кто? Она? – показал глазами на Сюзанну хозяин хутора.

– А чего Вы так удивляетесь?

– Ну, как птица и вдруг...

– Ничего удивительного, любезный, даже козу можно научить говорить, если только подружиться с животным и уважать его.

– Это наша Сюзанна, за её плечами уже раскрыто много тяжких и самых загадочных преступлений. И Ваше дело во многом зависит от неё – Сюзанны! А это наш Роман Романович...

– Доктор, вы шутите?

– Нисколько, любезный, это и есть мои коллеги.

– А я думал...

Смущенный таким поворотом дела, хозяин хутора долго ещё стоял молча, пока доктор и его коллеги ходили и осматривали все подходы к конюшне.

– Что скажете, друзья? – обратился доктор к коллегам.

– Я ничего такого не увидела, – сообщила Сюзанна.

– Я, я, кажется, на какой-то нестерпимый, едкий запах наткнулся. Прежде такого мне не встречалось.

– Предлагаю сегодня же сделать засаду. – Сказал доктор. Друзья его согласились.

– Любезный, – обратился доктор к хозяину, – Вы можете нас на ночь закрыть в конюшне, и там где-нибудь укрыться?

– Конечно! Там, на сеновале. Но мы с мужиками сидели ночью в засаде. И как только лошадь забилась, заржала, выскочили, с вилами, а никого. Лошадь дрожит, храпит и косится. Даже меня пугалась. Пока не успокоилась. В панике ужасной была. И что интересно, доктор, грива у неё была заплетена. Мужики так и сказали, когда домовой облубует лошадь, не только мучает её ночами, да ещё и косички в гриве заплетает. Так всё и было. Заплетал.

Ближе к ночи доктор и Роман Романович сидели в углу конюшни, прикрывшись сеном. Всё было тихо и мирно. Лошадь смачно хрумкала сеном, фыркала. Всё было спокойно. Но ближе к полночи лошадь вдруг перестала теревить и жевать сено. Громко фыркнула раз-другой, почуяв опасность. Было понятно – она чего-то боится. И вдруг началось: затопотала, налетая на прясла, забилась, стала испуганно ржать и метаться.

Доктор включил фонарик, и они мужественно, вместе с Романом Романовичем, так быстро вскочили из сена, что, казалось, проснулся вулкан... Лошадь ещё больше испугалась и заржала. Фонарик лучом своим высветил насмерть испуганный её взгляд. Однако, никого – ни доктор, ни Роман Романович не заметили. Вокруг было пусто. Постепенно свет успокоил животное, но фыркание и дрожь долго ещё выдавали её испуг.

– Роман Романович, вы видели кого-нибудь? – спросил доктор.

– Никого, – ответил Роман Романович.

– Давайте, осмотрим бедное животное, – предложил доктор.

Они успокоили и осмотрели лошадь. И только подняв спутанную гриву, доктор увидел капельки крови на её шее. Кровь была свежей и пачкала пальцы, она сочилась из мелких прокусов. Доктор взял лупу и заметил, что проколы наносились на мягких частях шеи, около ушей.

– Что же это – вампир! – вырвалось невольно у доктора. Они стал осматривать углы конюшни, но нигде никого не было.

– Доктор, взвизгнул тихо Роман Романович, – я чувю, здесь всё тот же отвратительный запах, отдающий ядовитой кислотой. Мне хочется чихать, как только запах попадает в нос. И Роман Романович, действительно, громко чихнул

– Запах есть и очень характерный, значит, и есть «домовой!» Это уже неплохо. Будем сидеть до утра, а завтра посмотрим... Оставшуюся ночь они также просидели в засаде, но домовый не рискнул уже оседлать лошадь.

Покидая конюшню утром, Роман Романович обежал её и сразу наткнулся на след с уже знакомым запахом. И тогда он сказал об этом доктору. Доктор увидел небольшую горку, за конюшней, около неё несколько вмятин на пушистом снегу, и след под ней исчез. Однако, Роман Романович взял след. Он уводил в сторону леса и бесследно пропал в буреломе.

– Кто же это? Домовые следов не оставляют, запаха не имеют, а это вполне земное существо – оставляет и след, и запах.

– Доктор! Доктор! – громко в морозистом воздухе послышался ранний стрекот Сюзанны. – Здесь недалеко случилось несчастье!

– В чём дело, сударыня?

– На поляне внезапно кем-то убит заяц. Около него сидит и плачет зайчиха.

– Да, следует обстоятельно разбираться – кто же такой здесь убийца? Как говорят: «Одна беда не приходит». Или: «Пришла беда – отворяй ворота». И доктор с Романом Романовичем пошли, куда указывала им Сюзанна.

На поляне, окруженной тальником, черемухой, около неподвижного зайца-беляка сидела, опустив уши, зайчиха.

– Госпожа, – обратился доктор, – я и мои друзья выражаем Вам наше глубокое соболезнование, по случаю трагедии, случившейся с Вашим супругом. Я очень прошу Вас, госпожа, расскажите по порядку, как это всё случилось?

Но зайчиха, словно не слышала, некоторое время она сидела в глубоком оцепенении. Потом же лапками вытерла глаза. Немного успокоилась и стала рассказывать. При этом она пошевелила ушами, причмокнула губами, пожевала и топнула задними лапками. Доктор внимательно следил и слушал, и всё главное, ею сказанное, записывал в книжку. Наконец, она окончила рассказывать и снова погрузилась в скорбное молчание.

– Как я понял, Вы, госпожа, говорите, что с вечера всё было, как обычно: Вы погрызли тальник, осиновой коры и черёмухи. Ваш покойный супруг был, как всегда в добром здравии, и перед тем, как залечь в сугроб, сделал две замечательных петли, запутывая следы.

– Да, да! – овдовевшая зайчиха разрыдалась, как ребёнок.

Зайцы действительно умеют очень похоже плакать. Это ещё больше расстроило доктора Филиппа и его друзей. У них были добрые сердца, и поэтому им искренне было жаль одинокую зайчиху. «Мы обязательно поймаем и накажем убийцу», – решили про себя друзья доктора.

Доктор заглядывал в записную книжку и говорил:

– Из всего сказанного следует: в третьем часу ночи, когда Вы чуточку вздремнули, вокруг всё было тихо, светила луна и никаких подозрительных шорохов. И вдруг Ваш супруг с криком вскочил и, ломая кусты, помчался, куда глаза глядят, не разбирая тропы. Он высоко подпрыгивал, брыкался, будто сражался с невидимой тенью, наконец, упал и, когда Вы подбежали к нему, он был уже мёртв.

– Всё так и было, – подтвердила заплаканная зайчиха.

– Что-то невероятное творится в окрестностях хутора. Удивительно! – вскинул руки доктор. – Мистика, да и только! – Он всё перебрал в памяти. Что бы это могло быть? И вспомнил, конечно, о Домовом.

– Может, его Лесовик погубил? – робко сказала зайчиха.

– Это ещё кто такой? – спросил недоумевающий доктор и открыл «Зелёную книгу». Там он прочитал: «...о лесовиках много говорится, но в глаза его никто не видел, и, стало быть, это всё выдумки».

– Вот тебе и выдумки, потёр лоб озабоченный доктор, – там – Домовой, здесь – Лесовик. Чертовщина сплошная. Кругом – злые духи!

– Госпожа, – спросил он у зайчихи, – Вы ничего больше не заметили?

– Кажется, ничего. Показалось только, когда мой бедный супруг лежал, то из-под его лапы выглядывали две черные, живые точки...

– Идёмте к месту происшествия, – пригласил всех доктор.

– Роман Романович, будьте любезны, опознайте этот волос. Я срезал его с гривы лошади. Поищите, нет ли здесь похожего запаха?

Роман Романович принялся обнюхивать каждый след вокруг трупа и, спустя несколько минут, сказал:

– Доктор, точно такой же запах вот здесь, – он показал на мелкие, в снегу, почти мышинные следки.

– Потрясающе! – воскликнул доктор. – Я предполагал, что за всеми этими чудесами кроется жуткая фигура убийцы – он же Домовой и, возможно, тот самый Лесовик. Только почему они такие маленькие? А теперь давайте осмотрим пострадавшего. – Доктор, взяв лупу, приступил к обследованию зайца.

– Ну вот, видите, всё совпадает. Одно и то же преступное лицо! Точно такие же точки я зарисовал на шее лошадки. Здесь они ни где-нибудь, а на шее. Две точки! Располагаются по две. Ага, а вот место, где кровопийца перегрыз кровеносный сосуд-артерию на шее зайца. Это и стало причиной его гибели.

– Доктор, но здесь, рядом, никого не было, – сказала зайчиха.

– Это для Вас, госпожа, никого. На самом деле этот невидимка-разбойник сидел на шее Вашего супруга, и держал его мёртвой хваткой.

– Он его лапами обхватил? – спросила Сюзанна. – Такой большой значит был?

– Нет, он сел на него, как на лошадь, – уточнил Роман Романович.

– Теперь, госпожа, подойдите сюда, – сказал доктор.

Зайчиха подошла. Доктор показал ей маленький след на снегу, будто это были рассыпанные рядком горошины – сразу по две. След тонкой, гибкой цепочкой уходил к старому пню.

– Видите?

– Да, доктор, – ответила зайчиха.

– Нами предполагается, что это и есть след убийцы-невидимки. Так его назовём, – сказав эти слова, доктор с сомнением посмотрел на Роман Романовича, – надеюсь, Роман Романович, Вы запомните запахи предполагаемого преступника.

– Да, доктор! – вильнул он хвостом. – Запах у него самый-самый отвратительный. Позабыть его невозможно. Меня тошнит от него. Преступник – вонючий, как уксус.

– Я нашла вход в норку, куда он скрылся, – громко заявила Сюзанна и показала клювом на маленькую дырочку в снегу, около старого пня.

– Ну что Вы, Сюзанна! – упрекнул её доктор. – Это уж совсем мышиная норка.

– Но это же невидимка, дух! Он в любую щель и норку пролезет.

– Такого преступника не сразу заметишь даже на чистом месте. Думаю, что все-таки есть у него размеры и грозное, бандитское выражение. Это существо не знает красоты. Не ценит жизни других и само не может быть красивым. Преступники – не очень лицеприятны.

– Доктор, если мы его поймаем, обязательно сфотографируем и вывесим в лесу на обозрение всем его мерзопакостную рожу, – вынесла уже приговор возмущенная поступками убийцы Сюзанна. – Я представляю, что морда у этого бандита хуже ещё, чем у того рыжего кота, который напал на меня.

Тем временем Роман Романович сунул в снежную норку нос и втянул с глубоким храпом воздух.

– Доктор, Сюзанна права, чую тот же самый «вонючий» дух, – сказал Роман Романович.

Сюзанна подняла настоящий переполох около другой такой же норки.

– Сюзанна! Разве так можно, Вы же всех обитателей леса перепугаете из-за какой-то маленькой норки.

– Доктор, – не унималась стрекотать она, – около этой норки я нашла след кровавый

– Это очень важно, Сюзанна! Вы молодчина! – сказал слова благодарности доктор и в лупу стал осматривать отпечатки на снегу от окровавленных лап.

– Факты, факты... Возможно, так и есть – перед нами след подлого убийцы?

Доктор измерил след линейкой, зарисовал.

– Роман Романович, а Вы, пожалуйста, сравните запах крови преступника на снегу и кровь пострадавшего, бывшего супруга сударыни Зайчихи.

Роман Романович тщательно обнюхал кровь зайца, кровь на следах:

– Доктор, запах один и тот же. На снегу кровь именно нашего пострадавшего!

– Прекрасно! – отметил доктор.

– То есть не прекрасно, – поправил он сам себя, – но всё говорит, что мы идём по верному следу, по следу кровожадного, не знающего жалости преступника.

Сюзанна, прошу Вас, проследите этот след и узнайте – куда он ведёт? Это нам укажет, где скрывается лютый злодей. Нам нужно как можно больше узнать об этом таёжном монстре.

– Доктор, мне бы хотелось тоже пройти по следу тирана, – сказал Роман Романович.

– Ничего не имею против, – приступайте.

Сюзанна перелетала с ветки на ветку, оглядывая каждую щель, совала нос свой в кусты, осматривала деревья, – нет ли где норы или гнезда, или следа убийцы. Роман Романович тоже всюду совал свой нос, порой, только уши его виднелись из глубокого снега. При этом он часто фыркал, чихал, но твёрдо и уверенно шёл по следу. Пока доктор просматривал энциклопедию, выписывал нужные факты, Сюзанна и Роман Романович вернулись.

– Внимательно слушаю вас, друзья мои! – сказал доктор и приготовил записную книжку.

Роман Романович и Сюзанна наперебой рассказывали, что этот кровожадный деспот-невидимка, оставляющий на снегу кровавые следы, может проникать в маленькие норки, в расщелины камней, быстро бегаёт под снегом и поэтому появляется там, где его никто не ждёт.

– А ещё он может, наверное, летать, – предположил Роман Романович.

– Вот ещё – с чего ты взял? – возмутилась Сюзанна.

– Он дух, и он всё может. Как волшебник, только злой.

– Летают только птицы, – и Сюзанна показала, как она красиво это делает.

– Да-а! – в задумчивости сказал доктор Филипп. – Преступник обладает чудесными криминальными способностями. Он, как говорится, вооружён до зубов, проворный, всюду проникающий, дерзкий, вероятно, очень сильный, если нападает на разных зверей. Как заяц и даже лошадь.

– Как Вы думаете, доктор, – спросил Роман Романович, – он большой?

Я думаю, что он тонкий и длинный, как змея, – сказала Сюзанна.

– Может, это и есть змей или приведение такое длинное, – предполагал Роман Романович.

– Друзья мои, ни одна змея не может нормально жить в зимнем лесу. У неё температура крови зависит от той, которая под небом или в норке. Им хорошо летом, когда тепло, на зиму они прячутся, спят. Так что ни о какой змее и речи нет...

– Преступник ушёл в сторону хутора, – дружно сообщили Роман Романович и Сюзанна.

– Там у него логово! – выпалил Роман Романович.

– Там у него гнездо! – оспорила Сюзанна.

– Друзья мои, вы принесли ценную информацию, и, надеюсь, петля наших расследований всё туже и туже затягивается вокруг шеи ещё не пойманного коварного невидимки.

– Я думаю, нам нужно устроить на него засаду, прямо на хуторе, – рассуждал Роман Романович, – там он бывает часто. Туда все его следы ведут. Там мы его и задержим.

Доктор Филипп и его друзья тут же собрались и пошли к хутору. Доктор закрыл сундучок, спрятал записную книжку и протёр запотевшие очки. Но вдруг чуткое ухо Сюзанны уловило далёкий тревожный крик. Кричала кедровка – красивая таёжная птица, дальняя её родственница.

– Я что-то плохо слышу и что-то не могу разобрать, о чём она? – и доктор энергично приставил ладони к уху.

– Я сейчас, – сказала Сюзанна и тут же улетела в сторону кедровки.

Через несколько минут она вернулась и рассказала ещё одну страшную историю, которая случилась в таёжном лесу. Что в кедровнике, разбросив крылья, лежит на снегу старый глухарь. Он мёртвый. Следов вокруг никаких.

– Неужели он? – подавленно сказал доктор.

– Да, да, все факты говорят о том, что злодей не дремлет.

– Так он и до нас доберётся, – сказал Роман Романович и не заметил, как чуточку поджал хвост.

– А вот меня ему не поймать! – протараторила Сюзанна.

– Достанет и тебя, – предупредил Роман Романович, – глухарь более осторожен, более сильный и крупнее, чем ты. Так что не очень-то...

– Друзья мои! Вы не о том, – вмешался доктор Филипп. – Нам нужно быть там и как можно скорее. Пойдём по горячим следам.

Без лишних разговоров они повернули к глухарю. Снег был глубокий. Но доктор шёл смело и упорно. Он знал, что от него многое зависит в этом молчаливом лесу, где участились криминальные случаи.

Около лежащего на снегу глухаря сидела старушка-глухарка. Глаза её полны были глубокой скорби.

– Вы нам и нужны, обратился к ней доктор Филипп. – Мы полностью разделяем Ваше горе...

Доктор ещё много сказал слов на глухаринном языке по поводу безвременной гибели старого токовика. А потом обратился к ней с вопросом:

– Будьте столь любезны, почтеннейшая, расскажите, как это всё произошло?

Глухарка была глуховата не только по природе своей. Но и по возрасту – ей также было уже много лет. Она подошла ближе к доктору. Кокая и квохча, она стала рассказывать о том, как в этот вечер они

наткнулись на кедр, на котором были кедровые шишки. Это была большая удача.

– Мы наглотались орехов, – сообщила она, – поклевали хвоей еловой и пихтовой и перед заходом солнца сделали прямо под кедром, в снегу тёплые лунки и зарылись в них с головой. В них было тихо и тепло. В полночь, когда всё погрузилось в глубокое молчание, мой супруг вдруг исполошился: панически «кокнул», захлопал, забил крыльями и, разбивая снег, поднялся над лесом. Я за ним. Не долетев до этого вот дерева, он камнем вдруг упал в снег. Я – к нему, но он был уже мёртв. Вокруг всё также было тихо и спокойно. Стола светлая ночь. Никого! – Она вздохнула так тяжело, как умеют вздыхать глухари, когда им очень грустно.

– Кто же его убил, если вокруг никого не было?

Доктор взял лупу, осмотрел глухаря. На горле птицы он нашёл точечные прикусы.

– У несчастного перекушена сонная артерия, – поставил диагноз доктор Филипп. – Преступник пьёт кровь своей жертвы! Вампир!

– А вот и норка с запахом убийцы, – указал носом Роман Романович, на темнеющую дырочку в снегу.

– Как я сразу её не заметил? – удивился доктор.

– Она прямо под телом убитого глухаря, – пояснил Роман Романович. – Всё тот же запах. Отвратительный и отдаёт уксусом. – Он дважды громко чихнул.

– Доктор, – грустно говорила глухарка, – я думаю, погубил моего славного супруга лесной Боровик.

– Это ещё кто такой?

– Таёжный злой дух. Только он может бесшумно подкрасться, нападать и оставаться невидимым. За все мои пятнадцать лет я сама его не видела, но много слышала. Мой супруг был очень осторожным. Весной, когда он токовал на зорях, никогда, ни на секунду не забывался. Поэтому и прожил так долго. А как он красиво скрежетал, как великолепен был, когда распускал обворожительный хвост! – Глухарка, словно от глубокой боли, застонала. – Перья на его груди отливали синевой, на голове вздувались алые, как закат, брови, словно звёзды – горели глаза его... Соперницы завидовали мне. И вот что случилось... – У глухарки выкатилась слезинка.

Доктор впервые видел, чтобы птицы плакали. У него было очень доброе сердце, и теперь оно сжалось, словно от боли.

Сюзанна тоже растрогалась и воинственно прострекотала:

– Мы обязательно найдём и накажем преступника!

Роман Романович злобно прорычал, а это значило, что он сделает всё возможное для того, чтобы поймать дурно пахнущего убийцу и как

следует задать ему трёпку. В гневе он и Сюзанна позабыли, что это может быть злой дух, о котором такая дурная слава...

Домовой, Лесовик, Боровик, не слишком ли много вокруг одного хутора! И странно было, Роман Романович установил, что следы убийцы уводили в сторону хутора.

– Немедленно нужно отправляться туда, не то этот агрессор натворит каких-нибудь бед ещё. Смелый и дерзкий Мистификатор! Но мы его уже знаем! Мы почти его взяли! Он будет извиваться у нас, как уж на горячей сковороде! Он уже обречён! – выкрикивал в гневе доктор.

Такого шумного и сердитого доктора Сюзанна и Роман Романович видели впервые.

– Преступник скоро и нас по одному переловит и съест без соли. Но мы не дадимся ему. Очень скоро мы увидим его в клетке, услышим его глубокое раскаяние. Он будет рыдать и просить пощады, – страшала не пойманную, криминальную личность Сюзанна.

– Друзья мои, вперёд, на хутор, – торопил доктор, – мы этой же ночью возьмём его и сдёрнем прямо с лошади. Надо будет – поймаем прямо на летящем глухаре, если он ещё раз решится на кого-либо напасть. Вперёд на хутор!

В гневе выкрикивал угрозы таежному разбойнику сам доктор. Он уже по-настоящему разозлился. Злился за то, что убийца был где-то рядом и оставался неуловимым. Маньяк настоящий! – вскрикивал доктор и угрожающе грозил кулаком в направлении леса.

Теперь они продвигались в сторону хутора. Впереди, с ветки на ветку перепархивала Сюзанна, утопая в снегу брёл Роман Романович и за ним с сундучком, то и дело останавливаясь от усталости, шёл доктор.

– У этого разбойника с отвратительным запахом должна быть премерзкая морда, хуже, чем у лешего, – с негодованием ворчал Роман Романович.

– Я вижу его омерзительным, похожим на червяка, с лягушачьими лапами и рыбьей головой. Да ещё страшными, как у того рыжего кота, усищами, – негодовала Сюзанна.

Так все они ненавидели убийцу и кровопийцу.

– Я не знаю, друзья мои, как он выглядит, – сказал доктор, – но знаю одно – у него каменное сердце и стальные мышцы. И не так страшны его стальные мышцы, как каменное, холодное сердце. Он беспощаден. Это самый злой дух из тех, каких мне приходилось встречать! Мои энциклопедии, где названы все обитатели лесов, болот и гор, к сожалению, не называют зверей с такой дерзостью и кровожадностью. Он нигде не значится – этот дух. Он – привидение! Прежде, чем мы поймем его, мы должны знать о нём как можно больше, – сказал доктор.

Он достал записную книжку, полистал, почитал и сказал:

– Итак, друзья мои, преступник, за которым мы пока безуспешно гоняемся, вершит страшные злодеяния каждый раз в глухую полночь, когда все спят и все на время теряют бдительность. В этом уже его большое коварство. Все, кто нападает исподтишка – опасны. Возьмите тигра, льва – они все оповещают о своем выходе на охоту. А этот маньяк убивает тихо и наверняка. А это значит – так просто его не встретить. И спрашиваю всех нас в который раз: какие же мы детективы, если не представляем его жизненного портрета?

– Имею слово, – поднял лапу Роман Романович, – по гнусному запаху я его найду и, может, даже рискуя своей жизнью, схвачусь с ним в поединке. Если уж, что случится, тогда не поминайте лихом, – сказал Роман Романович, опустив глаза.

Сюзанна вздохнула и, позабыв все ссоры и споры с Роман Романовичем, решительно прострекотала:

– Мы будем вместе сражаться со злым духом!

– Друзья мои, я знаю, у вас отважные и добрые сердца. Но с кем сражаться? Домовым, Лесовиком, Боровиком или ещё с каким-нибудь злым гением, или нечистой силой? Мы должны всегда быть вместе. Мы должны перехитрить его и сделать всё, как положено по закону. Зачем рисковать! Об этом я позабочусь сам.

Доктор поставил свой сундучок и, заложив руки за спину, стал ходить взад и вперёд, от дерева к дереву, как он это делал всегда, когда что-нибудь обдумывал. В пылу негодования он сдёргивал шапку, трогал лысину, запускал руки в карманы, будто что-то искал. Доктор нервничал, и друзьям его было мучительно видеть, как огорчён в своём бессилии их любимый доктор Филипп.

– Ура, – вдруг залаял Роман Романович, – у меня прекрасная идея! Я нашёл выход! – Роман Романович так обрадовался, что залаял громко, на весь лес.

– Слушаю Вас, уважаемый, – остановился доктор, глянув на Романа Романовича поверх очков.

– Вот что я предлагаю. Сейчас же Сюзанна должна в лесу разыскать и пригласить к нам для разговора сову. Она ночная, она и выследит преступника.

– Совы на зиму улетают, – заметила небрежно Сюзанна.

– Сейчас посмотрим, – сказал доктор.

Он достал из своего походного сундучка лесную энциклопедию и прочитал вслух: «На зиму в наших лесах из крупных сов остаются филины и уральские неясыти и некоторые виды сычей».

– Ну вот, видите, филин – фигура мрачная, разбойная, так что Сюзанна, поищите и пригласите неясыть. Она крупная, светла и черноглаза, как восточная девушка. Мне кажется она самая добрая из всех сов. Её вы узнаете сразу.

Сюзанна улетела на поиски. Она умела отыскивать отдыхающих в лесных куцах сов. Для этого нужно было прислушаться к голосам синичек, поползней или корольков. Они везде бывают и обязательно между собой перемолвятся, например, такими словечками: «Приятельница, ты знаешь, что вон там, в тёмном лесу живёт рысь?» – «Это что, я видела, – отвечает другая, – как она на косулю напала!» – «А я, я, – громче других выеживистывала самая молодая, – видела во-он там в дупле – сову. Глазастая, а когти – и говорить страшно!» – «Где же ты её видела?» – спросила молодую старая синичка. «А во-он там, где мёртвое дерево с голыми ветками, в котором прошлой зимой жил соболь, летом гнездо устраивала белка, теперь там сова».

Сюзанне только этого и надо было услышать. Полетела. Слова вежливые сказала около дупла. И тогда выглянула из дупла сова. Ленивая, сонная, того гляди – в дупло опять залезет.

Но когда Сюзанна назвала доктора и что он ждёт её, сова оживилась. Глаза протёрла, проморгалась и заговорила телеграфным текстом: «Много-много слышала. Уважаю. Сейчас буду», – и подлетела к доктору.

– Благороднейшая, славного племени, подруга ночей и сиятельных звёзд, просим помочь нам. Нужно отыскать дерзкого, безмерно кровожадного разбойника этой тайги, – доктор по порядку рассказал всё, что знал о неуловимом преступнике.

Он очень просил сову выследить преступника в полночь, когда тайга спит в глубоких снегах. На него у них давно заведено уголовное дело.

– Доктор, – сказала неясить, – я польщена, что могу Вам помочь. Постараюсь, поищу...

На следующее утро, только занялся рассвет, как за окном доктора и его друзей послышался синичий переполох: «Цит-кэй, цит-кэй», – кричали гаички. «Плить-плить», – возмущался поползень и «Та-та-так-так», – отбивали морзянку дятлы. Все трезвонили: у дома доктора Филиппа появилась большая сова.

Доктор открыл дверь и громко укнул: «Заходите, мол, ко мне благороднейшая!»

Неясить неслышно влетела в комнату.

– Прощения прошу. Рано для Вас, – начала сова, – но мне до восхода нужно быть в лесу, в своём дупле.

– С нетерпением слушаю вас, прелестнейшая, – сгорая от нетерпения, обратился к ней доктор. Неясить уткнула и моргнула только одним глазом.

– Неужели всё готово? Что это значит? – заволновался доктор.

Неясить моргнула тогда другим глазом и снова, но уже дважды, уткнула.

– Так вы поймали преступника?

Сова моргнула сразу двумя глазами, что означало: «Да, совершенно верно!».

– Прелестнейшая, но ведь это может быть и ошибка. Преступник очень силен, безмерно кровожаден и до беспамьятства дерзкий. Мы столько времени потратили на его преследование и всё пока безрезультатно, а Вы, прелестнейшая... Сразу, за одну ночь...

Гневно шипя и глухо щёлкая желтоватым клювом, сова сказала:

– Да, негодяй очень коварен. Я схватила его, как только он появился на лесной опушке. Но он оказался такой изворотливый, что успел вцепиться мне в горло и чуть, было, не отгрыз голову. И представляете, – возмущалась сова, – всё это на лету. Он ничего и никого не боится. Пришлось тогда зажать его покрепче когтями, – и сова показала острые гнутые когти.

– Невероятно! Непостижимо! – вскидывал в восторге руки доктор Филипп. От предчувствия удачи, он тотчас снял и бросил куда-то в угол свои очки.

– Доктор, говорил же я, что сова нужна. Моя идея!

– Хорошо, что я нашла её! – закатывая глаза, кокетливо стрекотала Сюзанна.

– Прелестнейшая! Где же теперь отсиживается наш герой? – иронически спросил доктор.

– Он узник, – глухо угукнула сова, – сидит у меня в дупле и ждёт Вас.

– Друзья мои, немедленно в лес! – засобирался доктор. – Или сейчас, или никогда! Он наспех оделся. Он спешил, чтобы своими глазами увидеть того, кто ночами творит ужасы.

– Я же говорил, что поймал его! Говорил, что он у нас в руках, – суетился доктор, – сейчас же в лес, к дуплу! Но где мои очки? Вы, сударыня, не видели их случайно? – обратился он к Сюзанне.

– Нет, доктор, – сказал Роман Романович. – Вы случайно забросили их в самый дальний угол. Возьмите. – Он подал доктору его очки.

Одолев лесные поляны, ельник у речки и старую вырубку, утопая в снегу, доктор и его друзья оказались, наконец, у старой, давно засохшей лиственницы.

– Это он, доктор! – зарычал Роман Романович. – Нос мой чует его нестерпимый запах. – Роман Романович громко чихнул, словно ему в нос всыпали горсть перца.

– У меня дрожит каждое пёрышко. Мне страшно, – стуча клювом, призналась Сюзанна.

– Нет, нет, друзья, не бойтесь, я сам. – Доктор, цепляясь за толстые листвяжки сучья, проворно добрался до дупла и в него заглянул. Роман Романович и Сюзанна видели, как от волнения или страха у доктора

тоже тряслись руки и колени. Даже его бородака тряслась. Это пуще ещё нагоняло страха на его друзей.

Они понимали, что доктор очень в этот страшный момент рисковал. Наконец, он добрался до дупла и, преодолевая страх, заглянул в него. Но, увы, там никого не увидел. И тогда он с досадой сказал сове:

– Преступник, о, прелестнейшая, сбежал.

– Не может быть, доктор. Вы просто присмотритесь, там темно. Он сидит и ждёт Вас.

– Там он, там, – пролаял Роман Романович. – Я чую рядом его мерзкий дух.

– Доктор снял и протёр очки и снова заглянул в дупло. На самом дне дупла сидело белое, как снежок, существо с тёмными, веселыми глазами. У существа был короткий чёрный хвостик. Смотрело это прелестнейшее существо ласково, словно очень обрадовалось, что так близко видит доктора, который наконец-то поможет ему выбраться на волю.

– Прелестнейшая, – обратился доктор к сове, – Вы ошиблись. Определённо! Ночного разбойника я не вижу. В вашем дупле премиленькое существо с восхитительной мордашкой и улыбочивыми глазками. Это же игрушка живая!

– Вы правы, доктор! – угукнула неясуть. – Но посмотрите на его окровавленные усы и лапы, на острые, как шипы, ослепительно белые зубы и мои перья, что валяются в дупле, тогда поймёте, что зверь очень опасен.

Сменив страх на восхищение, доктор протянул к маленькому существу руку. Он хотел взять его – беззащитного, беленького. Но сова строго сказала:

– Доктор, предупреждаю: если не хотите ещё крови, не делайте этого. Зверь коварный и сильный.

Не успела неясуть предупредить, как доктор вдруг дёрнулся, завизжал и выдернул из дупла окровавленный палец, а сам едва усидел на толстом суку около дупла. Роман Романович с лаем бросился на выручку к доктору. Но разве собаки умеют по деревьям лазать. И все попытки верного друга доктора Филиппа окончились неудачно. Но он отчаянно лаял на весь зимний лес. На весь лес, как безумная стрекотала Сюзанна, сообщая, что таинственный убийца напал на самого доктора.

Конечно, в лесу началась паника: слетелись все синицы, сбежались с окрестных мест белки, даже осторожная рысь и та не упустила возможность посмотреть – что же случилось с доктором?

– Ничего, друзья мои, успокойтесь. И не таких брали... – Он тут же извлёк из кармана сюртука рукавицу, и, надев её, достал из дупла маленькое, беленькое существо, которое едва виднелось из рукавицы. Но зверёк злобно стрекотал и успел намертво вцепиться в рукавичку,

пытаясь достать саму руку. Грешно и грустно, – заметил Роман Романович. – Это он, наш разбойник, вонючий такой?

– Он такой, как не знаю кто – очень хорошенький, что и наказывать жалко, – очарованная красотой зверька, сказала Сюзанна. – Но если отпустить его, он снова бед разных натворит.

– Это обыкновенная ласка, – сказал доктор.

– Кто же придумал ей такое название? Она же отпетая хищница! – возмущенно прострекотала Сюзанна.

– Да, он как раз из тех, кто мягко стелет, да жестко спит, – разочарованно высказал свое мнение Роман Романович.

– Что же нам делать, друзья мои? Коварные налёты маленького разбойника, которого я беру в ладони, требуют по законам правосудия в природе жестокого наказания. Так что же нам делать?

– Может быть, в зоопарк отдать? Пусть на неё смотрят и все знают, какая она недобрая, – сказала Сюзанна.

– А впрочем, доктор, – вмешалась неясить, – давайте выселим её из нашего леса, подальше и пусть там, где-нибудь, живёт и не мешает.

– Светлая голова! Вы, действительно, прелестнейшая, дали нам мудрый совет. Не зря древние богиню мудрости Менерву изображали в облике совы. Очень правильное решение. Так и сделаем. Вы, действительно, не только очень красивая, но и мудрая. Какое редкое сочетание для одной дамы!

– Я сделаю это с удовольствием сама, – сказала неясить, – унесу за горы, за речку. Пусть бегает там и делает, что хочет.

– Прекрасно! – согласился доктор. – Так и поступим. А мы, друзья мои, со своей стороны должны всем пернатым и четвероногим друзьям сказать, пусть спят ночами спокойно. Не будет теперь на хуторе Домового, в лесу – Лесовика и ещё, как его там? Боровика! Даже странно, что все эти духи уживались в этой, с виду такой маленькой, очаровательной и совершенно безобидной – ласке. Это заявление всему лесному народу сделаете Вы, Сюзанна. Я же на хуторе скажу, что Домового там больше нет, и пусть больше не пугается наступающих ночей их несчастная лошадка.

Так и поступили сыщики с маленькой, смелой и дерзкой разбойницей, с такой красивой, носящей такое обманчивое название, как – ЛАСКА!

III. Тропой легенд и преданий

Доктор Филипп в свои юные годы побывал в Великой степи, протянувшейся от берегов Каспия, от песчаных пустынь и Арала, через золотую возвышенность Сары-Арка до алтайского синегорья. И услышал он от старого музыканта эпос о Голодной степи – Бетпак-Дала, расположенной в центре степей и пустынь казахских.

Песнь слепого музыканта из Сары-Арки:

*В стране «Лейли и Меджнуна»,
Земли поэзии и сказок,
В краю небесной красоты,
Вождь был великий и воитель,
Земель далеких покоритель,
И он построил град священный,
И град тот стал духовной Меккой
И яблоком раздора древнего Востока.
Века спустя, родился в граде
Красивый, сильный принц.
То славный был бытыр, но «болен»:
Огонь пылал в его груди.
Решился он на покорение земли –
Равнины неизвестной, долины счастья,
В чужой неведомой стране.*

Отправился туда он с воинством
Друзей, на боевых конях.
Потом пошёл на «кораблях»
Морями жёлтыми, сухими.
На Север, где под Холода звездой
Земля безбрежная Сары-Арка.
А там река – на север и на юг.
Была там битва двух народов,
Но прежде чем пойти туда,
Где степь великая, как море,
И в четверть неба – Льдистая звезда,
Где сложен эпос о любви великой,
Воспетой степью на века,
Красавицы Баян, Козы её батыре,
Принц встретился с провидцем,
Он знать хотел, что ждёт его в
Краю чужом, ковыльном?
Ответил он: «Да, есть в краях
Немереной земли лишь место сильным.
Лежит суровая, непокорённая долина.
Там золото на головах звериных,
Тулпары на крылах орлиных
И стаи ветров в той степи...»
Потом умолк певец...

Чего ж молчишь, что дальше?
– Хочешь знать? – спросил провидец.
Пусть всё домбра тебе расскажет.
Заплакала домбра:

Не будет счастья и добра,
Там только смерть и неудачи,
Не воинов ты бойся – трёх причин,
Страшись их трёх земных креста,
Да, трёх, несущих жизни знак.
Рыдала снова, плакала домбра.
Принц приуныл и головую сник.
Домбра сказала:
– В твоих устах слова великие рождаются.
На вечность имя дашь земле
И будет там любовь, потом вдова...
Но принц был боевого роду,
Огня не меньше – у его друзей,
И он отправился походом.
Лишь только одолели две воды,

Бегающих с гор высоких, синих,
Несчастья начались и беды:
Погибли вошны от первого креста,
Причина в той, что, двигаясь вперед,
Уходит боком, смертельный крест неся.
Потом была вода от снега и слезы.
И «корабли» прошлись по суше,
По Северной звезде сверяя путь.
Их беды стали ещё чаще,
Как только появился,
Рожденный стороной Небесной,
С тремя словами в имени родился,
А с ним «зурна», что пела и рыдала,
Она хрипеть умела, убивала.
Нашедшему её, теперь о тайнах
Одна она расскажет.
День ото дня ряды друзей редели,
На чёрном красные – кресты губили.
Остался принц один совсем,
Но вот виновника убил...
И вдруг к нему любовь большая,
Как юноши к Баян-Сулу,
Пришла! И принц воскликнул:
«Долина счастья и долина зла!»
Бетпак-Дала! Бетпак-Дала!
Слова взметнулись до небес:
Но на беду по небу сам
Поплыл причинный, тёмный крест,
Осуществив несбыточность надежд...
Герой наш повторил судьбу Эхшила.
Причина третья? С синевы небес,
К нему пришла внезапная могила:
И принц погиб, печален был конец!
Уж не пойдет кыпчачка молодая
С любимым под венец,
Но родилась там «Чёрная вдова».
В степи пошла ужасная молва,
Весь мир узнал, что есть Сары- Арка,
Где тысячи сайгаков скачут,
Где каждый раз в ночи
Тростник озерный тихо плачет,
И «Чёрная вдова» роняет слезы,
И там у озера рыдает сабызгы...

Там время копь бегущий
 И долго, на века, как снег,
 На карте будет «белое пятно»,
 Земля не покоренная, и никого уж нет –
 Каков вопрос, таков ответ...
 Но тайны ключ найдет другой,
 Чуждой, от просвещённых знаньем
 И в «сопном» имени зверька
 Своё он имя личное увековечит.
 И тайна «светлого пятна» умрёт
 И никогда уж боле не воскреснет!
 Опять пройдут года, века,
 И на пороге двух тысячелетий,
 Трёх лучших сыщиков пустыня встретит
 Союз «хвоста», «крыла» и «просвещения»,
 Они откроют заново тот путь,
 Найдут волшебную «зурну».
 И вот тогда и навсегда
 Исчезнут тайны и сомненья.

Доктор запомнил потрясший воображение средневековый эпос, связавший мир учёных и поэтов Ближнего Востока с акынами Великой степи. Бывая в Сары-Арка, он знал – там помнили тоже о шедевре глубокой старины.

Из века в век, из уст в уста, с ветрами истории гуляло по степи великое предание. И вот теперь доктор читал пожелтевшую от времени рукопись. Он понял, – трагическая, но романтическая история открытия не тронутой долгое время исследователями равнины Бетпак-Дала, о которой рассказывал эпос, веками дожидалось своих исследователей.

– Эврика! – воскликнул доктор. – Здесь сказано провидцами и про наш союз! И тогда он в запальчивости сорвал с собственного носа очки и одним махом зашвырнул их куда-то.

В тот момент, когда душа его рвалась на простор к открытиям, очки, конечно, ему, как никогда, мешали. Они душили его творческую и свободную натуру. Ему становилось тесно в них. А мозг его работал уже напряженно, в экстремальном режиме, вены на лбу и шее взбухли до предела.

Доктор предчувствовал начало великих открытий. Уверен был, что его с друзьями ждут уже в голодной, безводной Бетпак-Дала великие дела.

– Про нас с вами, друзья мои, здесь всё сказано! – доктор пролистал ещё раз старинную, пожелтевшую от времени рукопись, пережившую в тёмных и пыльных архивах не одно столетие.

– Нас, друзья мои, – сказал он, – ждут великие, географические открытия! Мы, мы... – На этот раз он так волновался, что упустил перед именами своих друзей и коллег уважительные слова, и поэтому речь его на этот раз получилась несколько странной, но темпераментной:

– Мы с вами, Роман Романович и Сюзанна, до-до-дорогой и су-су-су-дарыня, не теряя ни минуты должны собираться в страну, «Меджнуна и Лейлы». Путь наш пройдет трудной, исторической тропой, которой века назад прошли отважные, достойные памяти народов воины. Мир заждался нас, а мы сидим!

Сказав эти высокие слова, доктор обежал вокруг стола и начал собираться в дорогу. Он взял походный сундучок, но понял, что на нём ещё нет сюртука. Надел сюртук, взял трость, но не обул полевых сапог и совершенно позабыл, где висит его шляпа.

– Друзья мои, – сказал доктор Филипп, – что-то у меня не так, не получается, а время не ждёт. Вы слышите? Время стучит в колокола открытий! А я тут попусту его теряю, а в чём дело – не пойму...

– Доктор, наденьте очки, – сказал Роман Романович и отдал их доктору.

– Ах, вот в чём дело: без очков я беспомощный...

Роман Романович был очень наблюдательным, он хорошо знал, что без очков доктор становился даже смешным: он много суетится, а толком ничего у него не получается... Знал он и другое: если доктор выкрикнул слово «Эврика», – значит предстоит что-то интересное, и обязательно оно будет успешным.

А доктор уже всё продумал: во что бы то ни стало, он решил открыть волнующую тайну старинного эпоса. Они должны узнать правду и причины гибели похода отважных воинов в эту страшную пустыню.

Доктор понимал: в эпосе слепого певца Великой степи и музыканта многое сказано не прямо. На Востоке считают: «Прямо и откровенно говорят лишь дураки».

Восток всегда грешил иносказательностью мудрости степенной. «Тем он и прекрасен, что глубина всех мыслей лежит – всегда на самом дне...» Ну а так, как мы знаем, что доктор был гражданином мира, то считал он себя человеком восточным, с такой же уверенностью он считал себя жителем Филиппин. И тогда учёный сказал:

– Доктор Филипп, у тебя есть всё – знания и верные друзья. Тебе и твоим коллегам-сыщикам, предстоит открыть эту великую тайну, связывающую историю Востока и Центральной Азии...

И тогда он ещё сказал: «Друзья мои, предлагаю назвать предстоящую работу на языке сыщиков – «Операция – тропой легенд и преданий». Но мы должны помнить всегда: «Быстро сказка сказывается, да дело не скоро делается». Но у нас говорят и по-другому: «Во всяком деле – лиха беда начало!».

Доктор Филипп продолжал:

– Друзья мои, на свете бывают тайны, которые живут в народной молве, лежат в архивах веками и даже тысячелетиями. Некоторые из них раскрыты. Но мир велик, и число таинственных случаев непредсказуемо, – он взглянул на потемневшее небо и добавил, – так же много их, как и звезд на этом вечернем небосклоне. Но есть среди них одна – о неизвестных причинах, загадочных обстоятельствах, погубивших целое воинство Востока, открывателей неизвестных земель. Теперь остались предания и легенды об этой трагической экспедиции, да ещё казахский народный эпос.

Пользуясь вашей поддержкой, друзья мои, намерен раскрыть эту самую загадочную историю наших географических широт. Надеюсь, мы узнаем причины гибели военной экспедиции, и на одну тайну в мире станет меньше. Я буду счастлив, если это нам удастся!

– Конечно! – протявквал Роман Романович, – мы уже засиделись.

– Обо мне и речи нет, – прострекотала Сюзанна, – куда Вы, туда и я.

– Руководство к действию у нас есть, – сказал доктор, – он показал пожелтевшую рукопись.

– А теперь, друзья мои, прежде чем отправиться в путь, я должен ознакомиться ещё с письменами других древних летописцев.

У доктора дома была большая библиотека, и он, зная все языки мира, сразу же взялся за них. За работой он просидел всю ночь. А утром, уставший, сказал, что должен чуточку перед дорогой отдохнуть. Он «упал» на кровать и проспал целые сутки.

– Итак, – проснувшись, сказал он, – в начале восемнадцатого века, – как узнал я из литературных источников, – из города Герата, освещенного именами великих поэтов, учёных, построенного великим и непобедимым полководцем, покорителем мира – Александром Македонским, – города науки, архитектуры и искусства, отправилась эта экспедиция.

В Герате, как писали древние, построены небесной красоты храмы, называли их за божественную красоту – «опущенные с небес». Это великие шедевры, и особенный среди них – ансамбль «Муссала». Но, – продолжал доктор, – поскольку город построен в спокойные времена, на беспокойном месте, то волею небес он и стал яблоком раздора. Между близкими народами соседних стран – Афганистаном и Ираном, разгорелись споры, началась вражда. Обо всём сказано в этом эпосе.

– Как понимаю я, – сказал Роман Романович, – это очень красивый, древний город.

– Вы совершенно правы, Роман Романович, – так оно и есть! Из Герата отправилась экспедиция, для открытия неизвестной земли на севере.

– Итак, – с этих слов доктор всегда начинал любое великое дело. В этот раз он дважды повторил слово – «итак». – Это, – продолжал он, – как мы уже знаем, была земля древней Персии – современного Ирана. Там и родился эпос о любви прекрасной Лейли и её любимом – Меджнуне. «Но, одолев лишь две воды», – вспоминает доктор строки их эпоса. – Что такое «две воды?» – Вопрос показался ему трудным. Однако, взяв карту, поразмыслив над ней, доктор пришёл к выводу, что так назывались реки. Но какие? Где искать их? И снова он изучал карту и решил, что это – Яксарт (Сырдарья) и Джейхун (Бешеная река), протекающие севернее Герата. От Герата на карте доктор провёл на север пунктир – предположительный путь, которым шло древнее воинство под предводительством иранского принца. Дальше на их пути, после того, как они переправились через эти реки, открылись громадные пустыни.

– Значит, они дальше, на север, шли пустынями. Всё правильно! – обрадовался доктор, в эпосе сказано же, что сухими жёлтыми морями, на «кораблях» пустыни, значит, – на верблюдах. Пока всё сходится...

В эпосе упоминалось какое-то озеро. Вопрос? Что же значит – «снег и слезы»? Но и здесь догадки доктора, человека, в жилах которого течёт кровь Востока, помогли понять смысл и этих слов: «Вода снегов» – значит, вода пресная, «вода слез» – вода солоноватая. В этом тоже можно разобраться: «Вода снега» – это вода, текущая с гор, где лежат вечные ледники. А с водой вкуса «слезы» связано понятие воды солёной. Но разве есть на свете такие озера. Парадокс какой-то!

Однако, доктор не сомневался, что это есть Балхаш. «Но почему он хранитель сразу воды пресной и соленой? Такого не бывает!? Парадокс!» – сокрушался доктор. Однако просмотрев географические справочники, убедился – есть такое озеро на свете, и это, как раз, Балхаш: в западной части его – пресная вода, в восточной – солоноватая.

– Отсюда, – рассуждал доктор, – как говорится в эпосе, путь воинства прошёл на Север, в сторону Сары-Арка, где над горизонтом, в четверть небосвода, над поселением стоит «Холода звезда». Это значит, – рассуждал доктор, – звезда примерно в 45 градусов – над горизонтом. И снова перелистывает он справочники и находит – населенный пункт, над которым в 48 градусов светит Полярная звезда. Пришлось искать и удивительную реку, рождённую в горах, которая течёт на север, потом на запад и, обойдя простор великий, возвращается бумерангом – к югу. И река, и поселение то – называется Аягуз. Теперь это город. И,

действительно, здесь в XII веке, произошла историческая битва между казахскими батырами и чужеземными завоевателями. Всё это происходило под «Холода звездой». Всё совпадало, сходилось с событиями, о которых рассказывал эпос. Это вселяло надежды, что он на верном пути. Теперь доктор взял линейку и вычертил линию похода прямо на Север, на Полярную звезду.

– Итак, – сообщил он коллегам, – пришлось немного поработать, подумать, погадать и, кажется, все ясно: нам, друзья мои, известно теперь, где и как прошёл тот смелый принц и его воинство. Однако, загадок ещё много. Надеюсь, с вашей помощью мы узнаем истину тех давних событий. Сейчас же мы владеем только теорией, нам нужны вещественные подтверждения. Но мы уже имеем представление об их походе.

– Доктор, так идёте же, – выпалил Роман Романович, – мы засиделись!

– Я хоть сейчас, – дёрнула сине-зелёным хвостом Сюзанна.

– Друзья мои, – продолжал доктор, – теперь предстоит отгадать немало таинственных слов и целых предложений эпоса. Но начнём всё это, когда пойдем тропой легенд и преданий. Ещё я перевел с древне-иранского языка фарси название земли, которую решил открыть юный принц. И – эврика! – радостно воскликнул доктор. – Он тут же снял очки, осмотрелся и не решился куда-нибудь их швырнуть!

– И как я мог прежде не сообразить, что на фарси название этой пустыни переводится как «Земля зла и счастья». Счастья там, в громадной и голодной пустыне – нет. Когда пойдем, перед нами будет лежать большая, на фарси называемая – «Долина злосчастья!» Это и есть наша – Бетпак-Дала.

– И ещё Вы, доктор, говорили о зверях, у которых на голове золото, – проворчал Роман Романович, – это правда?

Начало пути

– **Д**рузья мои, – спокойно говорил доктор, – давайте-ка собираться в дальний путь. Нас ждут многовековые тайны. Там всё – о зверях с золотом на голове узнаем. Итак, мы начинаем путь под кодовым названием – «Тропой легенд и преданий!»

Первым делом доктор пошёл в железнодорожную кассу за билетами. Он попросил три билета – себе, Роману Романовичу и Сюзанне.

– Пассажир, – сказала кассир, – представьте документы на ваших спутников.

– Уважаемый кассир, – ответил доктор, у них же не имеется документов. Всё, что у них есть, так только имена да мой дом, но они – мои друзья.

– Не, положено, гражданин, садиться в поезд без документов.

– Почему же?

– Мало ли что в дорогое может случиться? Не положено, значит, не положено, – ответила кассирша и сделала вид, что разговор окончен.

– Друзья мои, – огорчённо сказал доктор, – поездка наша срывается. Я в отчаянии... Что ж нам делать?

– Доктор, – сказал Роман Романович, – идите со мной и послушайте, что я скажу. Первое: Ваши светлые очки замените на тёмные. Трость у вас всегда при себе.

– Это ещё зачем, уважаемый?

– Мы поступим так: Вы будете держаться за поводок, будто ведёте меня. На самом же деле Вас вести буду теперь я. Если спросят, скажите, что Вы слепой, а я Ваш поводырь. Трость при Вас? Значит, дело за немногим.

– А меня? – растерянно спросила Сюзанна.

– Тебя можно и не брать бы, – неосторожно высказался Роман Романович.

– О, если б кто только видел гнев и обиду Сюзанны, – она тут же разразилась таким резким стрекотанием, что доктор закрыл уши. Он испугался – их вообще прогонят даже с перрона. Гневная речь Сюзанны стала совершенно непонятной. «Вот уж, действительно, – подумал доктор, – гнев не только плохой советчик, он враг своему хозяину».

Доктор слушал Сюзанну, но не понимал, в чём же ещё она упрекала Романа Романовича и чего вообще хочет? Он понимал только, – она страшно рассержена и вот-вот набросится на своего обидчика.

– Ты б лучше так отругала тогда рыжего кота, который чуть не съел тебя...

– Друзья мои, прежде всего мир и покой. Нас ждут дела!

Кое-как доктор сумел на этот раз успокоить Сюзанну. Он сказал ей:

– Сударыня, Вы сядете мне на плечо и будете сидеть тихо, при этом жалобно смотреть по сторонам. Мы скажем, что Вас спасаем, будто у Вас, уважаемая, перебито крыло. И никаких билетов Вам не нужно. У нас народ жалостливый.

– В конце концов, мы начали доброе дело, а с нас ещё и деньги. Безобррражие! – с досадой проворчал Роман Романович. В его краткой, но выразительной речи, одних букв «Р» на этот раз было не меньше сотни. Да, он рычал, ему во многом поведение людей казалось неумным.

– Роман Романович, – вздохнул доктор, – в обществе людей, чаще всего бывают виноваты те, кто делает добро. И это один из важнейших

вопросов социального сюжета по нерастраченной и неразработанной ещё теме: «Се-ля-ви!»

Совет Романа Романовича они претворили в реальность: впереди шёл пёс-поводырь, за ним, держась за поводок, постукивая тростью, в тёмных очках шёл доктор.

– Граждане пассажиры, все успеете, – вдруг послышался голос кондуктора, – Пропустите, пожалуйста, бедного инвалида! – Дедуся, вы проходите сюда, только осторожно, у нас ступени крутые, а собачку Вашу – умницу эдакую, устроим с вами в отдельном купе. Вам без неё, понимаем, никуда... А птичку, птичку Вашу – бедняжку с очень печальными глазками тоже с Вами. Мы же люди и должны в беде помогать друг другу...

– Роман Романович, да Вы ж настоящий выдумщик! Вы неисправимый авантюрист! – заметил доктор. – Без Вас нам не уехать бы.

– А как Вы хотели! Со злом тоже нужно бороться. Делать это надо умело.

Так они и доехали до пустынного железнодорожного полустанка. От него – рукой подать до жёлтых, сыпучих песков, выходящих к древнему руслу реки Сурхан-Дарья.

Под солнцем юга доктор тут же пошёл на базар, где купил одежду. А когда переоделся и вышел, – Роман Романович с громким лаем набросился на доктора. Он не мог узнать человека в белой чалме, длинном полосатом чапане, светлых шароварах и легких ичигах вместо сапог. Только по запаху, наконец-то, он признал доктора и долго ходил виноватым.

– Для чего это Вы? – спросил Роман Романович.

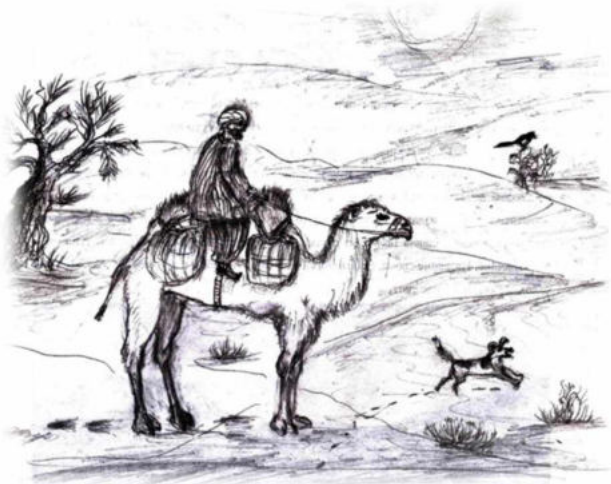
– Для того чтобы не было подозрений со стороны местных жителей к нам. К тому же эта одежда отвечает требованиям местных условий. В пустыне в чапане и чалме не так жарко. И будем приняты как свои. Это залог успеха в нашем деле.

– Доктор, почему мы не к озеру приехали? – спросил Роман Романович.

– Видите ли, уважаемый, нам необходимо начать как можно ближе к месту, откуда вышло воинство. Чтобы лучше выявить истинную причину гибели героической экспедиции. Поэтому сначала песками, потом глинистыми равнинами пройдем до Бетпак-Далы. Все это время

мы будем идти, как сказано в эпосе, в направлении «Холода звезды», в сторону Сары-Арка.

Доктор со всеми своими инструментами, приборами покачивался между лохматыми горбами верблюда. Верблюд завьючен до отказа: вез он продукты, инструменты, самого доктора и всё остальное, что важно для путешественников. Экспедиция выглядела необычно: на коричневом

верблюде с громадными, лохматыми горбами и при таких же «шароварах» медленно вышагивал громадный «корабль пустыни». На нём в восточных одеждах – в светлых шароварах, чалме, в полосатом чапане – доктор. Он очень даже походил на старого, богатого купца, следующего Великим шёлковым путем. Впереди бежал Роман Романович, Сюзанна же без устали облетала местность

и, время от времени, пролетая, указывала более удобный путь, куда шагать их каравану.

Первое знакомство с пустыней

В первый же вечер они оказались в очень горячих, сыпучих песках с бедной растительностью. И когда в небе загорелась звезда Аштар, доктор сказал:

– Наступило время отдыха! Он развьючил верблюда, разжёг костёр, и путешественники славно поужинали. Затем доктор достал волосяной аркан и, сделав из него круг, лег в него на песок, не раздеваясь.

– А это для чего? – спросил Роман Романович.

– От змей, скорпионов, фаланг и других, непрошенных гостей пустыни.

– Можно, я тоже около, – боюсь змей и скорпионов.

– А как же? Обязательно, около меня. И мне спокойнее будет.

Вечерняя пустыня долго ещё дышала зноем. Вдали, среди бесчисленных барханов, послышался тоскливый плач шакалов. Уныло перекликались пустынные кулики – авдотки. Пески замерли, потускнели. Над пустыней открылась синяя бездна, усыпанная жемчугами ярких звезд.

– Как она красива! – восхищался про себя доктор Филипп. – Столько здесь красоты, простора и первозданного покоя... Он не заметил, как уснул.

Утром вокруг аркана были странные следы: две широких полосы, – одна вдоль другой, словно пески кто-то утюжил. Следов было много и других. Однако, как видно было, ночных посетителей остановил волосяной аркан.

– Чьи следы это? – спросил встревоженный Роман Романович.

– Это мы должны узнать с Вами. Что же тут за ночные гости, которых не пустил аркан?

– Сюзанна, будьте добры, осмотрите местность и постарайтесь узнать кто же хозяин необычных следов.

– Доктор, можно я тоже пройду по следам?

– Роман Романович, конечно, может, Вам повезёт. Но я бы не советовал Вам идти этими следами, они не внушают мне доверия. Лучше пройдитесь по следам тушканчиков, песчанок... И вообще – осмотритесь повнимательнее. Мы должны получше ознакомиться с этой местностью, узнать – кто здесь живет? Вдруг что-нибудь важное для нашего дела найдется.

Пока доктор готовил завтрак, коллеги его познакомились с пустыней.

Первой прилетела Сюзанна:

– Доктор, – прощепетала она, – я нашла одну из тех, которые оставили ночью следы.

– И кто же это? – спросил доктор.

– Доктор, это страшная змея.

– Это интересно! Подождем Романа Романовича. Может, и у него что-то найдётся.

За словом «что-то» доктор подразумевал какие-либо ценные сведения, проливающие свет на загадочную гибель спутников иранского принца.

Через некоторое время прибежал и Роман Романович.

– Доктор, – сказал он, слегка запыхавшись, – я быстро бежал, потому что на склоне песчаной горы, это не очень далеко, белеют кости. Они очень старые – не имеют уже никакого запаха. Чьи – не знаю.

Так и должно быть: если хозяин костей погиб давно, – солнце их основательно выбелило и выжгло из них всякий дух. Нам лучше пройти и глянуть на находку.

После завтрака они отправились первым делом, по одному из «плоских» следов туда, куда указывала Сюзанна. Подошли к старому дереву саксаула: в тени его, у комля и небольшой норы, лежала змея. Заметив их, она тотчас свилась и громко зашипела, «угрожая» раздвоенным языком.

– Друзья мои, будьте внимательны: змея сердита и чрезвычайно опасна для каждого из нас. Она очень ядовита!

– Как узнали Вы? – спросила Сюзанна.

– Ядовитые змеи, – уверенно твякнул Роман Романович, – очень противно пахнут.

– Возможно и так, друг мой, но эта отличается от безобидных: у неё, как у гюрзы, – ребристая чешуя и тонкие, щелевидные зрачки. Посмотрите, какая широкая и плоская голова и выпуклые «скулы» по бокам головы.

Пока доктор объяснял признаки ядовитых змей, эта, которая отсыпалась на солнышке, медленно и странно как-то, боком-боком отступала к норе, оставляя плоские, знакомые уже следы, словно кто-то ладонью приглаживал песок.

– Таких змей здесь очень много, – прострекотала Сюзанна, – много их следов.

– Друзья мои, не кажется ли вам, что именно эти ядовитые змеи...

Доктор вдруг умолк, извлёк из сундучка «Пустынную энциклопедию» и стал быстро перелистывать её, пока не нашёл нужное. На странице была точно такая же змея, как и та, что ползла к норе.

– Ну, вот и она – красавица! – показал доктор на рисунок, – точь-в-точь, как эта. Змея же боком-боком скользила к норе, чуть слышно потрескивая чешуйками, словно наэлектризованная.

– Называется – песчаная эфа. Страшно ядовитая и агрессивная. Здесь написано, – говорил доктор, показывая на книгу, – ранней весной она охотится днём, а когда наступает зной, переходит на ночную охоту. Тем она и опасна, что подползает и кусает спящего человека.

– Доктор, не по этой ли причине погибла здесь часть людей, которыми мы занимаемся?

– А что! Вопрос довольно серьёзный. Она и в самом деле перемещается по песку не как все змеи, а боком! Да! Да, именно боком! – воскликнул радостно доктор. Однако насколько я помню, в эпосе упоминается ещё и земной крест. И причём тогда наша эфа?

– А я вижу и крест! – протараторила Сюзанна.

– Где? Какой крест? – изумился доктор Филипп и стал осматриваться вокруг. Но всюду были безмолвные, песчаные барханы и оголенные, с кривыми стволами саксаульники.

– Я ни чего не вижу!

– Да вон же, на голове её, – прострекотала Сюзанна.

– Доктор поправил очки и, осторожно присев, стал пристально рассматривать эфу. Теперь он и сам отчетливо разглядел на её голове словно «нарисованный», светлый крест.

– Эврика! Всё сошлось! Первая причина, кажется, найдена!

Доктор дочитал в энциклопедии всё про эфу и нашёл там сведения о том, что за этот рисунок на голове её, в виде креста, страшную змею называют ещё и «крестовкой».

– Друзья мои, несмотря на то, что эта тварь – песчаная эфа, не вызывает положительных эмоций, но должен я сказать, что рад видеть её в лицо, как самого близкого друга. Она открыла нам тайну номер один! Мы, теперь, можем смело сказать: «Эврика!» Мы отгадали!

– А теперь, Роман Романович, покажите свою находку, может, и она что-нибудь нам расскажет...

Сыщики оставили возмущенную, песчаную эфу и поспешили к большому бархану. У его подножья издали ещё были видны белеющие, выдутые на поверхность кости. Доктор осторожно выкопал их из песка. Делать это было легко и просто. На песке перед криминалистами лежал человеческий череп, забитый основательно песком.

– Найдка интересная! Череп древний. Хорошо сохранились только зубы, – отметил доктор. Он достал лупу. – Зубы, как мы видим, – рассуждал он, – принадлежали молодому человеку.

Потом доктор долго рассматривал белый, словно слепленный из белой глины, сам череп. Никаких ранений на нём не нашёл. Тогда снова стал внимательно рассматривать зубы.

– Судя по строению черепа, его можно отнести к народам индоевропейского человека. А это значит, что хозяин его мог принадлежать к народам персидского происхождения, что собственно и требовалось доказать. – Но, сказал это доктор очень неуверенно. – А вот налёт на основании коренных зубов, которые сохранились лучше, нам говорит о том, что этот человек, хотя и молодой, но был страстным курильщиком кальяна.

Доктор хорошо знал, что главным занятием для мужчин на Востоке были войны, поэзия и курение гашиша или марихуаны.

Также доктор знал и то, как компании мужчин на Востоке, собравшиеся покурить этого зелья, как заведено было, рассаживались по кругу, на персидских коврах, в тени чинары, и кальян шёл по кругу. Начиналось веселье: курильщики шутили, сыпали прибаутками, рассказывали весёлые истории и много смеялись. Такие «посиделки» назывались «тамашой». Весёлые, слегка одурманенные, они мирно потом расходились по домам. Отсюда – из Ирана и Афганистана, ещё в средние века распозналась болезнь курения дьявольского зелья. Сомнений теперь никаких – человек, которому принадлежал череп, был с иранской земли. Это значило, что экспедиция сыщиков идет пока точно по следу, той же «тропой».

– Однако, гибель воина здесь более чем странна, – высказал некоторое сомнение доктор, – поищем ещё, может, что-то найдем. Места

совершенно безлюдные... И что-то же должно сохраниться ещё, что-то при нём было...

– С этими словами доктор и Роман Романович принялись вновь копать песок в подножной части жёлтого бархана, под старыми деревьями саксаула. Труд их вскоре же был вознагражден: доктор наткнулся на какую-то крепкую палку. Сначала он посчитал, что это корни саксаула, но, на удивление, увидел в руках своих древко копья воина с железным наконечником.

– Это воин! Человек того времени и того похода! Копьё! Настоящее копьё! – радостно прокричал доктор Филипп! – Перед нами теперь лежат останки воина. Смерть его, явно, была внезапной. Давайте ещё поищем, может быть, ещё найдем нужные нам какие-нибудь «вещьдоки».

Этот день для них оказался очень удачливым: настойчивость их была вновь оправдана. Они обнаружили почти десяток таких же черепов. Но больше всего обрадовало их то, что на этих воинах, оказывается, были ещё и медные киверы, сваленные в отдельную кучу. С ними лежали их копья и стрелы.

– Вот теперь – никаких сомнений! Мы на верном пути, – говорил доктор, – эти воины оказались жертвами песчаных эф, которых здесь достаточно много. Они и послужили причиной их смерти. Это, друзья мои, и есть первая причина «креста земного», о котором говорится в эпосе. Главное, теперь не сбиться с пути, идти строго на север за «Холода звездой». И тогда мы откроем следующую тайну, другую причину «креста земного». Итак, вперёд!

Караван идёт на Полярную звезду

И снова караван из одного верблюда – в пути. Доктор привычно покачивался между горбов, поправлял чалму, очки и всё время жадно вглядывался в знойный горизонт. А он – горизонт – бесконечный: бугрились, насколько хватало глаз, барханы, дюны с рифлёными боками, следами от ветра. И всюду на жёлтых полотнах-песках – бесчисленные узоры и вязь наследивших жуков, ящериц, змей, ежей, тушканчиков... Временами барханы оплетали лисьи и волчьи следы.

Время от времени доктор останавливал «караван» и по компасу выверял дальнейший путь. Ночью проще было – шли на Полярную звезду. И так несколько дней тяжелого пути. Все эти дни ничего, что говорило бы о проходившей когда-то здесь экспедиции.

Пески не кончались, не кончались и темнели саксаульники, кусты жузгуна, да песчаной акации. Среди них выпирали гребни белёсых

барханов. Каждый день с наступлением полудня пески раскалялись, вокруг «бушевало» сизое марево: деревья, жёлтые холмы теряли привычные очертания. Перегретый воздух превращался, казалось, в текущие, светлые воды. И только ближе к вечеру выползали, будто из-под земли, тени. Они с каждым часом густели, заливали фиолетовым мраком впадины и мелкие извивы барханов. Как только солнце исчезало, пустыня темнела, сливаясь с бархатом тёмно-синего Космоса.

– Ваше Высочество, – обратился доктор Филипп к верблюду, на котором ехал, – наша задача, не сбиться с курса, и держать курс нужно только на Полярную звезду.

– Да, я понял, – простонал глухо и недовольно верблюд.

– Я попросил бы Вас, Ваше Высочество, чтобы шли мы мимо кудуков, которые Вы знаете. Иначе... – доктор посмотрел на емкости с водой. Они почти опустели.

– Не нужно, ученый человек, говорить мне об этом, – пробасил неразговорчивый «корабль пустыни», – у каждого из нас это в крови. Иначе, каждый из нас не носил бы столь гордое имя – верблюд! Слово это, – продолжал он, – достойно лишь самых достойных на земле. Уверен, Вы, уважаемый ученый человек, слышали от вечных, пустынных странников, от жителей пустыни, что всё красивое они называют – «Верблюд!»

– Виноват, красавец-верблюд, но я лично впервые об этом слышу. И с Вами полностью солидарен. Да, я знаю, что в этой пустыне, где мы идём, жители любимого человека называют «верблюжонком», – доктор добавил, – хорошо, Ваше Высочество, я теперь спокоен и полагаюсь только на Ваш опыт.

Три дня еще и три ночи шёл караван в сторону Полярной звезды, Вокруг, по-прежнему, ничего не менялось. И вот, наконец, под вечер вышли на заросшую верблюжьей колючкой, полынями и ковылём долину, которую с запада на восток пересекала, малозаметная тропа.

– Друзья мои, здесь сегодня переночуем. День был трудный, А завтра, возможно, до ближайшего кудука дойдем, – сказал доктор.

– Ученый человек, – обратился верблюд, – мы пришли к одному из них. Но его нужно найти. Всё засыпано песком. Следов колодца не видно.

– Да-а! – разочаровано сказал доктор, – как теперь найти его? Кудук здесь был, видимо, во времена Великого Шёлкового пути. Теперь в этих гиблых местах не бывает ни чабанов, ни охотников.

Доктор огляделся, но вокруг никаких признаков бывшего кудука.

– Будем искать! – сказал доктор.

– Вы, сударыня, обратился он к Сюзанне, и Вы – уважаемый Роман Романович, приступайте к делу. Что и как делать, Вы знаете...

Доктор развьючил верблюда и занялся приготовлением ужина. В пустыне всегда много кусков развалившихся стволов саксаула. Горят, они не хуже каменного угля... Доктор всегда кипятил чай. Когда солнце коснулось края пустыни, появился Роман Романович:

– Ничего! – выпалил он с досадой. Никаких признаков колодца.

Начало темнеть. И вскоре же появилась Сюзанна:

– Ничего не нашла. Уверена я, что здесь никогда и не было ни какого вашего кудука или колодца. Уверена также, что и «Ваше высочество» тоже ошибается!

– Сударыня, Вы всегда больно уж скоропалительны в доводах. Я ценю Ваш темперамент, желание показать себя с лучшей стороны, но спешить не будем и, как говорят: «Утро вечера мудренее». А сейчас давайте будем ужинать, а то вот-вот скроется солнце.

Жаркий костёр ещё долго освещал сгустившуюся до черноты темноту. В чистом, далёком Космосе перемигивались лучистые звёзды, какие бывают только над пустынями. Пески быстро остывали: воздух становился свежее. И, как только вышла огромная, величиной с колесо арбы, оранжевая луна, пустыня зажглась тонким, серебристым светом. На спящих барханах, бесшумно, эльфам подобно, бегали, как кенгуру, тушканчики. Время от времени можно было заметить извивистых, тронутых лунным огнем змей. В стороне от лагеря бродил верблюд. На фоне яркой луны то появлялся, то исчезал профиль его жующей головы.

Утром, как только пески порозовели в лучах восходящего солнца, подошёл верблюд:

– Уважаемый, учёный человек, ночью я совсем недалеко случайно нашёл куст чия.

– И что из этого, Ваше Высочество? – спросил верблюда доктор.

– Чий указывает на места, где близко вода. Теперь я знаю, где кудук.

– Вот видите, – воскликнул доктор, – я же говорил – «Утро вечера мудренее», будем считать, что кудук нашли. Я очень признателен Вам, Ваше Высочество! Как говорят: «Век живи, век учись».

– Что ж, друзья мои, в таком случае нам предстоит работа, – сказал доктор, – без воды нам далеко не уйти.

Доктор первым приступил к раскопке кудука прямо под кустом чия. Он надеялся, что засыпанный кудук находится именно здесь. Песок был податливым, и вскоре доктор наткнулся на деревянный сруб. Построен он был из сложенных по кругу стволов саксаула. Работа пошла: Роман Романович, как мог, помогал тоже. В отличие от Сюзанны, он был большой мастер на земляные работы и умело раскапывал норы. Рыл Роман Романович изо всех сил, а доктор успевал только выбрасывать песок наружу. Теперь они, что называется, – на глазах углублялись в древний, основательно заваленный песком колодец.

Вдруг сверкнуло что-то светлое. «Кость?» – мелькнула мысль у доктора. Но когда он опустился на колени, то увидел фаянсовую пиалу с красочными рисунками. На пиале была изображена танцующая китайка перед сидящим на ковре мандарином.

– Друзья мои! – Воскликнул доктор Филипп, – мы смело можем продолжать идти дальше. Мы на верном пути!

Он поднял пиалу и высказал свою версию:

– На подходе к этой долине мы пересекли с вами древний, караванный путь. На этом участке в воинство принца влился человек, как сказано в эпосе – «Рожденный стороной Небесной». Под этими словами следует понимать человека с Поднебесной Империи, так назывался в древности Китай. И пока слова эпоса передавались из уст в уста, сохранилось только понятие, форма же изменилась. Думаю, это был китайский купец, и эта посуда – блестящее подтверждение, что чужестранец-путешественник, был китайский купец или лазутчик!

Доктор достал рукопись и прочитал вслух следующие строки:

«Их беды стали ещё чаще,
Как только появился,
Рожденный стороной Небесной,
С тремя словами в имени своём,
А с ним «зурна», что пела, и рыдала,
Хранить умела, убивала.
Потом, нашедшему её,
Она одна расскажет всё».

– Итак, будем считать – нам удалось узнать ещё одну загадку – кто оказался ещё одним спутником воинства! Узнали и о том, что причиной гибели воинов была – «песчаная эфа». Змеи стали убийцами исподтишка. Укусы их были частыми, и воинство редело на глазах.

Желанная встреча

Караван углублялся в самое сердце безлюдной полупустыни – земли казахской. Наконец, пески кончились.

Мозолистые ноги верблюда легко и пружинисто ступали по сухой до звона, глинистой равнине. Всё также всюду – от горизонта до горизонта – росли, в основном, саксаульники. Больше стало лишь терескена, боялыча, полыней, а местами появился и ковыль.

Идти стало легче.

И вот однажды, ранним утром, у палатки, как сумасшедшая, застрекотала Сюзанна. Доктор выглянул из палатки:

– В чём дело, сударыня? Что-то случилось?

– Я летала и видела там вон, – показала она вперед, – много-много снега.

– Вы что-то путаете. В такой пустыне, в это время года...?

– Да, я уверена. Своими глазами видела, – не отступалась она.

– Что ж, сударыня, спорить не прилично. Это, как принято считать, худая привычка.

– Как же, доктор, Вы сами говорили – в споре рождается истина...

– Да, Роман Романович, когда спор основан на знании, на логике, но если из чистого упрямства или... – доктор хотел что-то добавить ещё, но не стал, – в споре, – продолжил он, – один подлец, – который знает, что он прав, другой – дурак...

– Мне кажется Вы, сударыня, не правы. Мы скоро всё об этом узнаем, – сказал доктор и стал собираться в дорогу.

После того, как караван одолел около десятка вёрст, все вдруг увидели на плоской равнине, усыпанной мелкими камешками кварца, на которой вразброд росли чахлые травы, как ослепительно блистал снег.

– Ну что я говорила?! – прострекотала довольная Сюзанна.

Доктор взял бинокль:

– Сударыня, я должен огорчить Вас. В пустынях это явление обычное: обыкновенный солончак.

– Это столько ничейной соли!?! – недоуменно спросил Роман Романович.

– В мире вообще много соли, уважаемый. Здесь когда-то было озеро с солёной водой. Солнце за миллионы лет выпарило воду, соль осела на бывшее дно.

Сюзанну такой поворот, естественно, не устраивал. Она была сконфужена. Но судить её строго нельзя – откуда ей было знать, что в пустынях солончаки так похожи на ослепительно белый, настоящий снег.

Равнинная даль была открыта всем ветрам. На её изрезанной глубокими трещинами поверхности топорщились кустики солянок, черкеза, песчаной акации, биюргуна.

И лишь кое-где зеленели островки чингила и гребенщика. И только около солонцов, словно спутанные мотки проволоки, виднелись кусты селина.

День приближался к концу. Доктора тревожило и то, что запасы воды кончались.

– Долго что-то в пути нет колодца, – проскулил Роман Романович.

– Я тоже, уважаемый, обеспокоен, – сказал доктор, – как Вы думаете, Ваше Высочество, – обратился он к верблюду, – скоро ли на пути будет кудук?

– Меня это мало волнует, – спокойно ответил верблюд, – он отрыгнул очередную порцию жвачки и стал её медленно пережевывать. Потом лениво ответил:

– Я здесь, учёный человек, сам впервые.

– Как я понимаю, – огорчился доктор, – надежды наши связаны только с Сюзанной. Мы просим Вас, сударыня, заняться этим вопросом. Ваши крылья – не наши усталые ноги. А воды у нас только на один день. Мы уже сейчас должны об этом подумать, чтобы не оказаться в пустынной «мышеловке». Пустыня коварна, а жажда смертельна. Эта безводная равнина не прочь пополнить «сокровища» свои нашими красивыми мумиями.

Доктор внимательно осмотрел в бинокль местность и пришёл к выводу, что дальше продолжать путь нет смысла. И он предложил:

– Друзья мои! Чтобы не изматывать себя, мы и так много сегодня прошли, предлагаю остановиться на ночлег. Тем более что начинает смеркаться.

– Доктор! Доктор! – застрекотала вдруг весело Сюзанна, там, вдали я только что видела огонёк!

– Сюзанна, сударыня, если Вы не ошиблись, то это очень долгожданная новость. Жители этой земли добрые новости называют – «суюнши». Если уж по воле богов обстоятельства складываются в нашу пользу, то предлагаю ехать прямо на огонёк. Там люди, следовательно, есть и вода. И их маленький караван, преодолевая усталость, снова медленно пошёл дальше, на мерцающий огонёк.

– Люди! Люди! – оживленно вдруг прошептала Сюзанна.

– Теперь мы спасены! – повеселел Роман Романович.

– Да, друзья мои, встречи с людьми в такой безжизненной пустыне – случай исключительный.

Наконец, уже в глубоких сумерках, караван подошёл к костру. Около него сидели двое мужчин – старый и молодой. В стороне от них паслись два ослика.

Увидев путников, мужчины встали, чтобы поприветствовать их:

– Салам алейкум, – мир вашему очагу – приветствовал их доктор Филипп.

– Ва-aleyкум салам! – отвечали мужчины, коснувшись ладонями загорелых лиц с жидкими, чёрными бородками.

– Далеко ли будет продолжаться путь Ваш, почтенный аксакал? – спросили мужчины.

– Путь наш на север в Бетпак-Далу.

– Бетпак-Дала перед Вами, почтенный! – сказал старший.

– Только зачем она Вам? Это – гиблое место, Мы удивлены встретить Вас в мёртвой пустыне.

– Позвольте спросить вас, уважаемые, кто вы – охотники или чабаны? – Поинтересовался доктор Филипп.

– Не охотники и не чабаны, – табунщики мы, – ответили мужчины, ищем отбившихся лошадей.

– А почему вы в такой пустыне и на осликах? – задал снова вопрос доктор.

– Лошадей здесь пасти опасно, – ответили они, поэтому приехали на ишаках...

Долго потом у жаркого костра, в дружеской беседе разговорились доктор и табунщики. Мирная их встреча проходила под звон пустынных цикад.

Они пили чай и снова вели беседы, и снова чай, и беседы... Так прошла почти ночь вся.

– Плохо, что лошадей потеряли, – сожалели табунщики, – ищем много дней уже. Много проехали, а найти не можем.

– А почему же не на лошадях? – поинтересовался доктор.

– Здесь опасно с лошадьми, – ответил старший, – их здесь Чёрная вдова красит в другой цвет.

– Что значит – в другой цвет, или я ослышался? И кто такая Чёрная вдова? – смотрел удивлённый доктор на них.

– Если лошадь была чёрная, станет седой или белой, – ответил младший табунщик.

– Неужели такие чудеса случаются здесь?

– Мы говорим серьезно, – ответили они. – Потому по пустыне ездим на ишаках. Ишаков Чёрная вдова не трогает.

Доктор не только удивился, он не верил ушам своим и очень сомневался в том, что рассказывали табунщики. «Что за сказки! Что за чудеса!» – думал он. Но всё походило на правду.

Рассказ о Чёрной вдове

– Скажите мне, уважаемые, воспитанные степью, что-нибудь слышали вы об историческом походе воинства в Беткпак-Далу?

Табунщики молча переглянулись.

– А чего здесь, почтенный аксакал, в степи дикой и голодной только волки за сайгой гоняются, зимой снега и метели, людям делать здесь нечего? – ответил старший из табунщиков. – Это же нехорошее, гиблое место. Нет, мы ничего не знаем.

– Может эпос слышали, кюйши, жирау? – спросил доктор.

– Дед мой рассказывал, – вспомнил старший, – что однажды на айтысе старый акын из Сары-Арки пел о том, как шибко давно приходили вооруженные чужестранцы, с какой-то южной стороны. Потом Бетпак-Дала убила их.

– Как же это произошло? – озадачено спросил доктор.

Табунщики промолчали.

– А ружья у вас...? Вы же коней ищите...

– Ружья на случай, если каскыр попадетсЯ... Да и как в степи без оружия...

– Древние говорили: в пути, – вспомнил доктор, – слово вежливое с собой везти надо, оно сильнее оружия. Тогда не врагов, а друзей найдешь.

– А если Чёрная вдова – ей какое слово скажешь? Никого она не щадит. Никого из нас не слушает, убивает ночью во время сна всех подряд.

Доктор уже который раз слышал о какой-то «Чёрной вдове».

– А, вы, почтенные, – спросил он, – знаете что-то о ней?

– Кто здесь не знает? Все знают, – ответил младший.

– В груди у доктора от волнения что-то защекотало. Живое слово о Чёрной вдове очень взволновало его.

– А чего ж не знать. Наши аксакалы, чабаны и табунщики, охотники – все слышали. Все знают.

– И кто же она – эта дама?

– Чёрная вдова, – рассказывали шёпотом табунщики, – страшная и жестокая. Никакая она не дама, а – убийца! Уже веками мстит каждому за своего любимого.

– И как она выглядит? – интересовался доктор.

– На животе у неё, как рассказывали, кто её видел, – красные глаза светятся. Всегда носит с собой кинжал смерти. Ударит кого им, к утру тот обязательно умрет, – говорил старший табунщик.

– А вот следов от кинжала не видно, – дополнил младший.

– Рассказывали, – продолжал старший, – если кого Чёрная вдова высмотрит и ударит, то бедняга недолго кричит: «Оей-баяй, убила Чёрная вдова!» И ещё: кто умирает от её кинжала, она на последнем вдохе является ему во весь рост, открывает чёрный саван и показывает ему страшное лицо. А когда уходит, на спине её светится красный крест. – Почти шепотом рассказывал табунщик.

– Повторите, почтенный, что на спине у неё?

– Крест! Красный! Ночью видно даже, как светится...

– Странно всё это... – рассуждал вслух доктор, – «крест», говорите. Кстати, уважаемые, почему вы не на лошадях? – переспросил доктор, – а на этих осликах?

– Все просто, – ответил старший табунщик, – в этих краях, где живет Чёрная вдова, она крадёт ночами лошадей. Сначала ослепит их, а потом они становятся добычей каскыров. Ничего же не видят. Легкой добычей становится лошадь для каскыра. Ишаков же она не трогает.

– И лошадей, получается, ворует? – спросил доктор Филипп.

– Да, наши аксакалы рассказывали ещё, если кто лошадей пасёт здесь, она приходит ночью, выберет самого лучшего тулпара, уведёт его, и всю ночь гоняет по степи. К утру хозяин находит своего тулпара чуть живого, слепого и другой масти. Если был чёрный или гнедой, – стал седым, как лунь. От страха, может быть? Не знаем...

– Это она для того, – прошептал младший табунщик, – чтобы на её коня никто не садился. А если хозяин заберёт свою лошадь, она ему будет мстить и перепортит всех других коней. Лучше сразу уехать. Поэтому никто теперь коней здесь не пасет.

– Но вот что интересно, – продолжал старый табунщик, – бывало, и так, приедет уже осенью хозяин слепого и перекрашенного тулпара, которого оставил Чёрной вдове, а он оказывается, уже здоров, только диким становится. На зиму его Черная вдова отпускает. На зиму она исчезает и никого не убивает.

– А где она бывает? – спросил доктор тоже шепотом. Ему, надо признаться, стало от рассказов табунщиков не по себе. Сам же он подумал: «Кажется, это ещё одна из причин таинственной гибели воинов. Упоминается крест. Теперь важно дознаться – кто же она, которую зовут все Чёрной вдовой?»

– Как где? Здесь она бродит и почти по всей Сары-Арка бывает. И везде творит только зло, – ответил старый табунщик и огляделся.

Над пустыней стояла глубокая, тихая ночь. Звёзды, казалось, приблизились, сгустились над угасающим костром, чтобы послушать страшные рассказы об ужасной Черной вдове. Поэтому в эту ночь они казались необычайно яркими. Вдали, во мраке, чернели руины старой, давно покинутой мечети.

– Как бы нам найти эту вдову? – спросил доктор.

– Аксакалы, почтенный, рассказывали ещё, что ночами она убивает, в основном, спящих мужчин, а на день становится маленькой и прячется по щелям, под камнями.

«Кто же это такой? – думал доктор Филипп, – если прячется в щелях и под камнями?»

– Она много убивала чабанов и охотников, если они оставались на ночь в пустыне или в степи, – добавил младший табунщик и тоже со страхом огляделся.

Доктор знал, одну непреложную истину, которой часто пользуются путешественники и сыщики: опросные сведения несут всегда дополнительную, нужную, порой даже очень важную информацию. И ничего, что в подобных рассказах много вымышленного. «У страха – глаза велики», как говорят, но есть обязательно маленькая изюминка правды. Поэтому доктор очень заинтересовался рассказами табунщиков. Он ещё мало был знаком с пустынной природой Средней Азии и Казахстаном, поэтому полагался пока на справочную литературу – энциклопедии.

В эту ночь он так и не лёг спать. Он всё думал о Чёрной вдове. А когда наступил рассвет, он извлёк из сундучка «Пустынную энциклопедию». Конечно, он стал искать первым делом ядовитых животных. Но, оказывается, не так-то просто найти было среди них того, у кого на животе «красные глаза» и кто носит на спине красный крест. Доктор вновь прочитал текст эпоса, где говорилось: «Но вдруг к нему любовь большая, как юноши к Баян-Сулу»...

И тогда он спросил табунщиков, не знают ли они, – где было озеро, вода, и где жили люди?

– Нет, почтенный аксакал, здесь никогда не жили люди, – сказал один из них.

– Может там, это там, где проклятое степное озеро и развалины старой мечети?

– Во-он! Почтенный аксакал, видите? Доктор взял бинокль: вдали возвышались старые, рыжие развалины.

– Там давно-давно очень жил мулла. У него была красивая дочь. Теперь туда никто не ходит: там всегда бродит и прячется Чёрная вдова. Этого места все избегают.

Айтыс Великой Сары-Арка

– **А**ксакал, Вы учёный человек, Вам будет очень интересно послушать наших старейших и молодых акынов, которые будут на айтысе.

– А где это? – заинтересовался доктор.

– В ближнем ауле, – сказал старый табунщик.

– Да, – подтвердил молодой, – они много знают, много слышали от своих предков всяких предания и эпосы. У нас это все передавалось от деда к сыну, внуку... Может они знают о прошлом этой земли, её

истории. Мы бы поехали с вами, почтенный, но едем к дальнему роднику может, там пропавшие наши лошади...

– Но нам без проводника не добраться до аула? – сказал доктор.

– Очень просто, – ответил старший табунщик, – вон мой ишак, – показал он на ослика, – дорогу он знает.

– Одни загадки! – сказал доктор. – Я и мои коллеги, – показал он на Романа Романовича и Сюзанну, – должны узнать об историческом

походе, о Чёрной вдове... И пока не разгадаем эти тайны, домой не вернемся. Поэтому нам обязательно надо побывать на айтысе.

– Я предлагаю, уважаемые, – обратился он к табунщикам, – берите моего верблюда, я – вашего ослика и пусть он укажет нам дорогу в аул.

Так и решили.

Теперь караван их возглавлял длинноухий

ослик. Он мелко перебирал копытцами, уверенно продвигаясь к своему аулу, где будут проводиться состязания лучших акынов Великой Сары-Арка. А так как ослик был основательно загружен, доктор посчитал неприличным ехать на таком малыше, – он шёл пешком. А чтобы легче идти было, взялся за хвост животного.

И так «караван» их был в пути ещё ровно три дня.

Наконец, пришли они в аул, где жители готовились к большому празднику. Со всех концов Великой степи съезжались гости. Собирались на айтыс самые знатные акыны, и доктор рассчитывал и надеялся узнать хоть что-нибудь от сказителей казахских преданий и эпосов.

Айтыс должен был начаться уже на следующий день. Поэтому с утра все аульчане усиленно готовились встречать именитых гостей, послушать известных акынов. У аула чадили костры, дымилось мясо в котлах... В казанах, в раскаленном бараньем сале кипели, вбирая золотистый румянец, баурсаки, чильпеки...

В воздухе стояла атмосфера праздничности и напряжения. Еще бы! Будут состязаться самые знаменитые акыны – любимцы народа. Кто-то станет самым знаменитым...

Наконец, жители аула и гости собрались солидным кругом около небольшой площадки, и на разостланные ковры стали выходить акыны. Над степью, под торопливые переборы домбры зазвучали звонкие, протяжные песни, сначала молодых акынов. И вот уже после

выступления нескольких певцов-импровизаторов, атмосфера соперничества стала все сильнее раскаляться. У каждого акына было что сказать о земляках, о своем роде, и о сопернике-неумехе и слабаке... Один акын сменял другого, расточая остроумие и находчивость. И наполнилась степь звонкими серебристыми голосами. Песню каждого акына сравнить можно было разве что с птицей, которая кружила и летала под самыми облаками.

Доктор слушал выступления степных певцов, Он каждого исполнителя песни представлял в образе разных птиц.

– Вот этот, словно звенящий в вышине джурбай – знаменитый степной жаворонок. А песнь этого подобна седокрылому луню, летящему спокойно над бесконечной равниной. А этот – огонь! Не песнь, а разгорячённый тулпар, скачущий быстрее ветра по степи...

Слушатели каждого акына подбадривали дружными выкриками: «Ай! Ай! Дурус!» Это больше ещё горячило исполнителя – и не меньше распалило толпу. А на очереди другой акын – горячится, сил нет устоять на месте: переступает с ноги на ногу, как тулпар на привязи, – на свободу, в схватку рвется.

И вот, только что ушедшего из круга акына, сменил совсем юный. Он сразу же взял высокую, долгую ноту. Томно прикрыв глаза, поэт и певец рассказывал о большой и Великой степи, о батырах, джигитах, о бесчисленных стадах скота... Голос его далёкой сиреной плыл над разбуженной степью, Иногда казалось, что вот-вот песня его, как туго натянутая струна, оборвётся, лопнет и разом угаснет, заблудится в безмерной дали его вольный голос. Но вновь и вновь, с особой, огневой силой, она на одном дыхании устремлялась в безмерную даль.

Иногда доктору казалось, – ещё миг и упадет певец бездыханный, сгоревший дотла... Но нет, акын тут же переходил на торопливый речитатив, словно за этот миг, какого больше никогда не будет, он спешил рассказать обо всём и сразу... И вот молодой акын ещё раз ударил по струнам и закрыл глаза. Толпа разразилась возгласами: «Ай! Ай! Жаксы боласы! Ай, дурус!»

В круг вышел старый, слепой аксакал. Испытанная временем, такая же старая в руках его – укули-домбра. Акын дёрнул серебряной бородой, и голос его плавно полился над широкой степью. Пел старый акын о своих соплеменниках, родном крае и славных батырах прошлого. Но вдруг зазвучала совершенно другая мелодия: толпа затихла, приготовилась слушать.

Распев свой аксакал начал со степной баллады о Козы-Корпеш и Баян-Сулу, горячо любимой народом Великой степи. Толпа затаилась, – не упустить бы ни слова, пропустить бы через сердце каждую ноту трагической судьбы влюбленных. Слышались вздохи и цоканье языком как знак одобрения. И вот акын опустил тяжёлую голову, устремил

невидящий взгляд в землю, словно он что-то там мог увидеть потухшим взором, и продолжал звучать его выразительный голос и слова о любви, красавицах и самых лучших в степи иноходцах – журга и скакунах – тулпарах, что были ветра быстрее.

Перед глазами слушателей проплывали события давно минувших лет, полных отваги и героизма, любви и скорби... На какой-то миг слепой музыкант умолк. Толпа, выжидая продолжения, молчала, затаив дыхание. А акын перешёл уже на другой эпос, в котором рассказывал об очень давней истории: о том, как пришли в Великую степь воины далёкой, южной стороны, с самого Герата. Пел он о смелом походе их и о страстной любви чужестранца к девушке из Сары-Арка.

Доктор был ошеломлён. Не верил он себе, что перед ним тайна забытых времен ожила вдруг в песне слепого певца и музыканта, который рассказывал, как принц из далёкой страны прибывши с воинством в эти степи, ночью чуть не умер, как это было с его друзьями, как лежал при смерти. Но, открыв глаза, чтобы последний раз взглянуть в небо, увидел перед собой лицо степной красавицы. И забрала она его в свою келью, в мечеть, где лечила травами и своими молитвами. Девушка была так прекрасна, что в молодом чужестранце любовь к ней победила смерть. Девушка – дочь муллы старой мечети, стоявшей одиноко в бескрайней равнине у степного озера. Заезжали в мечеть помолиться купцы-караванщики, следующие Великим шёлковым путем из Китая, Индии в Европу и обратно.

Слепой акын поведал о страстной любви юноши и девушки: «И вот, когда, – рассказывал он, – чужестранец решил увезти её в далёкую и прекрасную страну – Персию, юноша проснулся ночью и увидел, как китаец, что подобран был ими в пути, приставил бамбуковую трость к шее последнего, оставшегося в живых друга юноши. Тот вскрикнул и корчась от боли умер к утру. Юноша схватил чужестранца и, не опуская на землю, убил его. Трость же его забросил куда-то, что найти её не могли.

Потерявший последнего друга, полный отчаяния юноша вышел в поле и крикнул: «Почему так жестока чужая земля? Погибли все лучшие друзья! Я должен ругать бы тебя, проклятая земля, но ты подарила – Любовь! И я счастлив! Вот ты какая – «Долина злосчастья?!». И услышали небеса голос его: – «Бетпак-Дала! Бетпак-Дала!» Слова его улетели в вечность. И тогда громче ещё крикнул юноша: «В час этот я забираю самую красивую девушку на свете и оставляю тебя, Бетпак-Дала!».

«Голос его был таким громким, что вспугнул сидящего вдали орла. И поднялся в небо орёл, большой и тёмный, как крест», – так звучали слова, опустившего помутненный взор, старого акына, и чем выше взлетал орёл, тем быстрее приближалось роковое несчастье.

Домбра акына уже не просто пела, она рыдала, скорбела вместе с ним в глубокой, былинной печали. И видели все, как плакал старик слепыми глазами, как вздувались от напряжения на шее толстые вены, а руки его крыльями парили над старой домброй, и лишь смуглые пальцы, что быстрые ног тулпара, всё били и били по струнам, высекая боль и страдание.

– И осталась одна – девушка, – теперь не невеста, и не вдова... – продолжал певец. – Не скрывая горькой печали, саван чёрный надела она и осталась навеки одна. И саван свой больше она не снимала никогда. Приезжали на лучших скакунах к ней свататься джигиты, батыры, богатые и мудрые...

– Я не сняла ещё саван печали, – говорила она, – и никогда не сниму...

Невлюбила она и мужчин, и даже коней их, на которых они приезжали. Годы прошли и века. Осталась навечно она той, которую нарекли потом «Чёрной вдовой».

– С тех самых пор ночами бродила у озера. Боль и печаль свою доверяла тростнику, из которого делала сабызгы и играла. Слушали ночами игру сабызгы люди, и сердца их, разрывались на части.

Поведал о том, как Чёрная вдова возненавидела всех, стала злой и жестокой...

– И теперь, даже после жизни, бродит ночами она с кинжалом смерти, – пел с грустью в голосе старый акын, – не шадит никого – ни старых, ни малых... На день уходит, как только покажется солнце, в руины одинокой мечети, что стоят у озерной воды. Бывает в аулах и люди от страха оставляют их. «И, как прежде, бродит ночами в долине счастья и зла, в нашей – Бетпак-Дала! Бетпак-Дала-а!»

Слепой акын закончил печальную повесть о Чёрной вдове.

Умолк его голос, затихла домбра. И сидел он ещё молча, с опущенной головой. Толпа некоторое время безмолвствовала. Повисла напряженная тишина. И вдруг она была взорвана единым, бурным возгласом всеобщего одобрения:

– Ай! Дурус! Ай, рахмат, аксакал!

Тогда доктор вышел в круг, поклонился слепому музыканту, и сказал:

– Обещаю вам, аксакалы, молодые джигиты и вам, всем почтенным людям, что я – доктор Филипп, а также мои друзья и коллеги, откроем истинную причину гибели славного юноши. Вы скоро узнаете, кто же она теперь – «Чёрная вдова»?

Айтыс продолжался, и хотя акыны Великой степи метким словом прожигали сердца противников, подшучивали, веселили друг друга, но баллада о «Чёрной вдове», держала всех в легкой скорби и печали о случившемся на этой земле.

У древних руин

На следующий день, до восхода солнца, они были в пути к степному озеру, где сохранились руины древней мечети. Доктор и спутники его знали теперь дорогу, поэтому обратный путь одолели легко. Наконец, показались развалины, среди тростников блеснуло озеро.

– Здесь, под единые, бурные возгласы всеобщего одобрения мы и должны остановиться. Попробуем с первых шагов достучаться до истины. Мы многое узнали от слепого акына, но многого ещё не знаем. И нам предстоит самим познакомиться с Чёрной вдовой, – сказал друзьям своим доктор, – посмотрите, какое прекрасное место! Есть вода, тростник. На озере полно уток, гусей и ни одного поселения. Испугала местных жителей жестокость и беспощадность «Чёрной леди».

– Мне страшновато, – пробурчал робко Роман Романович.

– Ничего, друг мой, – я, признаться, тоже побаиваюсь. Но что делать? Если взялись, так доведём до конца расследование. Мы взялись за разгадку удивительной тайны веков, сокрытой в прошлом, великих степей земли казахской.

– Доктор, – сказала Сюзанна, – я сделаю всё, чтобы найти ту самую зурну, которая может рассказать обо всём, что здесь происходило.

Палатку поставили недалеко от озера и старинных развалин. Первым делом команда отправилась к остаткам мечети: обошли выгоревшие до светлой рыжины стены, но ничего внимания их не привлекло. Руины пустынно были и молчаливы, отгороженные от мира великой тайной

молчания. Производили они удручающее впечатление. И если бы не поселившаяся в щели стены пустынная каменка, то и вовсе здесь было бы мёртво и тоскливо.

Роман Романович вернулся «с пустыми руками» – не нашёл ничего, что привлекло бы его внимание. Сюзанна тоже безуспешно оглядывала каждую

щель, каждую норку... Осмелилась даже толкать чёрный нос свой во все дыры, так ей хотелось найти хоть что-нибудь, что высветило бы тайну прошлого... Но, увы, времени прошло очень много, и оно выветрило прошлое без остатка. Лишь – руины сохранились как «живые» свидетели печальной истории, связанной с военной экспедицией.

Но сыщики обладали завидным характером – они были терпеливы ко всем неурядицам и бедам. Они очень верили в себя и верили в случай. А ещё доктор часто говорил: «На земле всегда остаются следы прошлого, только вопрос – где и как их искать?!».

– Друзья мои, – сказал он, – положение наше на этот раз, прямо скажу, – безнадежное. Нужно вернуться в лагерь, хорошо отдохнуть и ждать кошкой в засаде, пока не выйдет на нас сам случай. Так и решили: ни с чем вернулись в палатку. Чтобы не тратить время попусту, доктор внимательно вчитывался в разные факты «Пустынной энциклопедии».

Стояла тихая ночь. Небо усыпано было яркими гроздьями звёзд. Пряный, полынный аромат, пение цикад и сверчков насыщали воздух. Слышно было, как на озере сонно переговаривались утки. Но вот – бока палатки слегка колыхнуло. «Ветерок!» – отметил про себя доктор. Вскоре он проснулся от тихого и печального напева. По началу, доктор думал, что это кажется ему, но когда вслушался, понял – грустная мелодия доносилась с озера.

– Что это? Роман Романович? – прошептал он. – Вы слышите?

– Да, слышу непонятные звуки, – ответил Роман Романович.

– Может, это Чёрная вдова играет на сабызгы? – сказал доктор. – Но это – легенда, и такого в природе не может быть... Однако, странная и печальная мелодия всё ещё слышна была со стороны озера. Доктор почувствовал, как от волнения у него по телу прошла легкая дрожь... Впотьмах, он кое-как отыскал чалму. Но второпях, вместо того, чтобы накрутить вокруг головы её, он машинально подвязался, как платком, и вышел.

– Доктор, Вы так смешны в шароварах и белой тряпке, намотанной на голову.

– Роман Романович – это, я Вам не первый раз говорю, – чалма! А не тряпка.

– Так наденьте, как следует. Вы похожи на древнюю старуху в очках. Сама Чёрная вдова испугается и убежит навсегда. Тогда тайны нам не разгадать.

– Роман Романович, – выпалил доктор, – перестаньте иронизировать, не время и не место в данный момент. Мы должны пересилить страх и сейчас же пойти к озеру. Немедленно!

И они вдвоем стали тихо подкрадываться к озеру, где звучала странная, полуночная мелодия.

– У меня от этой музыки, – сказал Роман Романович, – шерсть по телу сама поднимается. И я вот-вот зарычу, но хуже если – залаю.

– Крепитесь, друг мой, – прошептал доктор, – только почему-то меня плохо слушаются ноги, подгибаются в коленях. Но хорошо, что вышла луна и теперь мы кое-что, может быть, увидим.

Вода на лёгком ветру в озере бунтовала. Белые гребешки небольших волн при свете луны вспыхивали мёртвым, оранжевым светом. Но скрипучая с дребезжанием мелодия, тоскливая, унылая – не умолкала. Она то возрождалась, то утихала.

– Уважаемый, Вы всё слышите? – спросил тихим, дрожащим голосом доктор.

– Конечно! Я слышу, даже как Вы дрожите, доктор!

– Жуткая мелодия! – прошептал доктор прямо в ухо Роману Романовичу.

Сыщики присели и затаились. Берега озера по-прежнему были пустынно. На воде всё также вспыхивали лунные огни. Шептались береговые тростники на сквозном, переменчивом ветре. Чёрной вдовы не было.

– Где же она? – спросил Роман Романович. – Ни глазами, ни носом не вижу, не улавливаю.

Но мелодия, бередящая душу, доносилась откуда-то из глубины тростниковых зарослей.

– Роман Романович, мы обязательно должны увидеть её? Жаль, я не захватил бинокль... – С досадою шептал доктор.

– Кого увидеть? – спросил Роман Романович.

– Чёрную вдову. Она где-то здесь сидит на берегу или в тростниках...

– Доктор, – сказал Роман Романович, – это мы придумали сами. Нас охватил легкий страх, и мы теперь, со сна, – бредим...

– Не говорите чепухи! – возразил доктор.

– Почему? – растерялся Роман Романович. Это же поёт на ветру тростник. Никакой здесь Чёрной вдовы нет.

– Что значит – поёт тростник? С каких пор, тростники сами поют? – Возмутился доктор. Он приложил ладонь к уху и внимательно вслушался. – Вы совершенно правы, друг мой, Но, увы, как всё это похоже и как всё печально...

– Я понял, – говорил осмелевший доктор, – поёт старый, прошлогодний тростник. У него отстала, отслоилась листовая обёртка. И зудит, и гудит на ветру, как пергамент на расческе музыканта.

– Вот видите, Вы ж сами говорили: «У страха глаза велики». Выходит, – не только глаза велики, но и уши у нас тоже большие. Жуткая картина

– Ну, что ж, мы, уважаемый, как бы-то ни было, открыли ещё одну тайну. И, как говорится, не ошибается тот, – успокоившись, сказал доктор, – кто ничего не делает.

Однако, не успел доктор договорить, как слова его перебил тягучий и жуткий вой. Шерсть на Романи Романовиче поднялась словно

наэлектризованная. Он поджал хвост и глухо, без всякого смысла, зарычал и бросился под ноги доктору.

– Да, и, правда, – прошептал доктор, – глядя на четвероногого друга, – у этого страха не только глаза, но шерсть дыбом.

– Доктор, теперь Вы не к месту шутите, – взвизгнул Роман Романович, плотнее прижавшись к ногам доктора.

– Успокойтесь, Роман Романович! За друга я всегда постою, – доктор поднял над головой свою трость и взмахнул ею, как шпагой.

В это время послышался надвигающийся топот, он приближался с такой скоростью, что вскоре слился в единый, мощный рокот, исходящий от тысяч копыт. Он с каждой секундой стремительно нарастал, и страх окончательно взял в плен ночных сыщиков. Они стояли друг около друга и ждали – что будет дальше? Издалека на них надвигалась сплошная лавина. И вот уже, на залитой лунным светом равнине, показалась светлая туча прямо на них бегущих животных. С той же скоростью нарастал рокот. Земля дрожала и гудела. Слышалось дыхание, фыркание, переходящее в сплошной грудной хрип. Наконец, следопыты увидели перед собой летящее безмерное число обезумевших от быстрого бега животных. И вот отчетливо видно, как мимо, на большой скорости, с оглушительным топотом мчатся, опустив горбоносые головы и едва не касаясь ими земли, рогатые звери. Они трудно и жарко дышали и глухо хрюкали.

Стадо в десятки тысяч промчалось мгновенно. Земля долго ещё стонала и гудела. Над равниной поднялась светлая пыль, затмив на некоторое время сияние луны. И не успели наши сыщики расслабиться от пережитого, как увидели бегущую следом, с горящими глазами, стаю волков. Высунув языки, хищники бесшумно неслись, стараясь нагнать стадо. Серые разбойники не заметили или не обратили внимания на фигуры наших следопытов. Шла большая охота, и стая волков подчинена была полностью единой стратегии, нацеленной на массовую резню и бойню сайгаков. Волки также промчались мимо. Прошло ещё несколько жутких минут прежде, чем всё стихло. Наступила глубокая тишина. Доктору и Роману Романовичу казалось, что они оглохли. И только слышны были гулкие удары их перепуганных сердец. Доктор всё ещё крепко сжимал «боевую» трость, а Роман Романович, с поджатым хвостом сидел около его ног. Ещё некоторое время от охватившего их ужаса они стояли и постепенно приходили в себя.

– Подумать только, – тихо сказал доктор, – такое стадо ценных животных – древнейших обитателей нашей планеты!

– Нет, Роман Романович, не зря побывали мы здесь. Мы кое-что о жизни дикой страны узнали. Всё это не случайность!

Зурна заговорила

На следующее утро, когда доктор и Роман Романович ещё крепко спали, пережив ночные происшествия, Сюзанна, как и подобает всякой птице, с первыми лучами солнца была на ногах и приступила к осмотру окрестностей у развалин древней мечети. Доктор же с утра пораньше взялся за «Энциклопедию пустынь». Он искал и нашёл для себя нужные сведения о сайгаках. Закрыв книгу и, заложив за спину руки, стал ходить взад и вперед, широкими, размашистыми шагами около палатки, время от времени, поправляя чалму и очки. Доктор явно нервничал. Он искал ответа. Но не находил его. И теперь не знал, с чего начать и что дальше делать. Это был процессуальный кризис. «Хотя бы самую тонкую ниточку найти, чтобы ухватиться и распутать клубок исторической тайны», – думал он.

Взгляд его остановился на молчаливых руинах. Освещенные ранним солнцем, отбросив густую, утреннюю тень, они, казалось, находились в состоянии глубокого гипнотического сна, перед тем, как очнуться и перевоплотиться вновь в ту мечеть, какой она был несколько веков назад. Всё так же дремал озёрный тростник, над которым носились светлокрылые крачки, и в глубине их стонали не пуганные человеком лысухи.

– Да, – сердился доктор, – он всё ходил и повторял одно и то же, – Да! Да! – Словно его кто-то о чем-то спрашивал, а он постоянно кому-то поддакивал.

С вышины опустилась Сюзанна. Она села на край крыши палатки.

– Саламат сизбе! – весело приветствовала она доктора на чистом казахском языке...

– Салам алейкум! – ответил доктор. – У Вас, вижу, сударыня, неплохое с утра настроение, Почему, извольте узнать?

– Почему и нет, милый доктор, – сказала Сюзанна. Надо сказать, что Сюзанна, как способная к разговору любая из обширного семейства врановых, время от времени демонстрировала доктору блестящие свои возможности.

– Что с Вами, Сюзанна? – остановился доктор. Он поправил чалму и, конечно, очки, которые успели от удивления съехать набок. К тому же после долгих и трудных дорог, потеряв килограммы личного веса, он часто подтягивал спадающие шаровары. И сейчас он тоже, на всякий случай, поддернул их и приготовился слушать.

– Доктор! Всю округу облетала. Осмотрела все уголки... И, наконец, нашла то, что хотела: я нашла блестящую палку с дырочками. Таких – прежде не видела. Думаю, это и есть та самая зурна, о которой сказано в старинной песне.

– Сюзанна, – не песня! А впрочем, – махнул рукой доктор, – какая разница в наших обстоятельствах. Но то, что Вы сообщили, если я не ослышался, – важно! Это очень важно!

– Доктор... – Сюзанна не успела ничего больше сказать, как доктор уже выкрикивал что-то невнятное и бежал туда, откуда прилетела Сюзанна. За доктором следовал и Роман Романович.

– Здесь! – сказала Сюзанна, указав на древний саксаульник.

Доктор остановился, осмотрел всё, но ничего не увидел.

– Смотрите сюда! – показала она на один из кустов.

В спутанных ветках старых, полуобломившихся стволов и ветвей тускло поблескивала бамбуковая трость. Заметить её было не только не просто, но почти и невозможно.

– Давайте её сюда! Чего Вы медлите? – крикнул доктор.

Он принял бамбуковую палку от Сюзанны и держал дрожащими от волнения руками, соблюдая предосторожность, как если бы в руках его была редчайшая ваза из египетской пирамиды.

– Итак, – вслух рассуждал доктор, оглядывая бамбуковую находку, – Трость состоит из четырёх звеньев. В верхнем – три отверстия. Совершенно очевидно – это и есть музыкальная её секция – «зурна», о которой и сказано в летописи.

Доктор вытряхнул из трости песок и подул в неё. Бамбуковая «палка» издала сиплый и скорбный звук. Доктор радостно потер руки и в приступе охватившего его счастья, незаметно даже для Романа Романовича, швырнул куда-то в сторону очки.

– Мы слышали, друзья мои, – сказал он, – голос «зурны», о которой сказано в старинной рукописи. Этот звук много веков назад слушали воины экспедиции, сам принц у ночных костров, тоскуя по родине... Под эти же звуки хоронили их...

Он извлек из чапана лупу и стал более внимательно изучать ценную находку, пытаясь найти какие бы то ни было надписи. Он хотел видеть иероглифы, потому как знал, что бамбуковая трость, она же и «зурна», могла принадлежать китайскому лазутчику. Однако, сколько не смотрел он, ничего кроме расщепившейся, поблекшей уже от зноя и ветров коры, не нашёл. Припомнились доктору слова из эпоса:

«Трёх лучших сыщиков пустыня встретит –

союз «хвоста», «крыла» и «просвещения»,

Найдут они волшебную зурну,

И навсегда исчезнут тайны и сомненья».

– Мы должны ещё что-то найти, – сказал доктор.

Но мокрый нос, который у Романа Романовича часто становился сухим и шершавым, как песок, облизанный только что, жадно обнюхивал неприметную палку. И вдруг он несколько раз фыркнул. Нос его втягивал воздух с жадностью утопающего.

– Доктор, там ещё что-то... – сказал Роман Романович, теряя терпение.

– Что может быть ещё в сухой, как кость, палке, пролежавшей многие века. Из неё мы только что вытряхнули обычную пыль из глины и песка? – сказал равнодушно доктор.

– Вы посмотрите в неё... От палки исходят странные запахи....

Доктор взял лупу и заглянул в тёмную середину трости:

– Я ничего, кроме темноты в отверстии, не вижу.

– Наденьте очки! Доктор! – чётко и строго сказала Сюзанна. – Там что-то желтело. Я видела.

– А где они? Мои очки...

Действительно, на его носу, очков не оказалось.

– Вы их, вероятно, оставили в палатке? – сказал Роман Романович.

– Да, нет же, друзья мои! Нет! Они только что сидели на собственном моем носу. Я видел их, то есть я смотрел сквозь них...

Друзья доктора тут же кинулись искать их. На это раз на одном из кустов саксаула заметила очки первой Сюзанна.

– Доктор взял очки и поблагодарил по привычке Романа Романовича. Потому что, как правило, их первым всегда находил он в подобных ситуациях..

– Доктор! Это же я нашла их, – обиженно заметила Сюзанна.

– И Вам тоже, спасибо, сударыня.

Из чрева бамбуковой трости, себе на удивление, доктор тут же извлек желтоватую трубочку тонкого шелка. Осторожно развернул его и увидел иероглифы. Конечно, благодаря только колоссальной, собственной эрудиции, знания всех языков мира, письма, он тут же стал читать причудливые записи. И вот что он прочитал в них: «Я, поданный великой Поднебесной империи, – Ван-Чунь-Хань, – купец и разведчик, Его Императорского Величества, следовал вместе с воинством принца из Герата – юного Мухаммада, в северную, неизведанную страну, дабы выведать и узнать потребное и полезное земли этой – как можно больше о её народе, богатствах, духе его...»

Дальше разобрать текст было невозможно. Потом, ниже, доктор прочитал следующее: «Сообщаю: я увидел несметные богатства, растущие, на головах ранее не виданных мной зверей, у которых, траве подобно, – растёт «золото». Зверям этим нет числа... К тому же много черепах, которыми мы иногда питаемся. Как верноподданный сын великого народа, императора Поднебесной страны, считаю невозможным захват земли этой другим чужестранцам. Чтобы ускорить гибель отряда, использую тайное оружие – «чёрная смерть».

Запись на этом обрывалась. Доктор был подавлен прочитанным письмом. Так нежданно разгадка тайны веков пришла к ним сама.

– Теперь мы, надо думать, нашли почти все ответы на все вопросы, – сказал доктор, – мы узнали название пустыни – «Бетпак-Дала» – происхождения иранского. Узнали о китайском лазутчике, его целях.

– Доктор, но мы ничего не знаем – кто она?

– О ком вы, Роман Романович?

– Об этой самой «Чёрной вдове»!

– И то – верно! Вы совершенно правы, Роман Романович. – Как я мог об этом забыть?

– Предлагаю, – прострекотала Сюзанна, – ещё более внимательно обследовать эту самую – музыкальную палку.

– Пожалуй, Вы правы, сударыня. Но, кажется, уже всё.

– Нет, доктор, не всё! – возразила Сюзанна. – Вы работаете без очков. Наденьте их, и ещё будут открытия.

– Как это я без... – доктор потрогал нос, и, правда, – очков на нем не оказалось. – Так, где же они?

На этот раз и доктор, как обычно, и всевидящая Сюзанна и даже наблюдательный Роман Романович – были так увлечены находкой, что никто не заметил, как доктор сумел от радости куда-то забросить очки. Они ему, как обычно, в такие мгновения мешали.

– Вот так, – досадовал доктор, – каждый раз, вместо того, чтобы делом заниматься, мне приходится искать свои собственные очки.

– Да, доктор, – безоборра-а...зие! – лукаво пробурчал Роман Романович.

Тайна Чёрной вдовы

– Нашла, нашла, доктор!

– Где Вы их нашли, сударыня?

– На тех же самых ветках кривых деревьев, Там же, где лежала эта сухая палка, – стрекотала радостно Сюзанна.

– А как же они там оказались? Одни чудеса – да и только! Мои очки и вместо бамбуковой трости... Но продолжим наши исследования, – строго сказал он.

– Доктор вооружился лупой и через толстые стекла очков долго вглядывался в отверстие бамбуковой трости. И вот после тщательного осмотра, когда, казалось бы, удачи больше ждать неоткуда, он уронил трость.

– Доктор! Из неё выпал чёрный комочек, – заметила остроглазая Сюзанна.

– Я ничего не вижу, где?

– Сюзанна ловко подхватила клювом тот самый, тёмный, основательно пересохший комочек.

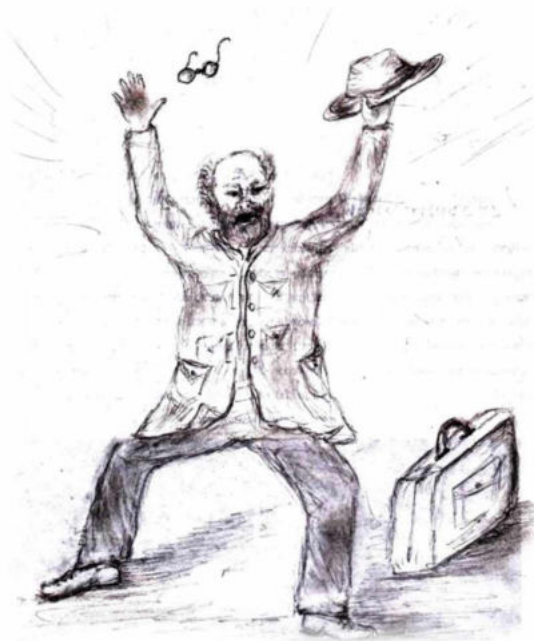
– Уважаемая, только не вздумайте проглотить его, как однажды Вы поступили с нужным мне жучком.

Сюзанна комочек подала ему на кончике клюва.

– Доктор заинтересовался: он бросил комочек в пробирку со спиртом, который был всегда в его сундучке. Комочек тотчас разбух и превратился в чёрного паука. Учёный тряхнул ещё раз трость. Из неё высыпалось более десятка точно таких же сморщенных от сухости и времени пауков. Все они в пробирке со спиртом оказались также чёрными пауками.

– Нет, это уже не случайность. Это закономерность!!! – воскликнул он и поднял палец.

Он тут же извлек энциклопедию, отыскал страницы о пауках. И только теперь, на рисунке увидел, что на спине этих пауков имеется крест.

А возбужденная Сюзанна стрекотала:

– Все пауки, доктор, оказались в нижней части этой палки!

Только потом он обратит внимание на ее слова. Его поразил красный, крестообразный рисунок на брюшке чёрного паука.

– Эврика! Эврика-а! – прокричал доктор. – И очки его, с которыми он не расставался некоторое время, взлетели и повисли на соседней, кряжистой саксаулине. Однако, качнувшись, они сползли и мягко упали на куст пустынного растения – селина.

Мы всё нашли, мы знаем теперь, как всё это происходило.

– Эта проклятая трость и есть та самая, что умела хранить тайные записи китайского лазутчика. Сошлось и сказанное в рукописи про то, что в имени его три слова: Ван-Чунь-Хань. Понятно и то, что с помощью трости, в которой китаец прятал собранных пауков, он убивал спящих воинов: в её нижнем звене, как заметила Сюзанна, он держал – каракуртов. Да-да-да!!! Это они – чёрные, с красными крестами каракурты. Эти «кресты» – вторая причина гибели воинства. Каракурт – как написано в энциклопедии – опаснейший паук. Китаец-лазутчик знал это и с их помощью убивал. И вот, смотрите – на брюхе у них ещё есть красные пятна – «красные глаза», о которых упоминали табунщики, рассказывая о «Чёрной вдове». Всё совпадает... Теперь я должен вам, друзья мои, немного рассказать об этом страшном пауке – «Чёрной

вдове». Кстати, так называют её в России, в Америке. Итальянцы и французы называют «зловредным», иранцы – «бо», ногайцы Крыма – «би», арабы – «рутейла», в Средней Азии и Казахстане – «каракурт». Кстати, прежде россияне называли его «чёрным волком» и даже – «чёрной смертью». Из названия видно, – паук широко известен и пользуется не лучшей репутацией – убийцы.

Пойдем теперь дальше: сын Поднебесной империи, увидел сайгаков, которых здесь тысячи, а из их рогов китайские эскулапы делают дорогие лекарства и ценят их на вес золота. А чтобы земли эти не принадлежали Персии, он решил уничтожить оставшихся в живых – принца и его подвижников. – После некоторого раздумья доктор добавил, – сайгаков очень много, – это и есть богатство. Поэтому лазутчик стал убивать воинов, как соперников.

И так почти каждую ночь это сын Поднебесной с помощью трости напускал на спящих воинов самок каракурта. Они кусали их без крови и шума. К утру несчастные погибали.

Для убедительности доктор извлек энциклопедию, нашёл иллюстрацию чёрного паука с крестом.

– Это, друзья, и есть ещё одна причина смерти, названная в эпосе. Вот он – ка-ра-курт! Страшный паук! Он же – «Чёрная вдова!». Кстати заметим: впервые известным для учёных он стал в конце семнадцатого века. Его окрестил ученый, впервые описавший, как – «паук тринадцатипятенный» Считали, что это число дано Богом не случайно. Число – роковое. Но оказалось – тринадцать пятен на них – вовсе не обязательно.

– А почему называют Чёрной вдовой? – спросил Роман Романович.

– Здесь, – постучал доктор по жёлтой книге, – поясняется: «Во время свадеб самка съедает ненужного ей самца и остается одна. Её цель – воспитать как можно больше детёнышей. Живет одна, самца нет! Кто она? – Вдо-ва же! Да ещё чёрного цвета...

Где искать Эсхила?

– **И**так, друзья мои, нам предстоит теперь узнать последний и тоже главный вопрос – что, и как получилось? Почему «Судьба героя – судьба Эсхила»?

Почему погиб принц? Почему судьба его повторила судьбу древнего грека – Эсхила?

Заложив руки за спину, доктор принялся ходить медленно, но, как говорится, он разошёлся и энергично стал отмерять большими шагами пространство вокруг маленькой палатки, поставленной среди бескрайних, пустынных равнин. Это означало, что он пытался вспомнить – где же и когда читал про загадочного Эхила? Но, чем дольше не мог вспомнить он, тем шире становились шаги его. И вот он уже ходит большими, размашистыми шагами. А это означало, – ещё чуть-чуть, немного ещё и он обязательно вспомнит... Однако, чтобы оказаться на пороге разгадки, он почувствовал вдруг, как ему мешают очки. Они, как никогда, мешают думать, рассуждать, говорить и дышать даже. Доктор, нисколько не раздумывая, швырнул их, куда глаза не глядят. Но, увы, на этот раз испытанный сотни раз рефлекс его, не помог. И тогда доктор схватился за голову. С досады он скреб её через толстую материю чалмы, будто пытался оживить забытый образ гибели древнего грека. Но на то он и был древним, чтобы могли его как следует подзабыть. Эхил крепко засел, оброс забытием где-то под чалмой, в закоулках памяти старого профессора и ни в какую не желал оставить храм забвения, в котором жил более двух тысяч лет. Он не хотел дышать свежим воздухом настоящего. Конечно, Эхилу было всё равно – спешить некуда. Только вот доктора это совершенно не устраивало...

– Доктор, успокойтесь, – сказал Роман Романович и нежно лизнул его руку. – Мы обязательно узнаем про тугодума – Эхила.

– Нет, Роман Романович, если я не вспомню как погиб этот бедолага, считайте, – это провал на самом ответственном пути настоящей истории. Это трагедия! Это последняя тайна «третьего креста». И мы должны узнать, какое отношение этот самый «крест» имел к гибели принца? Как всё произошло? Вот в чём вопрос.

– Доктор, простите, – заметила Сюзанна, – Вы, как попугай, заладили одно и то же: «Конец! Трагедия!»

– Как, как Вы сказали, Сударыня? Конец! Трагедия! О! Эврика! – вскричал радостный доктор. Он даже подпрыгнул. Вы молодчина, сударыня! Трагедия! Вот именно – трагедия! В этом весь Эхил! Только не «конец», а – «Отец!». Эхил признан был в свое время «Отцом трагедии!». Великий драматург!

– Как Вы подсказали удачно, Сюзанна. Теперь вспоминаю – ему однажды предсказано было быть осторожным: на него, по словам провидца, может внезапно обрушиться кровля, либо что-то ещё сверху. И, представляете, этот великий поэт и драматург панически, после предсказания, боялся ходить там, где ему могло что-нибудь свалиться на голову. Но, как говорят, от судьбы не уйти. И однажды, однажды... – Доктор стал искать на собственном носу очки, но их не оказалось. – А где очки?

В растерянности он остановился и стал шарить по карманам...

– Доктор, что дальше? – прострекотала Сюзанна.

– Сударыня, не могу вспоминать и тем более – говорить. Я без очков...

– Сейчас, – пообещал Роман Романович: чуткий нос привёл его в угол палатки, где были очки. Он тут же поднёс их доктору.

– Спасибо, уважаемый! – поблагодарил доктор Романа Романовича. – Что бы я делал без Вас?

– Итак, этот самый Эсхил, которого с таким трудом мы оседлали, однажды направился в пустыню. Думаю, отдохнуть от суеты и людей. Он уверен был, там ничего не грозит ему. Но!

– Что дальше, доктор? – торопил уже Роман Романович.

– Дальше случилась трагедия: в это время пролетающий орёл схватил где-то черепаху и нес её к соседним скалам. И вот когда пролетал он над великим драматургом, то выпустил её случайно из когтей.

– И что она? Полетела дальше? – спросил Роман Романович.

– Вот именно! Полетела и упала на голову несчастного Эсхила. Он погиб... Судьба нашла его даже в пустыне, под совершенно чистым небом.

– И что из этого, доктор? – спросила Сюзанна. – Ведь здесь же нет черепов. И ничего похожего здесь не могло произойти.

– Я тоже так подумал сначала. Но судьба – есть судьба. Чему быть, тому не миновать. И в нашем случае могла причиной быть черепаха, но только с тем условием, что поймана она была далеко отсюда. Значит, орёл нёс злополучную жертву к горам, к скалам, чтобы разбить её о камни. И по дороге случилось несчастье, но только уже с юным принцем?

– Вот именно! – подтвердил доктор. Но нам ничего не остается, как искать «вещьдоки», иначе наша версия ничего не стоит. Искать придется только с Вашей помощью, сударыня, – намекнул доктор...

«Камень» на холмике

– **Д**октор, я нашла череп? – перебила его Сюзанна и показала выбеленный солнцем череп зверька.

– Всё прекрасно! Я обязательно посмотрю, что за зверь это. – Сказал он и показал Сюзанне рисунок черепахи. Ведь она никогда прежде не видела похожих на камни, животных. – Теперь, уважаемая, предстоит Вам поискать похожее по всей округе. Возможно, что-то и найдете... С высоты много красоты, – иронизировал доктор, – а среди красоты возможно отыщите и нужное.

Сюзанна хитро подмигнула Роману Романовичу, – вот, мол, какая я нужная! – Она вспорхнула и, взмахивая чёрно-белыми крыльями, быстро скрылась.

Доктор извлек из сундучка «Энциклопедию пустынь», вооружился лупой, линейкой, весами и приступил к изучению черепа зверька. Он измерял его, записывал какие-то цифры в полевой дневник. И чем ближе он от окончательного установления хозяина черепа, лицо его становилось всё более сосредоточенным. А это значило, что он почувал что-то очень важное. Ну а когда брови его напрягались, стали колючими и уперлись в стекла очков, это уже означало, что доктор нашел ответ. Но сейчас он беспрестанно, по тараканьи, шевелил усами. А это означало совсем что-то другое. Открытие, как оказалось, сделано важное. Однако сам доктор в этой удаче сомневается очень, и поэтому напряжение его было крайне велико. Потом он успокоился, неторопливо и очень внимательно сравнивал череп с рисунками в энциклопедии. Наконец-то, расслабился совсем, и, позабыв крикнуть боевое своё – «Эврика!», – тихо и спокойно, будто в глубоком, гипнотическом сне, мягко бросил очки в угол палатки. Доктор вёл себя странно и непонятно – он ликовал. Расправив худые плечи, перемотал свою чалму, и в длинной, нижней рубаше, напевая восточную песенку, двигал бедрами, как индийская танцовщица играл глазами и, мягко, как юная китаянка улыбался, глядя на маленький беленький череп.

Роман Романович молча наблюдал за доктором. Он понимал, что доктор в хорошем настроении и скоро сам расскажет что-то очень интересное.

Прилетела Сюзанна.

– Чем порадуете, сударыня? – напевая и пританцовывая, спросил доктор.

Сюзанна с недоумением наблюдала за странным поведением доктора, который походил на танцующего факира с тростью, и ничего не могла сказать. Она видела его таким впервые.

Доктор, лишь спустя некоторое время, ответила она: – никакой черепахи я тут не нашла. Это невозможно.

– Да, огорчительно, – сказал доктор. – Но ещё не вечер... Значит, так и ничего?

– Но синг! – на чисто английском отрезала Сюзанна.

– Да, пожалуй, в этой пустыне и камень трудно спрятать. Всё далеко и хорошо просматривается. Потому камней и нет здесь... Теперь он снова сосредоточился на мысли, известной ему одному. Он думал...

– Доктор, камень, который нашла я, весь почти засыпало. А Вы говорите – нет камней здесь... Вон там, на бугорке, на другой стороне озера лежит.

– Камень, камень... – доктор затолкал руку под чалму и поскреб по привычке, но с большим отчаянием, собственную лысину. Он снова думал...

– Так вы, сударыня, сказали – камень? Вы уверены? – спросил он и бросился искать очки. «Ну что ты поделаешь! Опять подевались куда-то!» – досадовал он. Но даже без очков, которые сильно увеличивали глаза его, было видно, что глаза его полны огня. В них билась новая, горячая мысль.

– Доктор, – обратился Роман Романович, – давно спросить хочу, – почему «Чёрная вдова» перекрашивала лошадей?

– Да, друзья мои, совершенно позабыл в суете и суматохе рассказать об этом. Ну, что ж, перед тем как пойти к «камню», который нашла Сюзанна, расскажу вам ещё об одном удивительном явлении: Из «Энциклопедии пустынь» я узнал, что здесь растёт, так называемый селин – невысокий ядовитый кустарник с густо перепутанными ветками. Кстати, помните, когда очки мои упали с саксаулового дерева на куст, – так это и был куст селина. Если лошадь поест это растение – она слепнет и меняется окрас её шерсти – на светлый или седоватый. Лошадь становится неузнаваемой и беспомощной. Но постепенно, на нормальных травах, к ней возвращается зрение и восстанавливается окрас. Все это приписывают суеверные люди «Чёрной вдове». Вот, оказывается, какие чудеса творятся на этой земле.

– Возьмите очки, доктор. – Сказал Роман Романович.

– Спасибо уважаемый, что без Вас бы делал я?

– Теперь немедленно к озеру! – И доктор с места, позабыв свой сундучок, как мог быстрее пошагал. Действительно, как только обошли озеро, на холмике, заросшем сизой полынью, доктор увидел, как тускло поблескивал полузасыпанный, выбеленный временем панцирь черепахи.

Доктор осторожно откопал его и осмотрел.

– Вес животного, – рассуждал он, – достигал почти трех килограммов. Если, как мы думаем, какой-то орёл летел и с высоты выронил её, то, падая, вес черепахи кратно нарастал бы и, примерно с высоты 100–200 метров, обладал ударной силой не менее, чем в полтонны... Эффект Эхила сработал... Здесь был похоронен юный принц, и на холм этот положили упавшую с высоты черепаху. Вот и всё...

Сыщики молча стояли около холмика. За ними играло тонкой голубизной неба, спокойное, заросшее по краям озерко. Тоскливо перекликались кулики, печально посвистывал вокруг ковыль... За озером рыжели одинокие руины мечети...

– Теперь, понятен и третий «крест земной» – задумчиво сказал доктор.

– Кто он? Где Вы видите его, доктор? – спросила Сюзанна. Роман Романович приподнял даже всегда висящее ухо.

– Друзья мои, речь, несомненно, идет о силуэте хищника парящего высоко в небе. Согласитесь, уважаемые, силуэт орла на высоте походит на большой, тёмный крест.

Роман Романович и Сюзанна молчали. Они, конечно, согласны с доктором. Им грустно было смотреть на одинокий холмик, после того, как они узнали, что произошло здесь много веков назад.

Последняя тайна Бетпак-Далы

– *Т*еперь, друзья мои, пришло время, и раскрыть значение ещё нескольких строк этого удивительного эпоса. Доктор прочитал их на память:

«Но тайны ключ её найдёт другой,
И в «сонном» имени зверька
Своё увековечит имя,
А тайна «светлого пятна» умрет
И никогда уж не воскреснет».

– Смысл провидческих строк в рукописи просто удивителен! – пояснял доктор. – Будто сочинил это сам «Гомер» из древней Эллады. Будто он видел будущее сквозь века. Это просто удивительно.

Доктор и сам в это время смотрел сквозь толстые стёкла очков не в будущее, как провидец, а в прошлое, в далекое прошлое.

– Тайна строк, – говорил он, – заключается в следующем... Нет, сначала, друзья мои, – остановил он себя, – давайте всё по порядку. Как говорится, «Время разбрасывать камни» пришло. Расставим всё по местам и прокрутим с самого начала, в общих чертах, всю картину этого похода, и тогда в последовательности представим всю трагедию случившегося.

Доктор поправил чалму, расстегнул бархатный жилет и, заложив руки за спину, путаясь в шароварах, медленно начал ходить вокруг холмика, выстраивая по порядку всю историю открытия «Долины злосчастья».

– После того, – начал он, – как принц узнал, что есть такая неизведанная земля на севере, несмотря на уговоры отца, отправился с отрядом преданных воинов на её покорение. Преодолевая песчаные пустыни, часть воинов, как мы узнали, погибла от укусов ядовитейшей, песчаной эфы – первой причины. Как только они вышли к Великому шёлковому пути, присоединился к ним китайский лазутчик. Он вёл разведку по заданию императора Поднебесной Империи. После того, как

случайный попутчик увидел бесчисленные стада сайгаков, рога которых высоко ценятся в Китае, он решил постепенно уничтожить воинов. Но, так как одному невозможно было одолеть безлюдные пространства, он, зная силу яда каракурта, собирал их по щелям, вероятно, в стенах той же мечети и прятал в бамбуковой трости или «зурне». Ночью он выпускал пауков на спящих воинов. Все это время он делал тайные записи на шёлке и хранил его в той же бамбуковой трости. Конечно, в голову никому не могло прийти, чем он занимается. Но вот, однажды, принц, проснувшись ночью, увидел тайнодействия предателя и своими руками задушил его. Трость его презренную он в гневе далеко забросил. Застряв среди густых ветвей саксаулов, она осталась там и чудом сохранилась до наших дней.

Здесь юный принц нашёл свою любовь, это была дочь муллы, жившего в этой мечети. Наконец, пришел день, и он собрался увезти девушку в свою страну, там и сыграть свадьбу. Одиноким, но счастливым, он стоял под этими небесами и, с горечью осознав злключения, которые случились с его воинством, он громко, крикнул: «Эта долина – и зла, и счастья!». Конечно, потеряв всех друзей в пути, он назвал её злой. Но было и другое – он встретил здесь свою любовь. Это, конечно, – счастье! Вот поэтому он и назвал эту землю на персидском – «Долина злосчастья!», что звучит как «Бетпак-Дала»...

И опять произошло невероятное: ничего не подозревающий юноша, в этот весенний день вышел, чтобы проститься с этой землей. Но в его сторону плыл на широких крыльях могучий орел, силуэт которого напоминал тёмный крест. Из лап его выскользнула черепаха...

– Доктор, а почему Вы считаете, что это был весенний и ласковый день? – спросил тихо, с печально опущенными ушами и грустными глазами Роман Романович.

– Потому, что весной, когда черепахи оставляют зимние норы, оголодавшие орлы переходят на питание ими.

– Ты всегда задаешь дурацкие вопросы. С мысли всех сбиваешь. Доктор красиво так рассказывал про любовь. Продолжайте, доктор! Что же происходило дальше? – стрекотала возмущенная Сюзанна, чувства которой всецело охвачены были всепоглощающей любовью.

– Я должен сказать, что для пустынь, как об этом говорится в энциклопедии, характерно то, что орлы ловят черепах и бросают их с высоты на камни, чтобы разбить панцирь... Но, как видите, поблизости скал нет, солончаки одни и голые степи, поэтому орел нес жертву туда, где есть камни. Могу предположить – блистающий шлем юноши он мог принять за камень... Но в любом случае – смерть принца необычна. Это судьба! – доктор помолчал. – А невеста его, как мы знаем, – всю жизнь потом не сняла тёмного савана.

Прошли годы. Поросло всё травой забвенья. Не стало юной «Чёрной вдовы», утратил своё значение Великий шёлковый путь, развалилась мечеть... В руинах её поселился каракурт – «Чёрная вдова». Пауков стало много. Они несли смерть каждому, кто хотя бы однажды здесь поселялся или ночевал. Люди боялись и избегали этого страшного места. Появлялись одна страшнее другой легенды. Вот, пожалуй, и всё. Теперь мы можем смело сказать, что знаем главное об этой удивительной, неизвестной земле, которая долгое время оставалась светлым пятном на географических картах.

– Доктор, нам про череп зверька что-нибудь...

– Да, друзья мои, увлекся и совершенно позабыл о нём. Сошлюсь на «Энциклопедию пустынь». В ней говорится, что в 1938 году, сюда отправилась научная, казахстанская экспедиция. Бетпак-Дала все века так и продолжала оставаться «белым пятном» на географической карте не только Казахстана, но и Евразии. И если б не этот череп грызуна, что принесла Сюзанна, нам бы эту тайну и не отгадать.

Доктор извлёк этот маленький череп:

– Друзья мои, череп этот очень редкого животного. Он и открыт был научной экспедицией. Уже в начале XX века, трудно было найти неизвестное науке существо из класса млекопитающих, для северного полушария.. И вот – неизведанная Бетпак-Дала преподнесла подарок казахстанской науке. Счастливец оказался известный ученый – Виктор Селевин. Зверёк и был назван именем его. А это уже навсегда.

– А почему же, доктор, в легенде говорится о «сонном» имени зверька. Он много спит? – поинтересовался Роман Романович.

– Ах да, я совершенно забыл, что зверёк «Селевиния» относится к неизвестному науке семейству, так называемых – «сонь». Нет, он не сонный, напротив, когда пустыня спит, он выходит на свою маленькую охоту – за насекомыми. Есть ещё у него и другое название – «Боялычная соня».

– «Боялычная» потому, что вот эти, что вокруг нас кустарнички, казахи называют боялычем. А Селевиния в них живёт. И вот Сюзанна удосужилась отыскать ценную находку. Теперь, друзья мои, вы лишний раз убедились, как в непростом нашем деле каждая мелочь – костяшка, перышко, паутинка, сломанная веточка может сыграть большую, даже очень важную роль.

– Всё, как будто, сошлось. Во всём прав был слепой музыкант, казахский Гомер из Сары-Арки. Он поведал публике кое-что и про нас. И снова доктор восторженно по-особенному, громко прочитал: «Они – начал он, это значит мы с вами друзья:

Они откроют заново тот путь,

Найдут волшебную «зурну»

И вот тогда, и навсегда,

Исчезнут тайны и сомненья».

Доктор окончил рассказ. Теперь все они – Роман Романович, Сюзанна и сам доктор Филипп, – молчали. Им стало почему-то грустно. Может, потому, что жаль было погибшего принца, который всё это время «жил» вместе с ними, как тайна. Может потому, что они узнали теперь всю историю трагической гибели экспедиции и что теперь все таинственные приключения прошлого стали известными. Следопыты узнали и все три причины трёх «крестов», погубивших экспедицию.

Теперь наши сыщики знали, кто есть «Чёрная вдова», наконец, узнали, как исчезло географическое «белое пятно». Да и, вообще, с тайнами в нашей жизни расставаться немного грустно. Не будь их, жить станет на земле не так интересно. Но, оказывается, победители умеют тоже грустить. А победители – они – наши знаменитые сыщики и следопыты, приключения которых на этом пока закончились.

Но сколько впереди ещё неизведанного и таинственного!

Содержание:

Доктор Филипп и его друзья	5
I. Доктор Филипп	7
На прогулке.....	10
Помогите, спасите!.....	12
Важное решение	16
Почему случилось несчастье?	21
Загадка веков или открытие века	33
Хранители атрибутов времени	46
У степного родника.....	52
Дьявольские болота	59
Таинственная или чудесная волшебница	67
Смерть на шипах.....	76
Лесная трагедия.....	90
II. Таинственный убийца	101
Корабль пустыни	102
У юрты почтенного Сарыбая.....	106
Сыщики идут по следу	108
Песчанки – союзники волков	111
Следствие продолжается.....	113
По горячему следу.....	115
Смерть под облаками	116
Сарыбай снимает «шляпу»	119
Долг платежом красен	120
Счастливая встреча	121
Летающие мыши	137
Дух злой, таёжный	147
III. Тропой легенд и преданий	162
Начало пути	169
Первое знакомство с пустыней	172
Караван идёт на Полярную звезду.....	176
Желанная встреча	179
Рассказ о Чёрной вдове.....	182
Айтыс Великой Сары-Арка	185
У древних руин.....	190
Зурна заговорила.....	194
Тайна Чёрной вдовы.....	197
Где искать Эсхила?.....	199
«Камень» на холмике.....	201
Последняя тайна Бетпак-Далы.....	204

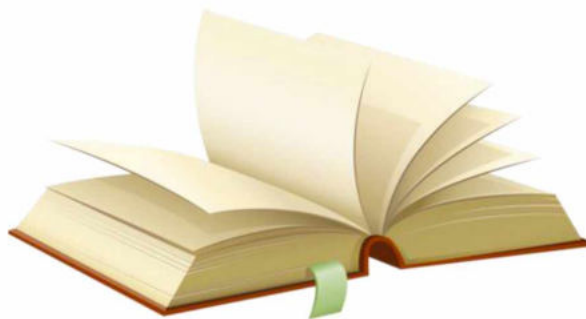
Книги Бориса Щербакова:

- Житель лунных тугаёв – 1976 г., изд. «Жалын»;
У озера звенящих колоколов – 1980 г., изд. «Жалын»;
Золотыми тропами осени – 1983 г., изд. «Кайнар»;
Тропа длиною в год – 1985 г., изд. «Кайнар»;
Зелёный дом – 1985 г., изд. «Жазуши»;
Ожившие реликты – 1986 г., изд. «Кайнар»;
Алтай Казахстанский – 1986 г., изд. «Кайнар»;
Травы памяти – 1990 г., изд. «Жазуши»;
Волнистый попугайчик – 1995 г., изд. ВК ПО «Полиграфия»;
Птицы за окном – 1996 г., изд. ВК ПО «Полиграфия»;
Купите себе попугая – 1997 г., изд. «Казахстан»;
Охота за буквами – 2002., изд. «ВКГУ»;
Путь к Абаю – 2005 г., изд. «Меди-Альянс»;
Властелин пустыни – 2007 г., изд. «Либриус»;
Таёжное графство... – 2008 г., изд. «Каз-Акпкрат»;
Концепция гипотезы о происхождении перьев... – 2011 г., изд. «Либриус»;
Моя планета Казахстан – 2008 г., изд. «Жазуши»;
Восточный Казахстан – сердце Евразии – 2011 г., изд. «Банког»;
Старое подворье – 2014 г., изд. «Восток-Печать»;
Доктор Филипп и его друзья – 2014 г., изд. «Восток-Печать».

Борис Щербаков
«Доктор Филипп и его друзья»
Криминальные истории в природе.
Усть-Каменогорск, 2014 год – 210 стр.

Редактор: Г.Н. Пуссеп
Корректор: Т. А. Новосёлова
Рисунки: Б. В.Щербаков
Дизайнер: Е.В. Якушева
Ответственный за выпуск: А.Е. Гужвин

Книга отпечатана в типографии «Восток-Печать».
Усть-Каменогорск, ул. Атлантическая, 48

2014 г.

3000-005

типография
Вослук
ПЕЧАТЬ
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК

